

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Председатель редакционного совета:

К.А. Чуйченко, Министр юстиции
Российской Федерации (г. Москва)

Члены редакционного совета:

Н.К. Атабекова, кандидат юридических наук, кандидат филологических наук, доцент, проректор по науке и инновациям Международного университета Кыргызской Республики (Киргизия);

Д.С. Жуйков, заместитель Министра юстиции Российской Федерации (г. Москва);

М.Н. Илюшина, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права ВГУЮ (РПА Минюста России), Заслуженный юрист РФ (г. Москва);

В.И. Красилов, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник центра научных исследований ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Москва);

А.В. Малько, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Поволжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), Заслуженный деятель науки РФ (г. Саратов);

Ц. Сыюань, кандидат филологических наук, доцент, начальник секретариата Центра обмена и сотрудничества при Комиссии по юридическим услугам для ШОС (Шанхайского политико-юридического университета) (Китай);

А.И. Усов, доктор юридических наук, профессор, первый заместитель директора, курирующий научно-методическую и образовательную деятельность Российского федерального центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции РФ (г. Москва);

П.С. Яни, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва);

В.В. Ярков, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева (г. Екатеринбург);

Б.В. Яцеленко, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии ВГУЮ (РПА Минюста России), Заслуженный юрист РФ (г. Москва)

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Председатель редакционной коллегии: доктор юридических наук, профессор, председатель Следственного комитета РФ, генерал юстиции РФ, Заслуженный юрист РФ
А.И. Бастрыкин (г. Москва)

Главный редактор: член редакционной коллегии, кандидат юридических наук, доцент, ректор ВГУЮ (РПА Минюста России)
О.И. Александрова (г. Москва)

Заместитель главного редактора: член редакционной коллегии, доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе, заведующий кафедрой гражданского процесса, публично-правовой деятельности и организации службы судебных приставов ВГУЮ (РПА Минюста России) **В.А. Гуреев** (г. Москва)

Ответственный секретарь: член редакционной коллегии, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой административного, финансового и информационного права ВГУЮ (РПА Минюста России) **З.М. Казачкова** (г. Москва)

Члены редакционной коллегии:

Д.А. Авдеев, кандидат юридических наук, доцент (г. Тюмень);

М.Б. Аверин, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, доцент (г. Москва);

А.С. Автономов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

В.Н. Бабенко, доктор исторических наук, профессор (г. Москва);

Н.В. Бандурина, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Э.В. Богмацера, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);

С.В. Борисов, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

И.И. Зенкин, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);

О.В. Исаенкова, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов);

А.Я. Козинцев, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, доцент (г. Санкт-Петербург);

Е.Б. Козлова, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

В.Ф. Лапшин, доктор юридических наук, доцент (г. Ханты-Мансийск);

А.Н. Лёвушкин, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

С.В. Максимов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

Б.И. Нефедов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

В.Ю. Панченко, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Н.А. Подольный, доктор юридических наук, доцент (г. Саратов);

А.Г. Репьев, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Б.В. Сангаджиев, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

А.Ю. Соколов, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов);

З.Б. Соколов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

Ю.Г. Торбин, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

Е.В. Трофимов, доктор юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург);

Е.В. Фоменко, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

К.В. Черкасов, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Н.Г. Якубова, кандидат юридических наук (г. Москва)

THE COMPOSITION OF THE EDITORIAL COUNCIL

Chairman of the Editorial Council:

K.A. Chuichenko, Minister of Justice
of the Russian Federation (Moscow)

Members of the Editorial Board:

N.K. Atabekova, PhD in Law, PhD in Philology,
Vice-Rector for Science and Innovations
of International University of the Kyrgyz Republic
(Kyrgyzstan);

M.N. Ilyushina, Doctor of Law, Professor, Head
of the Department of Civil and Business Law
of All-Russian State University of Justice, Honored
Lawyer of the Russian Federation (Moscow);

V.I. Krasikov, Doctor of Philosophy, Professor, Chief
Researcher of the Center for Scientific Research
of All-Russian State University of Justice (Moscow);

A.V. Malko, Doctor of Law, Professor of the
Department of State and Legal Disciplines of the
Volga Region Institute (Branch) of All-Russian State
University of Justice, Honored Worker of Science
of the Russian Federation (Saratov);

C. Siyuan, PhD in Philology, Head of the Secretariat
of the Center for Exchange and Cooperation under
the Commission on Legal Services for the SCO
(Shanghai University of Politics and Law) (China);

A.I. Usov, Doctor of Law, Professor, First Deputy
Director in Charge of Scientific, Methodological
and Educational Activities of the Russian Federal
Center for Forensic Science Under the Ministry
of Justice of the Russian Federation (Moscow);

P.S. Yani, Doctor of Law, Professor of the
Department of Criminal Law and Criminology
of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow
State University (Moscow);

V.V. Yarkov, Doctor of Law, Professor, Head of the
Department of Civil Procedure of V.F. Yakovlev
Ural State Law University (Yekaterinburg);

B.V. Yatselenko, Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Criminal Law and
Criminology of All-Russian State University
of Justice, Honored Lawyer of the Russian
Federation (Moscow);

D.S. Zhuikov, Deputy Minister of Justice
of the Russian Federation (Moscow)

THE COMPOSITION OF THE EDITORIAL BOARD

Chairman of the Editorial Board: Doctor of Law, Professor,
Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation,
General of Justice of the Russian Federation, Honored Lawyer
of the Russian Federation **A.I. Bastrykin** (Moscow)

Chief Editor: Member of the Editorial Board, PhD in Law,
Rector of All-Russian State University of Justice
O.I. Alexandrova (Moscow)

Deputy Chief Editor: Member of the Editorial Board, Doctor of Law,
Professor, Vice-Rector for Scientific Work, Head of the Department
of Civil Procedure, Public Law Activity and Organization of the Bailiff
Service of All-Russian State University of Justice **V.A. Gureev** (Moscow)

Executive Secretary: Member of the Editorial Board, Doctor of Law,
Professor, Head of the Department of Administrative, Financial and
Information Law of All-Russian State University of Justice
Z.M. Kazachkova (Moscow)

Members of the Editorial Board:

D.A. Avdeev, PhD in Law (Tyumen);

M.B. Averin, PhD in Law, PhD in History (Moscow);

A.S. Avtonomov, Doctor of Law, Professor (Moscow);

V.N. Babenko, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow);

N.V. Bandurina, Doctor of Law (Moscow);

E.V. Bogmatsera, PhD in Law (Moscow);

S.V. Borisov, Doctor of Law (Moscow);

K.V. Cherkasov, Doctor of Law (Moscow);

E.V. Fomenko, Doctor of Law (Moscow);

O.V. Isaenkova, Doctor of Law, Professor (Saratov);

A.Ya. Kodintsev, Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences (St. Petersburg);

E.B. Kozlova, Doctor of Law (Moscow);

V.F. Lapshin, Doctor of Law (Khanty-Mansiysk);

A.N. Levushkin, Doctor of Law, Professor (Moscow);

S.V. Maksimov, Doctor of Law, Professor (Moscow);

B.I. Nefedov, Doctor of Law, Professor (Moscow);

V.Yu. Panchenko, Doctor of Law (Moscow);

N.A. Podolny, Doctor of Law (Saransk);

A.G. Repyev, Doctor of Law (Moscow);

B.V. Sangadzhiev, Doctor of Law, Professor (Moscow);

A.Yu. Sokolov, Doctor of Law, Professor (Saratov);

Z.B. Soktoev, Doctor of Law, Professor (Moscow);

Yu.G. Torbin, Doctor of Law, Professor (Moscow);

E.V. Trofimov, Doctor of Law (St. Petersburg);

N.G. Yakubova, PhD in Law (Moscow);

I.I. Zenkin, PhD in Law (Moscow)

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

© Вестник Российской правовой академии, 2025

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации № 77–15470 от 20 мая 2003 г.

Номер подготовлен при информационной поддержке справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Журнал включен в Перечень рецензируемых изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, соискание ученой степени доктора наук по следующим научным

специальностям: 5.1.1 «Теоретико-исторические правовые науки», 5.1.2 «Публично-правовые (государственно-правовые) науки», 5.1.3 «Частноправовые (цивилистические) науки», 5.1.4 «Уголовно-правовые», 5.1.5 «Международно-правовые науки».

Опубликованные статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Редакция оставляет за собой право на внесение изменений и сокращений. Полная и частичная перепечатка материалов возможна с письменного разрешения редакции.

Published articles express the authors' opinion, which may not coincide with the point of view of the editorial office of the journal. The editors reserve the right to make changes and abbreviations. Full and partial reprinting of materials is possible with the written permission of the editorial office.

СОДЕРЖАНИЕ

СПЕЦИАЛЬНАЯ РУБРИКА, ПОСВЯЩЕННАЯ ГОДУ ЗАЩИТНИКА ОТЕЧЕСТВА
И 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941–1945 гг.

Аверин М. Б.

Советско-британские политические разногласия на Ялтинской
и Потсдамской конференциях: границы и политическое устройство
освобожденных территорий 10

Бабенко В. Н.

Правовая политика Советского государства в период
Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) 24

Васягина М. М., Шигуров А. В., Шигурова Е. И.

Особенности правового регулирования и деятельности
военных трибуналов в годы Великой Отечественной войны 34

Маслов Н. А.

Некоторые особенности лексических единиц, использованных
в советской документации при подготовке к Нюрнбергскому трибуналу 48

Мельникова С. Л., Кольцов Д. Е.

Историко-правовое значение федерального проекта «Без срока давности»
в части признания преступлений нацистов на оккупированных
территориях геноцидом советского народа 59

Никитин П. В.

Фальсификация истории и итогов Второй мировой войны
как элемент психологической войны против Российской Федерации 70

Питулько К. В.

Хабаровский процесс и Токийский трибунал: установление обстоятельств
совершения военных преступлений на Дальнем Востоке в период
Второй мировой войны 80

Потапова Л. А.

О практике производства судебных экспертиз в период
Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) 90

Четвертакова И. В., Азарова Н. В.

Особенности изменения системы исполнения наказаний для реализации основной государственной задачи – борьбы с немецко-фашистской агрессией в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) 102

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА. ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ
ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Трофимов В. В., Горюшина Ю. В.

Функциональная сторона правотворческой деятельности в области урегулирования социально-правовых конфликтов (некоторые аспекты теории и прикладной проблематики)..... 114

Усольцев Е. Ю.

Некоторые спорные моменты в понимании механизма правового регулирования..... 121

ПУБЛИЧНОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

Чепенко Я. К., Галактионова А. И.

Традиционные российские духовно-нравственные ценности как национальная идея Российской Федерации..... 131

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

Карнушин В. Е.

Гражданско-правовая сущность социального кредита 140

Максуров А. А.

Некоторые аспекты регламентации передачи прав на информационную технологию..... 150

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ: ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Малешина А. В., Озерова А. С.

Новые подходы к уголовно-правовой охране персональных данных 166

Пашин В. М., Шестов В. А.

Некоторые аспекты совершенствования законодательных условий передачи уголовного преследования в иностранное государство 183

ОКАЗАНИЕ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ
И ПРАВОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ. ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.
РЕКОМЕНДАЦИИ ПРАКТИКУЮЩИХ ЮРИСТОВ

Цыганов Д. Д.

Административная ответственность в рамках размещения информации
о деятельности хозяйствующих субъектов в Федресурсе..... 197

ТРУДЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Веревошников Е. А.

Вклад М. С. Строговича в становление и развитие института истины
в уголовном процессе..... 206

Сироткин А. Г.

Некоторые аспекты взаимодействия федеральных органов
при расследовании преступлений в сфере налогообложения..... 216

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ, ПЕРСОНАЛИИ

Суворов Вадим прот.

Рецензия на книгу «Христианские основы российского права:
история и современность : монография / под ред. Ю. А. Свирина,
иерея Василия Лосева. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2025. – 239 с.» 226

CONTENT

SPECIAL SECTION DEDICATED TO THE YEAR OF THE DEFENDER OF THE FATHERLAND
AND THE 80TH ANNIVERSARY OF THE VICTORY IN THE GREAT PATRIOTIC
WAR OF 1941–1945

Mikhail B. Averin

Soviet-British Political Differences at the Yalta and Potsdam Conferences:
Borders and Political Structure of the Liberated Territories 11

Vasily N. Babenko

The Legal Policy of the Soviet State During the Great Patriotic War (1941–1945).....25

Marina M. Vasyagina, Alexander V. Shigurov, Elena I. Shigurova

Peculiarities of Legal Regulation and Activities of Military Tribunals
During the Great Patriotic War35

Nikolai A. Maslov

Some Features of the Lexical Units Used in the Soviet Documentation
in Preparation for the Nuremberg Tribunal49

Svetlana L. Melnikova, Dmitry E. Koltsov

The Historical and Legal Significance of the Federal Project “Without a Statute
of Limitations” Regarding the Recognition of Nazi Crimes in the Occupied
Territories as Genocide of the Soviet People.....60

Pavel V. Nikitin

Falsification of History, Results and Aftermath of World War II
as an Element of Psychological Warfare Against the Russian Federation..... 71

Kseniia V. Pitulko

The Khabarovsk Trial and the Tokyo Tribunal: Establishing the Circumstances
of War Crimes in the Far East During World War II81

Lyudmila A. Potapova

On the Practice of Conducting Forensic Examinations
During the Great Patriotic War (1941–1945)91

Irina V. Chetvertakova, Natalia V. Azarova

Features of the Change in the System of Execution of Punishments for the Implementation of the Main State Task – The Fight Against Nazi Aggression – During the Great Patriotic War (1941–1945) 103

PHILOSOPHY OF LAW. LEGAL POLICY. THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

Vasily V. Trofimov, Juliana V. Goryushina

The Functional Side of Law-Making Activities in the Field of Settlement of Socio-Legal Conflicts (Some Aspects of Theory and Applied Problems)..... 115

Egor Yu. Usoltsev

Some Controversial Issues in Understanding the Mechanism of Legal Regulation..... 122

PUBLIC AND INTERNATIONAL LAW: THEORY AND PRACTICE OF APPLICATION

Yana K. Chepenko, Alexandra I. Galaktionova

Traditional Russian Spiritual and Moral Values as the National Idea of the Russian Federation..... 132

ACTUAL ISSUES OF PRIVATE LAW

Vyacheslav E. Karnushin

Civil-Law Essence of Social Credit 141

Alexey A. Maksurov

Some Aspects of Regulation of the Transfer of Rights to Information Technology 151

CRIMINAL LEGAL SCIENCES: LEGISLATION, THEORY AND PRACTICE

Anastasia V. Maleshina, Anna S. Ozerova

The New Approaches Toward Criminal Law Protection of Personal Data 167

Vadim M. Pashin, Vladislav A. Shestov

Some Aspects of Improving the Legislative Conditions for Transferring Criminal Prosecution to a Foreign State..... 184

PROVISION OF FREE LEGAL AID AND LEGAL EDUCATION OF THE POPULATION.
LEGAL EDUCATION. RECOMMENDATIONS OF PRACTICING LAWYERS

Denis D. Tsyganov

Administrative Liability in the Context of Posting Information
on the Activities of Business Entities in Fedresurs..... 198

PROCEEDINGS OF YOUNG SCIENTISTS

Egor A. Verevoshnikov

M. S. Strogovich's Contribution to the Establishment and Development
of the Institute of Truth in Criminal Proceedings..... 207

Artem G. Sirotkin

Some Aspects of the Interaction of Federal Agencies in the Investigation
of Crimes in the Field of Taxation 217

REVIEWS, PERSONALITIES

Vadim G. Suvorov

Review of the Book "Christian Foundations of Russian Law:
History and Modernity: Monograph / Edited by Iu. A. Svirin, Priest Vasily Losev. –
Moscow: Unity-Dana, 2025. – 239 p."..... 227

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-10-23>

СОВЕТСКО-БРИТАНСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РАЗНОГЛАСИЯ НА ЯЛТИНСКОЙ И ПОТСДАМСКОЙ КОНФЕРЕНЦИЯХ: ГРАНИЦЫ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО ОСВОБОЖДЕННЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Михаил Борисович Аверин

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

averin.mb@yandex.ru

Аннотация

В статье исследуются советско-британские противоречия по вопросам определения границ и политического устройства освобожденных европейских стран, прежде всего Польши, на Ялтинской и Потсдамской конференциях. Целью работы выступает анализ содержания требований, аргументации и доводов сторон, приводимых в защиту своих притязаний, выявление факторов, влиявших на изменения позиций глав правительств великих держав. В работе используются сравнительный и историко-правовой методы исследования. Делается вывод о том, что умелое политическое лавирование британской стороны, дипломатические таланты У. Черчилля столкнулись с последовательной позицией И. В. Сталина, имевшей твердую аргументацию, подкрепленную мощью Красной Армии и занятыми территориями. Такое положение дел, надо сказать, британский премьер-министр осознавал с самого начала событий, однако, следуя логике политической борьбы и дипломатии, продолжал отстаивать свои позиции до последнего момента, ловко увязывая данные вопросы с другими чувствительными проблемами для СССР.

Ключевые слова: Ялтинская конференция; Потсдамская конференция; И. В. Сталин; У. Черчилль; советско-британские отношения.

Для цитирования: Аверин М. Б. Советско-британские политические разногласия на Ялтинской и Потсдамской конференциях: границы и политическое устройство

тво освобожденных территорий // Вестник Российской правовой академии. 2025.
№ 2. С. 10–23. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-10-23>

Research Article

SOVIET-BRITISH POLITICAL DIFFERENCES AT THE YALTA AND POTSDAM CONFERENCES: BORDERS AND POLITICAL STRUCTURE OF THE LIBERATED TERRITORIES

Mikhail B. Averin

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow,
117638, Russia
averin.mb@yandex.ru

Abstract

The article examines the Soviet-British contradictions on the definition of borders and the political structure of the liberated European countries and, above all, Poland at the Yalta and Potsdam conferences. The purpose of the work is to analyze the content of the demands, arguments and arguments of the parties in defense of their claims, to identify the factors that influenced the changes in the positions of the heads of government of the great powers. The work uses comparative and historical-legal research methods. It is concluded that the skillful political maneuvering of the British side and the diplomatic talents of U. Churchill was confronted with the consistent position of J. V. Stalin, which had a solid argument, supported by the might of the Red Army and the occupied territories. I must say, the British Prime Minister was aware of this state of affairs from the very beginning of events, however, following the logic of political struggle and diplomacy, he continued to lag behind his positions until the last moment, deftly linking these issues with other sensitive issues for the USSR.

Keywords: Yalta Conference; Potsdam Conference; J. V. Stalin; W. Churchill; Soviet-British relations.

For citation: Averin M. B. Soviet-British Political Differences at the Yalta and Potsdam Conferences: Borders and Political Structure of the Liberated Territories. *Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 2, pp. 10–23. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-10-23>

Введение

Ялтинская и Потсдамская международные конференции руководителей союзных держав стали важнейшими дипломатическими событиями периода Второй мировой войны, подвели итог в борьбе против стран «оси», а также сыграли решающую роль в установлении Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений. Время проведения конференций, февраль и июль–август 1945 г., т.е. заключительный период войны, предопределило то, что в ходе переговоров все более рельефно проявлялись противоречия между союзниками – СССР, США и Великобританией. Главы государств и правительств пытались получить максимальную выгоду от участия в разгроме сильнейшего противника, иметь такие преимущества в виде зон влияния, экономических преференций и территорий, которые могли в какой-то мере компенсировать понесенный ущерб, а также способствовать защите государственных интересов в будущем, обеспечить поступательное развитие и безопасность.

Однако положение трех союзных государств было различным. Советский Союз вынес основное бремя войны, имел огромные материальные и людские потери, стремился к созданию пояса дружественных сопредельных государств и расширению сфер своего влияния. Экономика, армия и влияние США усилились. Америка желала создать условия для движения по пути к мировому господству, а слабеющая Великобритания сохранить свое влияние и колониальную империю.

Эти объективные факторы служили основой для противоречий между США и Великобританией, но прежде всего между СССР и этими западными державами. Данные противоречия усиливались и идеологическими разногласиями, которые становились зачастую внешней формой выражения и прикрытием реальных империалистических целей.

США, президент Ф. Рузвельт, будучи более сильными игроками, с самого начала могли себе позволить более конструктивную политику во взаимовыгодных отношениях с СССР, выражая готовность идти на определенные уступки. Британский премьер-министр У. Черчилль в большей степени был озабочен результатами войны, понимая все возможные последствия для своего государства от усиления СССР. Однако с приходом к власти президента Г. Трумэна позиция США в отношении Советского Союза становится более жесткой.

Поэтому советско-британские противоречия, которые усилились в последний период Второй мировой войны, имевшие место в столь чувствительных сферах, как вопросы формирования территориальных границ и политического устройства освобожденных европейских стран, вызывают повышенный интерес. Здесь стоит отметить, что на конференциях наиболее остро встал вопрос о границах Польши, ее правительстве и выборах. Эта ключевая проблема для безопасности СССР стала предметом жарких дискуссий на встречах глав правительств и в переписке между главами союзных держав весной 1945 г.

Необходимо отметить, что вышеуказанные проблемы неоднократно выступали предметом исследования в научной литературе, а соответствующие документы были опубликованы [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7, с. 149–152; 8; 9, с. 70–76; 10; 11, с. 54–57; 12, с. 73–97; 13, с. 168–184; 14]. Однако вопросы о противоречиях союзников в облас-

ти территориальных границ, политического устройства европейских стран, прежде всего Польши, все еще нуждаются в определенном уточнении.

1. Крымская (Ялтинская) конференция

В ходе Ялтинской и Потсдамской конференций, так или иначе, поднимались вопросы о границах стран Восточной и Центральной Европы (Германии, Польши, Югославии, СССР), советских границах на Дальнем Востоке, организации государственной власти, проведении выборов и особенностях местной демократии в странах, непосредственно затронутых боевыми действиями, а также приведенных в качестве примеров (например, выборы в Египте в ходе дискуссии в Ялте) или выступающих примерами, аргументами в дискуссиях, при политическом торге между главами великих держав.

Западные лидеры, особенно британский премьер-министр, были представителями демократических стран, поставленными в зависимость от воли избирателей, партий, парламента и иных политических кругов. Это, несомненно, несколько ограничивало свободу их действий, однако позволяло в необходимых случаях использовать в качестве аргументов в ходе дискуссии «волю избирателей», «мнение парламента», «необходимость объяснить парламенту» и т.п. Подобная аргументация со стороны И. В. Сталина выглядела бы менее убедительной, однако его доводы о жертвах советского народа, его вкладе в разгром врага, помноженные на занятые территории и быстрое продвижение Красной Армии на Запад, были более чем серьезными доводами.

Одним из острейших вопросов стал англо-американский план расчленения Германии, вопрос о ее возможных послевоенных границах, пределах последних на востоке, т.е. с Польшей. У. Черчилль был последовательным сторонником создания на обломках Третьего рейха ряда немецких государств, число которых со временем менялось.

Он писал в воспоминаниях, рассуждая о подготовке к Ялтинской встрече, о том, что в Греции, оккупированной западными войсками, установлено равновесие, и «казалось... там можно будет сформировать свободное демократическое правительство на основе всеобщего избирательного права и тайного голосования». Однако надеждам премьер-министра на скорую победу демократии в Греции, отданной на откуп западным союзникам, не было суждено сбыться. Иное дело территории, занятые советскими войсками, продолжает Черчилль: «Румыния и Польша перешли во власть советской военной оккупации. Венгрия и Югославия стали полем сражений, а Польша, хотя и освобожденная от немцев, лишь сменила одного завоевателя на другого...

Весь вопрос о форме и структуре послевоенной Европы требовал пересмотра. Как относиться к Германии после того, как нацисты будут побеждены?» [15, с. 503].

Осознавая все возможные затруднения с решением столь острых и глобальных вопросов, британский премьер-министр не рассчитывал на их скорое решение в ходе ялтинских переговоров, оставляя на будущее, которое, по его мнению, высказанному в письме министру иностранных дел А. Идену от 4 января 1945 г., зависело от того, как «сложатся отношения между великими державами и каково будет настроение их народов» [15, с. 514].

Уточняя повестку заседаний Ялтинской конференции, Черчилль обронил фразу «о будущем Германии, если у нее есть какое-либо будущее». И. В. Сталин ответил: «Германия будет иметь будущее» [2, с. 59].

Очередной план Черчилля, высказанный в ходе заседания глав правительств в Ялте 3 февраля, заключался в том, чтобы разделить Германию на три государства, выделив Пруссию, центральную и южную часть со столицей в Вене [2, с. 60–61]. Последняя должна была изолировать Пруссию от других немецких территорий, где, между прочим, находилась немецкая тяжелая промышленность, к которой западные союзники и лично британский премьер проявляли живейший интерес, Черчилль интересовал Рур и Саар [15, с. 514]. Часть территории Германии должна была отойти Польше, как и следовало из смысла прежних переговоров союзников.

Сталин, как и прежде, не был против западных планов раздела немецких земель, хотя и не проявлял к ним особого интереса.

Основная дискуссия по польскому вопросу развернулась 8 февраля по предложению Черчилля. Однако в качестве первого докладчика выступил Ф. Рузвельт. Он заявил, что в его стране проживает 5-6 млн поляков. Сталин ответил, что настоящие поляки находятся в Польше.

Президент выступил за восточную границу Польши по линии Керзона, о чем речь шла еще в Тегеране, но полякам важно сохранить лицо, т.е. было бы хорошо обсудить уступки полякам по южной границе данной линии (т.е. в районе Львова). Хотя, на своем предложении президент особо не настаивает. Люблинское правительство (т.е. Польский комитет национального освобождения, созданный при советской поддержке, зависимый от СССР) не пользуется в США каким-либо доверием, американское общественное мнение выступает за создание многопартийного правительства национального доверия, пользующегося широкой народной поддержкой, возможно, оно будет носить характер временного правительства. У президента даже есть метод создания такого правительства: с помощью сформированного союзниками президентского совета, созданного из числа «выдающихся поляков» [2, с. 90].

Со слов Черчилля становится ясно – американские предложения согласованы с британской стороной. Но премьер-министр, как он уже неоднократно заявлял публично, сторонник границы по линии Керзона в ее советском понимании, т.е. с оставлением Львова у СССР. Причина такой щедрости заключается в том, что советская сторона приложила колоссальные усилия по освобождению Польши, претерпела огромную трагедию, и поэтому данные территориальные приобретения русских «базируются не на силе, а на праве» [2, с. 91]. Таким образом, по тексту советского издания материалов Крымской конференции, Черчилль не стал прямо поддерживать робкую попытку Рузвельта поднять вопрос о прирезке к Польше территорий по южной части линии Керзона, что было, по всей видимости, частью предварительных договоренностей западных союзников. Но из записи беседы из архива Сталина видно, что британское правительство, по словам премьер-министра, было бы восхищено таким широким жестом (т.е. о предложении Рузвельта по Львову) в отношении Польши [13, с. 176]. Этот факт подтверждается и воспоминаниями премьер-министра [15, с. 524]. Получается, что Великобритания и США вы-

ступили здесь единым фронтом, неохотно соглашаясь с территориальными уступками СССР.

Однако развивать вторую часть американских предложений о польском правительстве стал именно У. Черчилль. Из записи беседы следует ее приоритетный характер для британского лидера, который ратовал за польский «суверенитет», «свободную и независимую Польшу». Потеря интереса к восточным границам Польши британской стороной объясняется просто: в существовавших тогда условиях восточные границы Польши (как потом и западные), попавшей под власть СССР, теряют прежний интерес для западных союзников. Вот, например, мнение самого премьера на конференции: «Черчилль всегда питал доверие к заявлениям маршала Сталина о суверенитете и независимости Польши, он не считает вопрос о границе очень важным» [2, с. 91]. Но в качестве довода при политических торгах пограничный вопрос, конечно, продолжал сохранять определенную ценность.

Теперь для Черчилля главное – вывести Польшу из сферы полного советского влияния, или хотя бы сделать столь острый для советской стороны вопрос предметом дискуссии. Конечно, в воспоминаниях Черчилля, написанных много позже, рассчитанных на существующую политическую конъюнктуру, речь идет о битве по вопросу «о свободе Польши» [15, с. 524], но трудно представить возможность для западных союзников каким-либо образом существенно повлиять на ситуацию с демократией Польше в феврале 1945 г., что, собственно говоря, и следует из поведения на конференции премьер-министра.

Черчилль, указывая на причину вступления в войну Великобритании, напомнил, что интересы Польши – это дело чести для Великобритании. Должно быть создано независимое Польское государство, имеющее, конечно, добрососедские отношения с СССР. Сейчас имеются два польских правительства – Лондонское и Люблянское, в отношении к которым союзники имеют различные мнения. Поэтому Черчилль поддерживает предложение президента о создании единого временного правительства до проведения свободных выборов, которое будет признано всеми великими державами.

Сталин отметил многочисленные грехи «русских» перед Польшей. СССР пытается их загладить, но есть еще вопрос о безопасности, так как Польша всегда была коридором для врагов, нападающих на Россию, и который не может быть закрыт лишь русскими силами. Поэтому Польша должна быть сильной и независимой. Лигу Керзона впервые придумали не русские, она была принята вопреки воли советского правительства. Таким образом, дальнейших уступок в этом вопросе сделать уже невозможно: «Что скажут украинцы... Они, пожалуй, скажут, что Сталин и Молотов оказались менее надежными защитниками русских и украинцев, чем Керзон и Клемансо» [2, с. 93]. Но Польша должна получить компенсацию на Западе, за счет немецких земель. Этот вопрос поднимался во время визита представителя лондонских поляков С. Миколайчика в Москву. Сталин считает, что граница должна проходить по р. Западная Нейсе, предлагает поддержать это решение союзникам. Объединенное польское правительство, по мнению Сталина, можно создавать лишь с участием и, главное, фактически решающим голосом варшавского правительства, с включением в процесс отдельных представителей польского правительства

в Лондоне [2, с. 94]. Агенты лондонского правительства проводят акции против солдат Красной Армии, поэтому такое правительство следует признать вредным.

Черчилль в свою очередь заявил о том, что у варшавского правительства нет широкой общественной поддержки среди населения страны.

На следующих заседаниях также происходило весьма бурное обсуждение предложений по польскому вопросу. Обобщенные советские предложения озвучил Молотов 7 февраля: СССР выступал за западную границу Польши по р. Западная Нейсе, восточную по линии Керзона с возможным отклонением от нее на 5–8 км в пользу Польши; пополнение Временного польского правительства отдельными представителями эмигрантских польских кругов; проведение всеобщих выборов; создание особого комитета из Молотова, западных послов Гарримана и Керра для консультаций по пополнению состава временного правительства [2, с. 116].

По воспоминаниям Черчилля, Рузвельт, «казалось» бы, был обрадован советскими предложениями.

Черчилль поддержал Рузвельта по предложению убрать из документа выражение «эмигранты», заменив его на «поляки, находящиеся за границей». Однако западные границы Польши, т.е. увеличение зоны безоговорочного советского влияния, не устроили премьер-министра. Польша может взять эти территории, но сможет ли она это «переварить»? Черчилль не боится переселения огромного числа немцев, но в Англии есть политические круги, которые выступают против такого переселения.

Сталин в свою очередь отметил, что на польских территориях, занятых Красной Армией, немецкого населения уже нет [2, с. 117].

8 февраля на заседании глав правительств Рузвельт выступил против советского предложения о польско-германской границе по р. Западная Нейсе, а также выступил за создание нового польского правительства национального единства. Черчилль вновь выдвинул тезис о невозможности признания мировым сообществом варшавского правительства, которое не пользуется доверием населения. Британия уже пошла на уступки по восточным границам, дальнейшие уступки со стороны Англии создадут трудности для ее правительства. Поэтому в Польше как можно скорее должны быть проведены всеобщие выборы. Премьер-министр выразил также обеспокоенность тем, что будет происходить в Польше до выборов, кто их будет организовывать.

Сталин, отвечая на вопросы Черчилля и Рузвельта, пообещал провести выборы через месяц, если не случится что-либо непредвиденное [2, с. 142–144].

Соответственно США подготовили пересмотренную формулу по Польше, где исключалось упоминание границы по р. Западная Нейсе и говорилось о коалиционном промежуточном польском правительстве.

Новая советская формула учитывала эти западные пожелания: временное польское правительство, созданное на основе широкого представительства всех демократических и антифашистских сил, должно было как можно скорее провести всеобщие выборы.

На заседании 9 февраля Черчилль продолжил развивать идею, поддержанную Рузвельтом, об отсутствии каналов достоверной информации из Польши, необхо-

димости присутствия наблюдателей на выборах. Он приводит в пример Югославию, где Тито не имеет возражений против присутствия на выборах наблюдателей от всех великих держав. На выборах в Греции британцы также не возражали бы против советских наблюдателей, подобное должно произойти и в Италии. Этого не стоит опасаться. Например, в Египте, любое правительство, находящееся у власти, всегда побеждает. Сталин в свою очередь отметил, что в Египте «не могло быть настоящих выборов», и там распространен подкуп [2, с. 166]. В Польше население грамотное, оно может само сделать осознанный выбор.

Надо отметить, что особо жаркие дискуссии о преимуществах демократии происходили уже на Потсдамской конференции, где Сталин пытался получить объяснение того, чем прозападный режим генерала Франко в Испании и итальянское правительство демократичнее властей Румынии, Болгарии и Венгрии, находившихся под влиянием СССР.

Далее Сталин настаивает на формировании временного правительства самими поляками, т.е. фактически говорит о преимущественном положении варшавского правительства. Черчилль в свою очередь продолжает мысль о более демократических процедурах формирования правительства, т.е. участии зарубежных поляков и местной оппозиции, объясняя это необходимостью отстоять, по возвращении в Англию, в парламенте, восточные границы Польши по линии Керзона [2, с. 166–167].

Соответственно была подготовлена пересмотренная британская формула по результатам заседания 9 февраля, где речь шла о создании временного правительства народного единства, проведении им демократических выборов с наблюдением за ними послов трех великих держав в Варшаве, а также отсутствовала передача польской стороне немецких земель до р. Западная Нейсе [2, с. 179].

В конечном счете на заседании глав правительств 10 февраля был согласован окончательный проект решения по Польше, который стал основой для раздела о Польше Протокола работы Крымской конференции. В Протоколе содержались положения о том, что: действующее в Польше правительство должно быть реорганизовано на более широкой демократической основе с включением представителей заграничных поляков и получить наименование «Польского временного правительства национального единства»; в формировании правительства участвует особый Комитет, созданный из представителей союзных держав в Москве; сформированное польское правительство должно обеспечить проведение демократических выборов, а послы союзников, назначенные в Варшаву, должны обеспечить наблюдение за выборами, и, значит, с Польшей будут установлены дипломатические отношения западных держав; была определена восточная граница Польши по линии Керзона в советской формулировке; однако западная четко не была определена (Польша должна была получить «территории на Севере и Западе»), причем окончательное решение по западной границе Польши должно было быть принято на мирной конференции [2, с. 260–261; 6, с. 523]. По поводу перспективы проведения последней, надо сказать, Черчилль сам впоследствии писал, как о весьма туманной.

Таким образом, итоговое решение по Польше носило компромиссный характер. Советская делегация добилась возможности признания союзниками обновленно-

го состава просоветского варшавского правительства, что было главной победой, уступка по восточным границам, как и следовало ожидать, не была принципиальной для западных союзников, выступив, скорее, предметом легкого торга. США и Великобритания добились обещания проведения выборов обновленным правительством и отложили решение вопроса по западным границам Польши. Однако в каком-либо добросовестном исполнении положений этой декларации по Польше стороны, конечно, заинтересованы не были.

2. От Ялты до Потсдама

По прибытии в Лондон Черчилль заверил (в воспоминаниях «провозгласил свою веру» [15, с. 541]) обеспокоенную польскими делами Палату общин в том, что Сталин и СССР торжественно обещали сохранить независимость Польши. Этой уверенности премьера способствовала честная позиция Сталина по Греции, который, необходимо отметить, в отличие от западных союзников не пытался грубо вмешиваться в дела стран, входивших в зону западного влияния. Если же упоминал о них, то чаще всего в качестве аргумента в ходе дискуссии.

Палата в ходе голосования одобрила все ялтинские соглашения. Черчилль, оправдываясь за то, что развитие событий в Польше в дальнейшем пошло совершенно иным путем, писал: «После того как немцы разбиты, легко осуждать тех, кто всеми силами старался поощрить военные усилия русских...» [15, с. 542].

Как и следовало ожидать, ялтинские соглашения по Польше каждая сторона толковала в свою пользу. И их взаимные подозрения оказались вполне оправданными. По мнению премьер-министра, советская сторона ничего не делала для формирования коалиционного правительства, не рассматривала предложенные западные кандидатуры. Поэтому уже в марте 1945 г. Черчилль обращается с рядом посланий к Рузвельту. Его возмущает и усиливающееся влияние СССР на Балканах, где сам Запад согласился на «преобладающее влияние» Советского Союза в Румынии и Болгарии [15, с. 551], т.е. пытается действовать по принципу: «мое – это мое, а твое – это наше». Рузвельт первоначально занял осторожную позицию, выжидал. Но премьер-министр, понимая, что из сферы западного влияния уже реально выпадает вся Восточная Европа, бил в набат. И в письме президента от 16 марта 1945 г. Черчилль все же получил американскую поддержку. Интересно, что Рузвельт указывает и на отдельные причины советской несговорчивости, например, британский посол в Москве, К. Керр, испугал Молотова, пытаясь протащить идею посланки большой западной наблюдательной миссии на выборы в Польшу. Письмом от 27 марта Черчилль убедил Рузвельта обратиться лично к Сталину с соответствующими претензиями, которые были представлены в письмах премьер-министра и президента от 1 апреля 1945 г.

В своем послании Черчилль говорит о том, что является наиболее последовательным защитником интересов России, но занимает свою должность по воле парламента, избранного народом на основе всеобщего избирательного права. Поэтому, если совместным усилиям союзников не суждено будет увенчаться успехом, премьер-министр будет вынужден признаться в этом народным избранникам [15, с. 562].

В ответном письме от 7 апреля Сталин возложил всю ответственность за проволочку по польским делам на британского и американского послов, западных членов Московской комиссии, которые не хотят считаться с Временным польским правительством, пытаются пригласить польских деятелей, выступающих против крымских соглашений и СССР [1, с. 317–318]. Посылку же британских наблюдателей поляки воспринимают «как оскорбление их национального достоинства», учитывая отношения Британии к местной польской власти, и правительство СССР не может не считаться с мнением Временного польского правительства. Югославы же и чехи, например, могут свободно посещать Польшу. Далее Сталин благодарит за подарок от британского премьера, переданный г-жой Черчилль. Надо отметить, что намного более обстоятельным, деловым и выдержанным в более дружественных тонах было ответное письмо Сталина президенту Рузвельту [15, с. 318–320].

Черчилль, рассчитывая на успех, начал работу с лондонскими польскими лидерами, призывая их согласиться с ялтинскими соглашениями.

Вступивший в должность новый президент США Г. Трумэн сразу же обратил внимание на польский вопрос, считая, однако, что позиция Сталина не выглядит слишком обнадеживающей. Но, пожалуй, теперь американские и британские взгляды по данному вопросу имели еще меньше расхождений. Одновременно уговоры Черчилля возымели свое действие. Миколайчик сделал заявление, где говорилось о польско-советской дружбе и решениях крымской конференции. Однако Сталина озаботил вопрос об отношении польского политика к западным границам. Черчилль отправил положительное заявление Миколайчика по этому вопросу, сделанное в прессе.

В качестве западной тяжелой артиллерии выступило совместное письмо Черчилля и Трумэна Сталину от 18 апреля, где было сказано: «Мы не считаем, что мы можем согласиться на любую формулу для определения состава нового Правительства национального единства до совещания с польскими деятелями...» [1, с. 330].

В ответном послании от 24 апреля Сталин указывает на то, что польский вопрос для СССР – это прежде всего вопрос о безопасности страны, Польша граничит с СССР, а не с Англией и США, Советский Союз учитывает интересы безопасности Британии в Бельгии и Греции, и он, Сталин, не знает, «создано ли в Греции действительно представительное правительство и действительно ли является демократическим правительство в Бельгии. Советский Союз не спрашивали». СССР, по словам Сталина, не вмешивался, понимая значение этих стран для интересов Британии [1, с. 335].

В свою очередь в ответном письме премьер-министр развернуто дал обоснование, а где-то оправдание, западной позиции по Польше. Еще более грозным, по словам Черчилля, было довольно резкое послание Сталина от 29 апреля 1945 г., где ставилась под сомнение сама возможность достижения согласия по польским делам. Черчилль, понимая бесплодность дальнейшей переписки, предложил президенту Трумэну скорее организовать новую встречу трех глав правительств, разумно связывая результаты переговоров с успехами армий западных союзников на фронте [15, с. 596]. Хотя, конечно, польский вопрос продолжал беспокоить Черчилля весь май и в начале лета 1945 г.

В результате московской миссии Г. Гопкинса, поехавшего туда по инициативе Трумэна, Сталин согласился принять в Москве Миколайчика и его двух коллег. Черчилль уговорил Миколайчика поехать в Москву. Результатом стало создание 5 июля нового Польского временного правительства, которое по предложению США было признано западными державами.

Однако на Потсдамской конференции разногласия о демократии и выборах в Восточной Европе, Польше, а также западных границах последней вновь стали предметом споров и политических торгов. Особенно острым был вопрос о западных границах Польши, находившейся под полным советским контролем. Трумэн пытался представить эту проблему в виде предоставления Польше зоны оккупации, на которую последняя, конечно, не могла претендовать, а также связать с исчислением объема немецких репараций (так как Германия теряла важные территории в плане сельского хозяйства и добычи угля). В последних был крайне заинтересован Советский Союз.

Однако Черчилль попытался ловко уйти от решения вопроса, предложив его оставить на суд гипотетической мирной конференции. Кроме того, по мнению премьер-министра, могло пострадать продовольственное снабжение немецкого населения, колоссальное число немцев должно было быть переселено. Сталин отметил, немецкого населения на этих территориях уже нет, они бежали [1, с. 110–112]. Но Черчилль последовательно настаивал на чудовищных последствиях переселения немцев и состояния экономики Германии от передачи данных территорий.

Сталин предложил вызвать представителей Польского временного правительства. Соответственно, было получено послание от президента Крайовой рады народной и польского премьер-министра, выражающее польское мнение, которое, разумеется, полностью было согласным с советской позицией – граница должна проходить по р. Одер, р. Западная Нейсе, а польская территория включать в себя Штеттин и территорию западнее Свинемюнде [1, с. 307–308]. После большой подготовительной работы Трумэн, новый британский премьер Эттли и Сталин на заключительном заседании 1 августа 1945 г. согласились с советско-польским вариантом западной границы, что и вошло в Протокол Берлинской конференции трех великих держав [1, с. 273]. Протокол обязывал Польское временное правительство обеспечить проведение демократических выборов с участием заграничных поляков, подтверждал прекращение признания западными странами польского правительства в изгнании [1, с. 439–440].

Заключение

Таким образом, итоговое решение Крымской конференции по Польше носило компромиссный характер. Советская делегация добилась возможности признания союзниками обновленного состава просоветского варшавского правительства, что было главной победой, уступка по восточным границам, как и следовало ожидать, не была принципиальной для западных союзников, выступив, скорее, предметом легкого торга. США и Великобритания добились обещания проведения выборов обновленным правительством и отложили решение вопроса по западным границам Польши. Однако в каком-либо добросовестном исполнении по-

ложений стороны, как показали события весны 1945 г., заинтересованы не были. Сами противоречия по польскому вопросу стали поводом для У. Черчилля выступить с инициативой о новой встрече глав правительств.

Результаты Потсдамской конференции по польскому вопросу оказались более выгодными для СССР и Польши. Причина заключалась в том, что ключевым фактором, определявшим поведение англо-американских лидеров за столом переговоров, были успехи в продвижении на Запад Красной Армии. Обострение отношений СССР с западными державами, в частности, с Великобританией, которое наметилось еще в Ялте, не помешало заключить соглашение по границам СССР, Польши и Германии, политическому устройству Польши, которое максимально учитывало советские интересы. Умелое политическое лавирование британской стороны, дипломатические таланты У. Черчилля столкнулись с железной логикой И. В. Сталина, подкрепленной мощью Красной Армии и занятыми территориями. Такое положение дел, надо сказать, британский премьер-министр осознавал с самого начала событий, однако, следуя логике политической борьбы и дипломатии, продолжал отстаивать свои позиции до последнего момента, ловко увязывая данные вопросы с другими чувствительными проблемами для СССР.

Пристатейный библиографический список

1. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 : сборник документов : в 6 т. : Т. 6 : Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.) / гл. редкол.: А. А. Громыко (гл. ред.), И. Н. Земсков, В. А. Крючков и др. М. : Политиздат, 1984.
2. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 : сборник документов : в 6 т. : Т. 4 : Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.) / гл. редкол.: А. А. Громыко (гл. ред.), И. Н. Земсков, В. А. Крючков и др. М. : Политиздат, 1984.
3. Переписка Председателя Совета министров СССР с президентом США и премьер-министром Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : в 2 т. Т. 1 : Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 – ноябрь 1945 г.). М. : Политическая литература, 1957.
4. Переписка Председателя Совета министров СССР с президентом США и премьер-министром Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : в 2 т. Т. 2 : Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэном (август 1941 – декабрь 1945 г.). М. : Политическая литература, 1958.
5. Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : в 2 т. Т. 2. М. : Политиздат, 1983.
6. Бережков В. М. Страницы дипломатической истории. М. : Междунар. отношения, 1984.
7. Равнюшкин А. В. Кто «расколол» Германию: о позиции Министерства иностранных дел Великобритании в 1945–1948 гг. по германской проблеме // Вестник КГТУ. Исторические науки. 2006. № 5.

8. История дипломатии : в 6 т. Т. 4. М. : Политическая литература, 1975.
9. *Портнягин Д. И.* «Левые понимают левых», или о влиянии советского фактора на формирование внешнеполитического курса лейбористского правительства К. Эттли // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2011. Вып. 4.
10. *Шевченко О. К.* Триумф власти (советская историософия Ялтинской конференции). Брянск : ЦИОГНИС, 2018.
11. *Бабурин С. Н.* Ялтинские договоренности великих держав в 1945 г. и их уроки для международного права // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. № 2 (43).
12. *Бельянинов А. Ю., Смирнова С. К., Будченко Л. И.* К истории Ялтинской конференции руководителей СССР, США и Великобритании // Современная научная мысль. 2020. № 1.
13. *Шевченко О. К.* Археология власти: Восточная Галичина в этнических дискурсах ялтинской конференции // Русин. 2015. № 4.
14. *Юрченко С. В.* Ялтинская конференция 1945 года: хроника создания нового мира. Симферополь : ИД «Крым», 2005.
15. *Черчилль У.* Вторая мировая война : в 3 кн. Кн. 3 : Т. 5-6 / сокр. пер. с англ. М. : Воениздат, 1991.

References

1. *Gromyko A. A. (ed.).* The Soviet Union at International Conferences During the Great Patriotic War, 1941–1945: Collection of Documents. In 6 vols. Vol. 6: The Berlin (Potsdam) Conference of the Leaders of the Three Allied Powers – the USSR, the USA, and Great Britain (July 17 – August 2, 1945). Moscow: Politizdat, 1984. (In Russ.)
2. *Gromyko A. A. (ed.).* The Soviet Union at International Conferences During the Great Patriotic War, 1941–1945: Collection of Documents. In 6 vols. Vol. 4: The Crimean Conference of the Leaders of the Three Allied Powers – the USSR, the USA, and Great Britain (February 4–11, 1945). Moscow: Politizdat, 1984. (In Russ.)
3. Correspondence of the Chairman of the Council of Ministers of the USSR with the President of the USA and the Prime Minister of Great Britain During the Great Patriotic War of 1941–1945. In 2 vols. Vol. 1: Correspondence with W. Churchill and K. Attlee (July 1941 – November 1945). Moscow: Political Literature, 1957. (In Russ.)
4. Correspondence of the Chairman of the Council of Ministers of the USSR with the President of the USA and the Prime Minister of Great Britain During the Great Patriotic War of 1941–1945. In 2 vols. Vol. 2: Correspondence with F. Roosevelt and H. Truman (August 1941 – December 1945). Moscow: Political Literature, 1958. (In Russ.)
5. Soviet-British Relations During the Great Patriotic War of 1941–1945. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Politizdat, 1983. (In Russ.)
6. *Berezhkov V. M.* Pages of Diplomatic History. Moscow: International Relations, 1984. (In Russ.)
7. *Ravniushkin A. V.* Who “Split” Germany: On the Position of the British Foreign Office in 1945–1948 on the German Problem. *Bulletin of KSTU. Historical Sciences*, 2006, no. 5. (In Russ.)

8. History of Diplomacy. In 6 vols. Vol. 4. Moscow: Political Literature, 1975. (In Russ.)
9. Portniagin D. I. "The Left Understands the Left," or on the Influence of the Soviet Factor on the Formation of the Foreign Policy of the Labor Government of K. Attlee. *Bulletin of St. Petersburg State University. Series 6*, 2011, iss. 4. (In Russ.)
10. Shevchenko O. K. Triumph of Power (Soviet Historiosophy of the Yalta Conference). Bryansk: TsIOGNIS, 2018. (In Russ.)
11. Baburin S. N. Yalta Agreements of the Great Powers in 1945 and Their Lessons for International Law. *Bulletin of Omsk University. Series "Law"*, 2015, no. 2 (43). (In Russ.)
12. Belianinov A. Iu., Smirnova S. K., Budchenko L. I. On the History of the Yalta Conference of the Leaders of the USSR, USA and Great Britain. *Modern Scientific Thought*, 2020, no. 1. (In Russ.)
13. Shevchenko O. K. Archeology of Power: Eastern Galicia in the Ethnic Discourses of the Yalta Conference. *Rusin*, 2015, no. 4. (In Russ.)
14. Iurchenko S. V. The Yalta Conference of 1945: A Chronicle of the Creation of a New World. Simferopol: ID "Krym", 2005. (In Russ.)
15. Churchill W. World War II. In 3 books. Book 3: Vol. 5-6. Moscow: Voenizdat, 1991. (In Russ.)

Сведения об авторе:

М. Б. Аверин – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

M. B. Averin – PhD in Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 28.02.2025; одобрена после рецензирования 19.03.2025; принята к публикации 19.03.2025.

The article was submitted to the editorial office 28.02.2025; approved after reviewing 19.03.2025; accepted for publication 19.03.2025.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-24-33>

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)

Василий Николаевич Бабенко

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

vasbabenko@mail.ru

Аннотация

В статье автор рассматривает основные направления правовой политики Советского государства в годы Великой Отечественной войны, выявляет ее особенности, связанные с необходимостью применения чрезвычайных мер, обусловленных обстоятельствами военного времени. Особое внимание уделяется государственной политике в сфере гражданского, трудового, семейного и уголовного права. Обосновывается вывод, что целенаправленная правовая политика Советского государства в период войны несомненно способствовала сплочению его населения и достижению победы над нацистской Германией.

Ключевые слова: правовая политика; СССР; Великая Отечественная война; высшие государственные органы власти; механизм правового регулирования; чрезвычайное законодательство.

Для цитирования: Бабенко В. Н. Правовая политика Советского государства в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 2. С. 24–33. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-24-33>

Research Article

THE LEGAL POLICY OF THE SOVIET STATE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945)

Vasily N. Babenko

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow,
117638, Russia
vasbabenko@mail.ru

Abstract

In the article, the author examines the main directions of the legal policy of the Soviet state during the Great Patriotic War, identifies its features related to the need to apply emergency measures due to the circumstances of wartime. Special attention is paid to state policy in the field of civil, labor, family and criminal law. The conclusion is substantiated that the purposeful legal policy of the Soviet state during the war undoubtedly contributed to the unity of its population and the achievement of victory over Nazi Germany.

Keywords: legal policy; USSR; Great Patriotic War; supreme state authorities; mechanism of legal regulation; emergency legislation.

For citation: Babenko V. N. The Legal Policy of the Soviet State During the Great Patriotic War (1941–1945). *Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 2, pp. 24–33. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-24-33>

Введение

Рассматривая правовую политику СССР в качестве обеспечивающей последовательную деятельность государственных органов власти по созданию эффективного механизма правового регулирования, следует обратить внимание на ее особенность в годы Великой Отечественной войны.

Главной функцией Советского государства в условиях войны являлась организация отпора гитлеровским захватчикам. Важное значение при этом имели политическая устойчивость государства, степень развития экономики, социальная структура общества, сильная армия, а также уровень развития национального права как регулятора общественных отношений.

В начале войны Советское государство вынуждено было вносить изменения в деятельность государственного аппарата и в систему права с тем, чтобы проти-

востоять агрессии гитлеровской Германии, вероломно напавшей на нашу страну. «Это обстоятельство выдвинуло на первый план, – указывают С. Г. Лысенков и А. А. Дерюгин, – установление правового режима военного положения в интересах самого существования государства, построения определенного механизма государственного управления, направленного на консолидацию фронта и тыла для достижения победы над агрессором» [1, с. 19].

Для выполнения этой цели создавались чрезвычайные органы власти и управления, а также нормы права. Внесение изменений в систему права было обусловлено необходимостью установления ответственности за все правонарушения по законам военного времени и ужесточения наказаний.

В данный период было существенно расширено число органов государственной власти, которые непосредственно участвовали в разработке и принятии нормативных правовых актов. В годы войны получили право принимать законодательные акты помимо Президиума Верховного Совета СССР Государственный Комитет Оборона СССР, СНК СССР, ЦК ВКП (б) и Верховный Суд СССР.

1. Государственная политика в сфере гражданского, семейного и трудового права

В условиях военного времени государство повышало значение административных и плановых заданий, существенно ограничивая при этом применение гражданско-правовых договоров, связанных с поставками военной продукции, нефти, угля, металла и других стратегически важных материалов. Кроме того, массовая эвакуация, а затем возвращение городских жителей и введение льгот для семей военнослужащих вызвали необходимость пересмотра условий договора жилищного найма. В связи с гибелью большого количества военнослужащих и мирных граждан был расширен круг наследников, в который включались также трудоспособные родители, братья и сестры.

В области гражданского права государство ограничивало права населения в отношении отдельных объектов личной собственности. В частности, граждане обязаны были временно сдавать радиоприемники, которые могли использоваться нацистскими оккупантами для проведения антисоветской пропаганды. В то же время население освобождаемых территорий должно было сдавать местным органам власти бесхозное и трофейное имущество.

В сфере семейного права государственная политика была ориентирована на укрепление института брака, на поощрение многодетных семей, на повышение рождаемости и усиление заботы о сиротах. 21 ноября 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР был введен «Налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан» [2]. Налог в размере 6% от заработной платы распространялся на мужчин в возрасте от 20 до 50 лет и женщин от 20 до 45 лет.

Государство уделяло большое внимание вопросам воспитания детей, потерявших родителей. В постановлении СНК СССР от 23 января 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» [3] указывалось, что устранение и предупреждение детской безнадзорности является задачей государственной важности, за решение которой персональную ответственность несли председатели исполкомов Советов

депутатов трудящихся всех уровней. Основными формами устройства детей-сирот в период войны являлись усыновление, опека и патронат.

Меры по охране и поддержке материнства нашли отражение в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства и об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства»» [4]. Согласно данному Указу увеличивалась помощь многодетным матерям и определялся порядок их награждения. Так, звание «Мать-героиня» с вручением соответствующей золотой медали присваивалось женщине, родившей и воспитавшей до пятилетнего возраста 10 и более детей. Женщина, родившая и воспитавшая до пятилетнего возраста девять детей, награждалась орденом «Материнская слава» I степени. За рождение и воспитание восьми детей женщина награждалась орденом «Материнская слава» II степени, семи детей – орденом «Материнская слава» III степени. За рождение шести детей она получала «Медаль материнства» I степени, а пяти детей – «Медаль материнства» I степени.

В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. упразднялась прежняя норма, по которой мать имела право обратиться в суд с иском об установлении отцовства и о взыскании алиментов от лица, с которым она не состояла в зарегистрированном браке. В Указе подчеркивалось, что развод обязаны были оформлять только в судебном порядке, применяя при этом меры к примирению супругов. Кроме того, по данному Указу увеличивались отпуска по беременности и родам с 63 до 77 дней, а также пособия многодетным семьям, включая одиноких матерей. В то же время продовольственный паек беременным женщинам увеличивался в два раза.

В связи с необходимостью обеспечения работы предприятий и замены ушедших на фронт рабочих и служащих в области трудового права в условиях войны вводились чрезвычайные нормы регулирования трудовых отношений. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» [5] предоставлял право военным властям привлекать граждан к трудовой повинности. В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» [6] руководители предприятий получили право с разрешения СНК СССР применять сверхурочные работы до 3 часов в день. В нем указывались лица, которые освобождались от сверхурочных работ. К ним относились беременные женщины, начиная с шестого месяца беременности, и кормящие матери. При этом устанавливалось, что сверхурочные работы оплачивались в полуторном размере. За отмененные отпуска начислялась денежная компенсация, переводившаяся в сберегательные кассы. Однако эти вклады не разрешалось использовать во время войны.

С 29 сентября 1941 г. объявлялись мобилизованными все лица, работавшие на государственных предприятиях, которые находились в прифронтовой зоне. А с 26 декабря 1941 г. объявлялись мобилизованными рабочие и служащие предприятий военной промышленности, закрепленные за этими предприятиями.

По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» [7] была объявлена мобилизация взрослого трудоспособного городского населения: мужчин в возрасте от 16 до 55 лет и женщин в возрасте от 16 до 45 лет из числа не работавших в государственных учреждениях и предприятиях. Трудовая мобилизация не распространялась на юношей и девушек, поступавших в школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища, а также на женщин, имевших грудных детей или детей в возрасте до четырех лет, если за ними некому было ухаживать.

В сфере колхозного права в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 13 апреля 1942 г. «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней» [8] он повышался в зависимости от конкретного региона до 100–150 трудодней. Кроме того, было принято решение о мобилизации городских жителей на сельскохозяйственные работы, в колхозы, совхозы и машинно-тракторные станции.

Система уголовного права также претерпела в годы войны значительные изменения. В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» данное правонарушение рассматривалось как дезертирство, за которое устанавливался срок от 5 до 8 лет лишения свободы. В 1942 г. действие этого Указа распространялось сначала на работников угольной промышленности, а затем и на всех служащих Наркомата путей сообщения СССР. Как отмечают В. А. Сомов и П. П. Востриков, «ужесточение наказания за нарушение дисциплины труда хотя и достигло цели увеличения его производительности, но не решило проблему роста числа нарушений» [9, с. 107]. В целом в период войны уголовная ответственность за нарушение трудовой дисциплины также существенно усиливалась.

В постановлении Президиума Верховного Совета СССР от 8 января 1942 г. судебным органам было рекомендовано рассматривать кражу имущества граждан, как кражу с отягчающими обстоятельствами, которая приравнивалась к бандитизму.

Кроме того, ужесточались меры наказания за распространение ложных слухов. Лица, допускавшие такие правонарушения, приговаривались к лишению свободы на срок от двух до пяти лет. Усиливались также меры ответственности за разглашение государственной тайны или утрату содержащих ее документов. Для должностных лиц, совершивших такое преступление, сроки лишения свободы повышались до 10 лет, а для частных лиц – до трех лет. Следует отметить, что судебные органы часто применяли отсрочку исполнения приговоров при направлении осужденных на фронт. В то же время лица, проявившие героизм, подлежали освобождению от наказания, а их судимость погашалась.

В отношении дезертиров и членов их семей меры ответственности также ужесточались. В Приказе Ставки Верховного Главнокомандования от 16 августа 1941 г. злостными дезертирами признавались командиры и политработники, которые срывали с себя знаки различия и направлялись в тыл или сдавались в плен. Близкие родственники таких военнослужащих подлежали аресту, а сами дезертиры

расстреливались на месте. Согласно Приказу народного комиссара обороны СССР от 4 октября 1941 г. уголовной ответственности начали подвергать семьи солдат и офицеров, попавших в плен. В постановлении ГКО от 24 июля 1942 г. «О членах семей изменников Родины» указывалось, что совершеннолетние члены семьи лиц, приговоренных к расстрелу за шпионаж, переход на сторону врага, за службу в карательных или административных оккупационных немецких органах, а также за попытку измены Родине, подлежали аресту и ссылке сроком на пять лет. В целом в годы Великой Отечественной войны были привнесены «значительные изменения в состояние преступности: подлежали коррективам структура преступности, личность преступника, способы совершения преступлений, статистика преступности» [10, с. 183].

По мнению А. В. Скоробогатова и Н. Н. Рыбушкина, «в правовой доктрине и общей части уголовного права изменения касались прежде всего криминализации гражданских и трудовых отношений; расширения пределов уголовно-правового регулирования, в частности, появления новых объектов уголовно-правовой охраны; уточнения перечня специальных субъектов уголовного права, для которых устанавливались повышенные меры уголовной ответственности, в т. ч. с появлением совершенно новых категорий, например «фашистские преступники и их пособники»» [11, с. 24–25].

28 июля 1942 г. в период ожесточенных боев советских войск против нацистских захватчиков под Сталинградом был издан Приказ народного комиссара обороны СССР И. Сталина № 227 «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций». Он получил затем неофициальное название «Ни шагу назад!». В нем требовалось снимать с командных постов представителей высшего офицерского состава (от командующих армиями до командиров корпусов и дивизий), допустивших отход войск с занимаемых позиций без приказа вышестоящего командования. Для исполнения данного приказа рекомендовалось сформировать на соответствующих участках в тылу фронта хорошо вооруженные заградительные отряды, которые в случае паники и беспорядочного отступления войск должны были расстреливать паникеров и трусов. В послевоенной зарубежной историографии этот приказ подвергался резкой критике, игнорируя тот факт, что в тяжелой военной обстановке такого рода меры применялись и в других армиях мира.

2 мая 1943 г. в Указе Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за незаконное награждение орденами и медалями СССР и нагрудными знаками, за присвоение орденов, медалей и нагрудных знаков и передачу их награжденными лицами другим лицам» [12] была установлена уголовная ответственность военачальников, допустивших такие правонарушения.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников» [13] вводились такие виды наказаний, как смертная казнь через повешение и ссылка на каторжные работы на срок до 20 лет.

В период Великой Отечественной войны возникла такая форма коллективного наказания, как депортация народов, означавшая насильственное переселение народов за пределы определенного региона за совершение отдельными группами лиц преступлений против государства или за потенциально возможное участие в подготовке таких преступлений. Поляки, немцы, крымские татары, чеченцы и ряд других народов Северного Кавказа были депортированы в основном на территорию республик Средней Азии. Такая политика Советского государства не могла соответствовать действовавшим правовым принципам даже в условиях военного времени. Она привела к тому, что в послевоенный период правительству СССР, а затем и России пришлось в течение многих десятилетий решать проблему «репрессированных народов».

Характеризуя уголовную политику Советского Союза в данный период, Ю. В. Шелегов пришел к выводу, что «в условиях военного времени были введены дополнительные ограничения и меры ответственности, что очень сильно повлияло на правовое положение граждан. Однако эти меры были необходимы и способствовали мобилизации страны, недопущению саботажа и подрыва государства в тылу» [14, с. 243].

Заключение

Победа СССР в Великой Отечественной войне явилась результатом беспримерного героизма и стойкости советского народа, а также высокой эффективности мобилизационных возможностей системы органов государственной власти и управления, которые смогли их максимально использовать. Большое значение в решении данных задач сыграли такие чрезвычайные органы, как Государственный комитет обороны и Ставка Верховного Главнокомандования. А. Г. Голубев отмечает, что «на уровне ГКО и Президиума Верховного Совета СССР очевидно разделение объектов регулирования – все общественные отношения, связанные с ведением войны, – у первого органа, те общественные отношения, которые являлись общими для военного и мирного времени, – у второго» [15, с. 29].

Война привела к массовой гибели мирного населения страны, к преступному геноциду советских граждан гитлеровскими нацистами. Как подчеркивает Председатель Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор А. И. Бастрыкин, «в настоящее время правовая оценка преступлений против человечности приобретает особое, принципиальное значение, позволяющее в полной мере реализовать принципы неотвратимости наказания, а главное – исключить двусмысленную трактовку исторических фактов, увековечить непререкаемый подвиг советских воинов, отдавших жизни за спасение человечества от нацизма» [16, с. 62].

Таким образом, правовая политика Советского государства в период Великой Отечественной войны характеризовалась: усилением административно-правовых мер в области распределения и хозяйственных связей; ужесточением уголовных репрессий и появлением новых составов преступления; введением уголовных санкций в сфере трудового, колхозного и других отраслей права; установлением ускоренного порядка рассмотрения судебных дел. В то же время изменения в сфере

семейного права были обусловлены необходимостью обеспечения защиты материнства и детства. Все это несомненно способствовало достижению победы СССР над нацистской Германией.

Пристатейный библиографический список

1. *Лысенков С. Г., Дерюгин А. А.* Режим военного положения как правовое явление Великой Отечественной войны // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 3 (91).
2. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 ноября 1941 г. «Налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 42.
3. Постановление СНК СССР от 23 января 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» // СП СССР. 1942. № 2. Ст. 26.
4. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства и об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства»» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. № 37.
5. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 29.
6. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 30.
7. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1942. № 6.
8. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 13 апреля 1942 г. «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней» // СПиР СССР. 1942. № 4. Ст. 60.
9. *Сомов В. А., Востриков П. П.* Правовая политика советского государства в области обеспечения дисциплины труда на промышленных предприятиях в 1941–1945 гг. // История и политика: Война и мир XX века. Уроки прошлого и угрозы современности : сборник научных трудов по материалам XII Всероссийского симпозиума, посвященного 75-летию Великой Победы. Нижний Новгород : НИУ РАНХиГС, 2021.
10. *Яковлева М. А., Марченко Е. М., Клишков В. Б.* Уголовное законодательство и профилактика преступности в период Великой Отечественной войны // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2021. № 2.
11. *Скоробогатов А. В., Рыбушкин Н. Н.* Развитие советских уголовных запретов в период Великой Отечественной войны // Jus strictum. 2024. № 3.
12. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 мая 1943 г. «Об ответственности за незаконное награждение орденами и медалями СССР и нагрудными знаками, за присвоение орденов, медалей и нагрудных знаков и передачу их награжденными лицами другим лицам» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1943. № 18.

13. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников» // СПС «КонсультантПлюс».

14. Шелегов Ю. В. Уголовная политика СССР в годы Великой Отечественной войны // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 6 (9).

15. Голубев А. Г. Нормативные правовые акты высших органов власти СССР как правовая основа хозяйственной деятельности исправительных учреждений в годы Великой Отечественной войны // Уголовно-исправительная система в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Псков, 2020.

16. Бастрыкин А. И. Дело, которому мы служим. Правовая защита национальных интересов Российской Федерации в условиях трансформации миропорядка : сборник статей Председателя Следственного комитета Российской Федерации. М., 2024.

References

1. Lysenkov S. G., Deriugin A. A. Martial Law Regime as a Legal Phenomenon of the Great Patriotic War. *Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 3 (91). (In Russ.)
2. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of November 21, 1941 "Tax on Bachelors, Single and Small-Family Citizens". *Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR*, 1941, no. 42. (In Russ.)
3. Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR of January 23, 1942 "On the Placement of Children Left Without Parents". *Collection of Resolutions of the USSR*, 1942, no. 2, art. 26. (In Russ.)
4. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of July 8, 1944 "On Increasing State Aid to Pregnant Women, Mothers with Many Children and Single Mothers, Strengthening the Protection of Motherhood and Childhood and on Establishing the Honorary Title 'Mother Heroine' and the Institution of the Order of 'Maternal Glory' and the Medal 'Motherhood Medal'". *Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR*, 1944, no. 37. (In Russ.)
5. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of June 22, 1941 "On Martial Law". *Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR*, 1941, no. 29. (In Russ.)
6. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of June 26, 1941 "On the Working Hours of Workers and Employees in Wartime". *Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR*, 1941, no. 30. (In Russ.)
7. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of February 13, 1942 "On the Mobilization of the Able-Bodied Urban Population for Work in Production and Construction During Wartime". *Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR*, 1942, no. 6. (In Russ.)

8. Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR and the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) of April 13, 1942 "On Increasing the Mandatory Minimum Workdays for Collective Farmers". *Collection of Decrees and Orders of the USSR*, 1942, no. 4, art. 60. (In Russ.)

9. Somov V. A., Vostrikov P. P. Legal Policy of the Soviet State in the Field of Ensuring Labor Discipline at Industrial Enterprises in 1941–1945. In *History and Politics: War and Peace of the 20th Century. Lessons of the Past and Threats of the Present: Collection of Scientific Papers Based on the Materials of the XII All-Russian Symposium Dedicated to the 75th Anniversary of the Great Victory*. Nizhny Novgorod: RANEPa, 2021. (In Russ.)

10. Iakovleva M. A., Marchenko E. M., Klishkov V. B. Criminal Legislation and Crime Prevention During the Great Patriotic War. *Bulletin of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*, 2021, no. 2. (In Russ.)

11. Skorobogatov A. V., Rybushkin N. N. Development of Soviet Criminal Prohibitions During the Great Patriotic War. *Jus strictum*, 2024, no. 3. (In Russ.)

12. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of May 2, 1943 "On Liability for the Illegal Awarding of Orders and Medals of the USSR and Breast Badges, for the Assignment of Orders, Medals and Breast Badges and Their Transfer by Awarded Persons to Other Persons". *Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR*, 1943, no. 18. (In Russ.)

13. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of April 19, 1943 "On Penalties for German Fascist Villains Guilty of Murder and Torture of the Soviet Civilian Population and Captured Red Army Soldiers, for Spies, Traitors to the Homeland from Among Soviet Citizens and for Their Accomplices" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

14. Shelegov Iu. V. Criminal Policy of the USSR During the Great Patriotic War. *Scientific Digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 6 (9). (In Russ.)

15. Golubev A. G. Regulatory Legal Acts of the Highest Authorities of the USSR as a Legal Basis for the Economic Activities of Correctional Institutions During the Great Patriotic War. In *Criminal-Correctional System During the Great Patriotic War of 1941–1945: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference*. Pskov, 2020. (In Russ.)

16. Bastrykin A. I. The Cause We Serve. Legal Protection of National Interests of the Russian Federation in the Context of the Transformation of the World Order: Collection of Articles by the Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation. Moscow, 2024. (In Russ.)

Сведения об авторе:

В. Н. Бабенко – доктор исторических наук, профессор.

Information about the author:

V. N. Babenko – Doctor of History, Professor.

Статья поступила в редакцию 20.02.2025; одобрена после рецензирования 11.03.2025; принята к публикации 19.03.2025.

The article was submitted to the editorial office 20.02.2025; approved after reviewing 11.03.2025; accepted for publication 19.03.2025.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-34-47>

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННЫХ ТРИБУНАЛОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Марина Михайловна Васягина¹

Александр Викторович Шигуров²

Елена Ивановна Шигурова³

^{1,2} Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 430003, Россия, г. Саранск, ул. Федосеенко, д. 6

³ Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, 430005, Россия, г. Саранск, Большевицкая ул., д. 68/1

¹ wasjagina_mm@mail.ru

² arshigurov@mail.ru

³ shigurova_elena@mail.ru

Аннотация

Актуальность темы обусловлена тем, что военные трибуналы играли важнейшую роль в обеспечении законности, укреплении правовых основ Советского государства, противодействии преступности, угрожающей самому существованию страны и советского общества. Созданные в кратчайшие сроки нормативные акты, регулирующие правовой статус военных трибуналов, требуют научного анализа, результаты которого могут быть использованы при совершенствовании современного законодательства о военных судах. В статье рассмотрены важнейшие организационные и процессуальные особенности деятельности военных трибуналов в годы Великой Отечественной войны, которые позволили им успешно выполнять возложенные на них задачи. Также авторы выявили коллизии в современном правовом регулировании подсудности военных судов в период специальной военной операции и предложили привести Уголовно-процессуальный кодекс РФ

в соответствии с Федеральным конституционным законом «О военных судах Российской Федерации».

Ключевые слова: Великая Отечественная война; военный трибунал; военное положение; подсудность; приговор; военный суд; военная прокуратура.

Для цитирования: *Васягина М. М., Шигуров А. В., Шигурова Е. И.* Особенности правового регулирования и деятельности военных трибуналов в годы Великой Отечественной войны // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 2. С. 34–47. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-34-47>

Research Article

PECULIARITIES OF LEGAL REGULATION AND ACTIVITIES OF MILITARY TRIBUNALS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Marina M. Vasyagina¹

Alexander V. Shigurov²

Elena I. Shigurova³

^{1,2} Middle Volga Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice,
6 Fedoseenko St., Saransk, 430003, Russia

³ N. P. Ogarev Mordovian State University, 68/1 Bolshhevistskaia St., Saransk,
430005, Russia

¹ wasjagina_mm@mail.ru

² arshigurov@mail.ru

³ shigurova_elena@mail.ru

Abstract

The relevance of the topic is due to the fact that military tribunals played a vital role in ensuring the rule of law, strengthening the legal foundations of the Soviet state, and combating crime that threatened the very existence of the country and Soviet society. The regulations governing the legal status of military tribunals, created in the shortest possible time, require scientific analysis, the results of which can be used to improve modern legislation on military courts. The article examines the most important organizational and procedural features of the activities of military tribunals during the Great

Patriotic War, which allowed them to successfully perform the tasks assigned to them. The authors also identified conflicts in the modern legal regulation of the jurisdiction of military courts during the Special Military Operation and proposed to bring the Criminal Procedure Code of the Russian Federation into line with the Federal Constitutional Law “On Military Courts of the Russian Federation”.

Keywords: Great Patriotic War; military tribunal; martial law; jurisdiction; sentence; military court; military prosecutor's office.

For citation: Vasyagina M. M., Shigurov A.V., Shigurova E. I. Peculiarities of Legal Regulation and Activities of Military Tribunals During the Great Patriotic War. *Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 2, pp. 34–47. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-34-47>

Введение

Современная российская система судов общей юрисдикции уже не включает в себя военные трибуналы: в апреле 1992 г. все военные трибуналы России были преобразованы в военные суды. Однако, несомненно, военные трибуналы, весь советский период являвшиеся частью судебной системы Российского государства, в исторической памяти неразрывно связаны с тяжелыми годами Гражданской и Великой Отечественной войны, когда они играли важнейшую роль в обеспечении законности, укреплении правовых основ Советского государства, противодействии преступности, угрожающей самому существованию страны и советского общества.

Важность изучения правового регулирования и деятельности военных трибуналов в годы Великой Отечественной войны обусловлена тем, что этот исторический опыт может быть использован при совершенствовании современной судебной системы. Анализ истории российского судопроизводства свидетельствует о том, что на всех сложных этапах развития Российского государства, когда само существование государства, сохранение национальных ценностей российского общества ставилось под угрозу, в том числе в связи с противостоянием внешней агрессии, государство обращалось к опыту функционирования военных трибуналов, позволяющих эффективно обеспечивать законность и правопорядок посредством принятия жестких, но необходимых мер по противодействию преступности. Очевидно, что проведение специальной военной операции актуализирует в современных условиях исследование опыта деятельности военных трибуналов как эффективного средства борьбы с преступностью.

1. История введения военных трибуналов в Советском государстве

Военные трибуналы впервые были введены в молодом Советском государстве еще в 1917 г., когда, с одной стороны, были ликвидированы не отвечавшие требованиям новой власти судебные органы Российской империи, с другой стороны, в условиях начинавшейся Гражданской войны, противостояния военной

интервенции зарубежных государств возникла необходимость в создании специализированных органов правосудия по борьбе с контрреволюционными силами. Сначала Декретом о суде № 1 [1] были созданы рабочие и крестьянские революционные трибуналы, позднее в 1918 г. были учреждены военные революционные трибуналы, первое положение о которых было принято 4 февраля 1919 г. [2] Оно, не детализируя процедуру деятельности данного органа, закрепило важнейшие его особенности:

- нацеленность на защиту Советского государства от врагов, что предполагало активную деятельность членов военного трибунала, которые в отличие от современных судей, действующих в условиях состязательного судопроизводства и обязанных дистанцироваться от обеих сторон, сохраняя беспристрастность и нейтралитет, активно участвовали «в процессе революционной борьбы» [3];

- специальная подсудность, определяемая видом военного трибунала;

- меньшая степень регламентации деятельности военного трибунала по рассмотрению уголовного дела (как отмечал первый председатель Революционного военного трибунала РСФСР Ю. Данишевский, данные органы рассматривались как карающие органы, которые не должны были руководствоваться какими-либо юридическими нормами [4, с. 26]);

- оперативность рассмотрения дела и исполнения решения военного трибунала;

- организационное единство должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование и рассмотрение обвинения по существу, заключающееся в том, что следователи и члены военного трибунала входили в состав единого органа «революционный военный трибунал».

После окончания Гражданской войны военные трибуналы стали составной частью единой судебной системы СССР, заняв место современных специальных военных судов, и в соответствии с Положением 1926 г. рассматривали уголовные дела о военных преступлениях, государственных, должностных и имущественных преступлениях, совершенных военными служащими и посягающих на Красную Армию и военную дисциплину, а также дела о преступлениях, совершенных на территории, где отсутствуют общие суды [5].

С началом Великой Отечественной войны, когда нападение немецко-фашистских захватчиков на СССР потребовало «мобилизации» судебной системы, повышения эффективности деятельности судебных органов в борьбе с преступностью, именно вышеуказанные организационные и процессуальные особенности деятельности военных трибуналов позволили им успешно выполнять возложенные на них сложнейшие задачи по осуществлению правосудия на территориях, где было введено военное положение. Нормативные акты, принятые в первые дни Великой Отечественной войны, закрепили важнейшее положение, которое заняли военные трибуналы в судебной системе СССР.

Безусловно, анализ всех аспектов правового регулирования и деятельности военных трибуналов в годы Великой Отечественной войны в рамках одной статьи невозможен, поэтому мы остановимся лишь на вопросах подсудности, особенностях процедуры и деятельности данных судов.

2. Подсудность уголовных дел военным трибуналам в годы Великой Отечественной войны

Подсудность уголовных дел военным трибуналам начала расширяться еще в предвоенные годы. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1940 г. к подсудности военных трибуналов были отнесены уголовные дела о всех преступлениях, совершенных военнослужащими, а также военнообязанными, проходящими учебные сборы [6], что, по справедливому замечанию О. В. Григорьева, было обусловлено происходящими в стране и за ее пределами событиями [7, с. 40]. В первые же дни Великой Отечественной войны подсудность не только была расширена, но и многие суды, действовавшие на территории, где объявлено военное положение, были преобразованы в военные трибуналы.

Во-первых, принятый Президиумом Верховного Совета СССР Указ «О военном положении» [8] ввел предметно-территориальный критерий подсудности дел военным трибуналам. Данные органы были уполномочены рассматривать уголовные дела о преступлениях:

- а) совершенных на территории, где объявлено военное положение, если:
- б) преступления совершены против обороны, общественного порядка и государственной безопасности, а именно:
 - государственные преступления;
 - преступления, предусмотренные Законом от 7 августа 1932 г. об охране общественной (социалистической) собственности [9];
 - преступления, совершенные военнослужащими;
 - разбой (ст. 167 УК РСФСР [10] и соответствующие статьи УК других союзных республик);
 - умышленные убийства (ст. 136–138 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик);
 - насильственное освобождение из домов заключения и из-под стражи (ст. 81 УК РСФСР и соответствующие ей статьи УК других союзных республик);
 - уклонение от исполнения всеобщей воинской обязанности (ст. 68 УК РСФСР и соответствующие ей статьи УК других союзных республик) и о сопротивлении представителям власти (ст. 73, 73.1 и 73.2 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик);
 - незаконная покупка, продажа и хранение оружия, хищение оружия (ст. 164а, 166а и 182 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик) [8].

В дальнейшем подсудность трибуналов расширялась по следующим основным направлениям.

Во-первых, расширялась территория, на которую был распространен статус военного положения. Так, в первый день Великой Отечественной войны военное положение было объявлено в восьми советских социалистических республиках (Белорусская, Карело-Финская, Крымская, Литовская, Латвийская, Молдавская, Украинская, Эстонская) и 16 областях, краях (Архангельская, Вологодская, Воронежская, Ивановская, Калининская, Краснодарский, Курская, Ленинградская, Мурманская, Московская, Орловская, Ростовская, Рязанская, Смоленская, Тульская, Ярославская) и двух городах РСФСР (Ленинград и Москва), подвергшихся нападе-

нию немецко-фашистских захватчиков и находящихся на направлении их удара [11]. Позднее изменение ситуации на фронте и необходимость введения особых мер безопасности привели к включению в вышеуказанный перечень не только новых территорий (с 14 июля 1942 г. Сталинградская область, с 10 августа 1942 г. Чечено-Ингушская АССР, Кабардино-Балкарская АССР, Северо-Осетинская АССР, Орджоникидзевский край, с 23 августа 1942 г. в некоторые города Закавказья, Черноморского и Каспийского побережья, с 9 сентября 1942 г. Грузинская ССР, Азербайджанская ССР, Армянская ССР, Саратовская и Тамбовская области), но и целых отраслей народного хозяйства (с 15 апреля 1943 г. все объекты железных дорог, с 9 мая 1943 г. все объекты морского и речного флота).

Режим военного положения позволил на данных территориях и объектах народного хозяйства предоставить особые чрезвычайные полномочия военным правоохранительным органам, позволившие оперативно и эффективно реагировать на различные угрозы законности, правопорядку, пресекать преступные деяния и наказывать правонарушителей по законам военного времени. Сразу же после Победы начался обратный процесс по отмене военного положения и возобновлению деятельности гражданских судов, который завершился 2 мая 1948 г.

Во-вторых, подсудность военных трибуналов в течение Великой Отечественной войны расширялась по предметно-субъектному критерию. Необходимость повышения исполнительской дисциплины в критически значимых для фронта отраслях народного хозяйства обусловила мобилизацию рабочих (служащих) и закрепление их за предприятиями для постоянной работы. Самовольный уход с работы таких рабочих (служащих) приравнялся к дезертирству и наказывался тюремным заключением на срок от пяти до восьми лет. Данную категорию дел отнесли к подсудности военных трибуналов. С 26 декабря 1941 г. военные трибуналы стали рассматривать уголовные дела о рабочих (служащих), самовольно ушедших с предприятий военной промышленности (авиационной, танковой, вооружения, боеприпасов, военного судостроения, военной химии), в том числе эвакуированных предприятий, а также предприятий других отраслей, обслуживающих военную промышленность [12]. Позднее подсудность военных трибуналов по данной категории дел была распространена на следующие отрасли (предприятия):

- с 24 августа 1942 г. на железные дороги и предприятия Народного комиссариата путей сообщения СССР;
- с 8 октября 1942 г. на Народный комиссариат речного флота и Народный комиссариат морского флота;
- с 11 октября 1942 г. на предприятия Народного комиссариата текстильной промышленности СССР;
- с 3 января 1943 г. на предприятия Главного управления медеплавильной промышленности Народного комиссариата цветной металлургии.

В-третьих, военные власти, под которыми понимались военные советы фронтов, армий, военных округов, высшее командование войсковых соединений, были наделены полномочиями уголовные дела о любых преступлениях передавать для рассмотрения военным трибуналам, если это будет необходимо с учетом военного положения.

Данная норма была необходима и оправдана, поскольку в условиях военного времени, когда нужны были решительные и срочные меры по борьбе с преступностью, именно военные трибуналы обеспечивали оперативное рассмотрение дел.

Заметим, что современные военные суды в настоящее время в период специальной военной операции также обоснованно расширяют свою подсудность. Участие в боевых действиях граждан, пребывающих в добровольческих формированиях, иностранных граждан, проходящих военную службу или пребывающих в добровольческих формированиях, обусловило отнесение уголовных дел об их преступлениях к подсудности военных судов России. Соответствующие изменения в ч. 5 ст. 31 УПК РФ и п. 2 ч. 1 ст. 7 Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации» были внесены 28 декабря 2024 г. [13; 14]. Это, безусловно, оправдано условиями боевых действий, режимом секретности, государственной безопасности, которые необходимо обеспечивать при рассмотрении данной категории уголовных дел.

Однако обратим внимание на противоречивость внесенных изменений, которые недопустимы в правовом государстве, где правила подсудности должны четко и недвусмысленно регламентироваться федеральным законодательством. Противоречие, на наш взгляд, заключается в том, что круг лиц, преступления которых отнесены к подсудности военных судов, по-разному определен в вышеуказанных нормах. Часть 5 ст. 31 УПК РФ выделяет следующих субъектов:

- а) военнослужащие;
- б) граждане, проходящие военные сборы;
- в) граждане, пребывающие в добровольческих формированиях.

В п. 2 ч. 1 ст. 7 Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации» кроме вышеуказанных субъектов названы еще и:

- г) граждане (иностранцы граждане) в период прохождения ими военной службы, военных сборов, пребывания в добровольческих формированиях.

Выделим две проблемы при разрешении данной коллизии.

Во-первых, поскольку в соответствии с ч. 3 ст. 2 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащие – это граждане (иностранцы граждане), проходящие военную службу [15], не было необходимости выделять в качестве самостоятельных субъектов военнослужащих и граждан (иностранцев граждан), проходящих военную службу.

Во-вторых, ч. 5 ст. 31 УПК РФ очевидно должна быть дополнена указанием на то, что преступления, совершенные иностранными гражданами в период прохождения ими военной службы, военных сборов, пребывания в добровольческих формированиях, также подсудны военным судам.

В целом, на наш взгляд, правильнее всего использовать в обоих законах идентичные формулировки, чтобы исключить ошибки в толковании закона.

Возвращаясь к рассмотрению подсудности военных трибуналов в годы Великой Отечественной войны, заметим, что расширение их подсудности проходило параллельно с преобразованием гражданских судов в военные трибуналы. Так, с 25 октября 1941 г. Московский городской суд был переформирован в военный трибунал, а народные суды районов – в его постоянные сессии [16, с. 43], так происходило на всех территориях, где было объявлено военное положение [17].

Анализ архивных данных о деятельности военных трибуналов 3-й Гвардейской Армии Юго-Западного фронта в феврале 1943 г. свидетельствует о том, что к числу наиболее распространенных составов преступлений относились членовредительство, измена Родине, антисоветская агитация, а также должностные преступления. Тяжесть совершенных преступлений обуславливала строгость применяемых мер наказания: по 50 % уголовных дел было вынесено наказание в виде лишения свободы на срок 10 лет, 27,8 % – высшая мера наказания (расстрел), 20,5 % – 5–10 лет лишения свободы. К 55,6 % осужденных военными трибуналами применялось примечание 2 к 28 ст. УК РСФСР, предусматривавшее отсрочку исполнения приговора до окончания военных действий, с направлением осужденного в действующую армию.

Виды преступлений	Всего	К ВМН	К лишению свободы				
			10 л. л/св.	5–10 л. л/св.	до 5 л. л/св.	Проч. меры	Из них примен. примеч. 2 к 28 ст. УК РСФСР
Измена Родине	19/47	11/19	4/12	4/11	0/5	–	–
Антисоветская агитация	13/8	3/2	7	3/6	–	–	–
Неисполнение приказаний	7	2	2	3	–	–	4
Дезертирство	8	1	1	6	–	–	7
Побег с поля боя	10	2	7	1	–	–	8
Членовредительство	62	20	40	2	–	–	38
Утеря секретных документов	1	–	–	1	–	–	1
Должностные преступления	10	1	6	2	1	–	7
Разбазаривание военного имущества	3	–	2	1	–	–	3
Хулиганство и дискредитация	1	–	–	1	–	–	1
Остальные преступления	21/2	3/1	9	8/1	1	–	18
Итого:	151/57	42/22	76/12	31/18	2/5	–	84

Примечание к таблице: данные в таблице взяты из архивного документа, в котором присутствуют арифметические ошибки.

3. Особенности порядка рассмотрения уголовных дел военными трибуналами

Данные особенности были обусловлены условиями военного времени, которые требовали быстрых и решительных мер по поддержанию дисциплины, обеспечению законности на фронте и в тылу, противодействию преступности. В связи с этим производство по делу в военном трибунале характеризовалось ускоренным и упрощенным порядком рассмотрения дела, проверки законности решения вышестоящими инстанциями и исполнения назначенного наказания. Рассмотрим наиболее важные особенности процессуальной формы судопроизводства в военном трибунале, закрепленные в Указе Президиума Верховного Совета СССР «Об утверждении Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий» [18]:

а) срок с момента вручения обвиняемому обвинительного заключения до судебного заседания сокращен с трех суток (в обычном порядке судопроизводства [19]) до 24 часов;

б) в отличие от обычного порядка судопроизводства сама процедура рассмотрения дела военным трибуналом практически не регулировалась. Анализ архивных материалов свидетельствует о том, что в среднем военный трибунал успевал рассматривать дело за три дня. Так, например, военный трибунал 59-й гвардейской стрелковой дивизии в феврале 1943 г. всего рассмотрел 15 уголовных дел, из которых четыре дела за один день, три дела за два дня, одно дело за три дня, пять дел за пять дней, два дела – более пяти дней [20].

При этом на практике наряду с приговорами выносились и постановления о возвращении дел на доследование, например, «для производства технической экспертизы винтовки, из которой подсудимый прострелил себе ладонь левой руки... или для допроса дополнительных свидетелей, которых обвиняемый просил вызвать в судебное заседание» [20], что свидетельствует о стремлении военных трибуналов объективно оценить представленные доказательства и вынести справедливое решение по предъявленному обвинению;

в) в отсутствие четких требований к структуре и содержанию приговора военного трибунала в нем преобладали лаконичные формулировки. Анализ опубликованных архивных приговоров свидетельствует о том, что в них можно выделить традиционные для данного вида документов вводную, описательно-мотивировочную и резолютивную части; описание установленных военным трибуналом обстоятельств преступления осуществлялось, как правило, без ссылок на конкретные доказательства [21];

г) приговор, вынесенный военным трибуналом, мог быть пересмотрен лишь надзорной инстанцией. Здесь важно отметить, что в отличие от современного судопроизводства, предусматривающего право осужденного на обжалование решения в надзорную инстанцию, в тот период полномочиями по возбуждению надзорного производства были наделены лишь должностные лица прокуратуры. Это

фактически означало, что с момента оглашения приговор вступал в законную силу и подлежал немедленному исполнению.

Особый порядок опротестования и исполнения приговора военного трибунала был установлен в отношении тех решений, которые предусматривали высшую меру наказания.

Во-первых, в таком случае п. 15 Положения о военных трибуналах предусматривал право военных советов округов, фронтов и армий (флотов, флотилий), а также командующих фронтами, армиями и округами (флотах, флотилиями) приостановить исполнение такого приговора с одновременным сообщением по телеграфу Председателю Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР, и Главному Военному Прокурору Красной Армии и Главному Прокурору Военно-Морского Флота Союза ССР по принадлежности своего мнения об этом для дальнейшего направления дела. Это позволяло последним реализовать свое полномочие по опротестованию приговора военного трибунала.

Во-вторых, о каждом приговоре, предусматривавшем высшую меру наказания (расстрел), трибунал обязан был незамедлительно телеграфировать Председателю Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР, а также в зависимости от вида трибунала Главному Военному Прокурору Красной Армии либо Главному Прокурору Военно-Морского Флота Союза ССР. Вышеуказанные лица имели право в течение 72 часов с момента вручения телеграммы приостановить исполнение приговора. По истечении этого срока при отсутствии телеграммы от вышеуказанных лиц смертный приговор приводился в исполнение. Порядок пересмотра приговора в надзорной инстанции был общим: вышеуказанные лица и их заместители (помощники) вправе были истребовать уголовное дело в Верховный Суд СССР для пересмотра в порядке надзора [18].

Заключение

Военные трибуналы, ставшие основными судами судебной системы СССР в годы Великой Отечественной войны, сыграли важную роль в мобилизации всех сил государства и общества на борьбу с врагом. Их деятельность, осуществляемая в неразрывной связи с иными правоохранительными и военными органами, являлась одной из гарантий обеспечения правопорядка на фронте и в тылу. Военными трибуналами принимались строгие меры по наказанию за дезертирство и иные военные преступления, за халатность, нарушение государственной дисциплины, подерживался авторитет государственной власти, осуществлялось правосудие по другим уголовным делам.

В статье рассмотрено поэтапное расширение подсудности уголовных дел военным трибуналам, обусловленное требованиями военного времени, выделены важнейшие особенности производства по уголовным делам в военных трибуналах, к которым можно отнести: а) сокращенные сроки подготовки и рассмотрения уголовных дел; б) отсутствие детально регламентированной процедуры рассмотрения дела, требований к форме судебных решений; в) особый порядок проверки приговора, вынесенного военным трибуналом, не предусматривавший право на обжалование, но включавший ряд дополнительных гарантий законности приговора, содержащего высшую меру наказания.

Проведенное исследование позволило выявить коллизию в современном правовом регулировании подсудности военных судов в период специальной военной операции и предложить привести Уголовно-процессуальный кодекс РФ в соответствие с Федеральным конституционным законом «О военных судах Российской Федерации».

Пристатейный библиографический список

1. Декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. «О суде» // СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.
2. Постановление Реввоенсовета РСФСР от 4 февраля 1919 г. «О революционных военных трибуналах (Положение)» // СУ РСФСР. 1919. № 13. Ст. 131.
3. *Тамаев Р.* Из истории военных судов // Закон.ру : сайт. URL: https://zakon.ru/blog/2018/12/08/iz_istorii_voennyh_sudov__chto_namedni_otprazdnoval_verhovnyj_sud_rf (дата обращения: 10.03.2025).
4. *Шнепс-Шенне М.* Латышские стрелки. Мировая революция как война за справедливость. М. : Алгоритм, 2017.
5. Положение о военных трибуналах и военной прокуратуре (утв. Постановлением ЦИК СССР, СНК СССР от 20 августа 1926 г.) // СЗ СССР. 1926. № 57. Ст. 413.
6. Указ Президиума ВС СССР от 13 декабря 1940 г. «Об изменении подсудности военных трибуналов» // Ведомости ВС СССР. 1940. № 51.
7. *Григорьев О. В.* Советская судебная система: исторический период 1921–1941 гг. // Российский судья. 2010. № 2.
8. Указ Президиума ВС СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» // СЗ СССР. 1932. № 62. Ст. 360.
10. Уголовный кодекс РСФСР (введенный в действие Постановлением ВЦИК от 22 ноября 1926 г.) // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
11. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения» // Ведомости ВС СССР. 1941. № 29.
12. Указ Президиума ВС СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» // Ведомости ВС СССР. 1942. № 2.
13. Федеральный конституционный закон от 28 декабря 2024 г. № 6-ФКЗ «О внесении изменений в статью 7 Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации»» // СПС «КонсультантПлюс».
14. Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 507-ФЗ «О внесении изменений в статью 331 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
15. Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» // СЗ РФ. 1998. № 13. Ст. 1475.

16. Тимофеев М. И. Организационно-правовые основы функционирования института военных трибуналов в военное время // История государства и права. 2014. № 4.

17. Постановление Военного совета Ленинградского фронта о преобразовании городского суда и городской прокуратуры в военный трибунал и военную прокуратуру от 4 декабря 1941 г. № 00441 // Электронная библиотека исторических документов : сайт. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/296619#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 10.03.2025).

18. Указ Президиума ВС СССР от 22 июня 1941 г. «Об утверждении Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий» // СПС «КонсультантПлюс».

19. Постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 г. «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР» // СПС «КонсультантПлюс».

20. Объяснительная записка к статистическому отчету помощника военного прокурора 3-й гвардейской армии Юго-Западного фронта о работе военной прокуратуры по надзору за дознанием, следствием и судом в феврале 1943 г. // Электронная библиотека исторических документов : сайт. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/189754#mode/inspect/page/5/zoom/4> (дата обращения: 10.03.2025).

21. Приговор военного трибунала от 23 июля 1941 г. № 36 // Электронная библиотека исторических документов : сайт. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/433342#mode/inspect/page/1/zoom/6> (дата обращения: 10.03.2025).

References

1. Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of November 24, 1917 "On the Court". *Collection of Laws of the RSFSR*, 1917, no. 4, art. 50. (In Russ.)

2. Resolution of the Revolutionary Military Council of the RSFSR of February 4, 1919 "On Revolutionary Military Tribunals (Regulations)". *Collection of Laws of the RSFSR*, 1919, no. 13, art. 131. (In Russ.)

3. Tamaev R. From the History of Military Courts. URL: https://zakon.ru/blog/2018/12/08/iz_istorii_voennyh_sudov_chno_namedni_otprazdnoval_verhovnyj_sud_rf (date of the application: 10.03.2025). (In Russ.)

4. Schneps-Schneppe M. Latvian Riflemen. World Revolution as a War for Justice. Moscow: Algorithm, 2017. (In Russ.)

5. Regulation on Military Tribunals and the Military Prosecutor's Office (approved by the Resolution of the Central Executive Committee of the USSR, the Council of People's Commissars of the USSR of August 20, 1926). *Collection of Legislation of the RSFSR*, 1926, no. 57, art. 413. (In Russ.)

6. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of December 13, 1940 "On Changing the Jurisdiction of Military Tribunals". *Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR*, 1940, no. 51. (In Russ.)

7. Grigoriev O. V. Soviet Judicial System: Historical Period 1921–1941. *Russian Judge*, 2010, no. 2. (In Russ.)

8. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of June 22, 1941 "On Martial Law" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
9. Resolution of the Central Executive Committee of the USSR, Council of People's Commissars of the USSR of August 7, 1932 "On the Protection of the Property of State Enterprises, Collective Farms and Cooperatives and the Strengthening of Public (Socialist) Ownership". *Collection of Legislation of the RSFSR*, 1932, no. 62, art. 360. (In Russ.)
10. Criminal Code of the RSFSR (put into effect by the Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of November 22, 1926). *Collection of Laws of the RSFSR*, 1926, no. 80, art. 600. (In Russ.)
11. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of June 22, 1941 "On the Declaration of Martial Law in Certain Localities of the USSR". *Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR*, 1941, no. 29. (In Russ.)
12. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of December 26, 1941 "On the Responsibility of Workers and Employees of Military Industry Enterprises for Unauthorized Departure from Enterprises". *Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR*, 1942, no. 2. (In Russ.)
13. Federal Constitutional Law of December 28, 2024 No. 6-FKZ "On Amendments to Article 7 of the Federal Constitutional Law 'On Military Courts of the Russian Federation'" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
14. Federal Law of December 28, 2024 No. 507-FZ "On Amendments to Article 331 of the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
15. Federal Law of March 28, 1998 No. 53-FZ "On Military Duty and Military Service". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1998, no. 13, art. 1475. (In Russ.)
16. *Timofeev M. I. Organizational and Legal Foundations for the Functioning of the Institution of Military Tribunals in Wartime. History of the State and Law*, 2014, no. 4. (In Russ.)
17. Resolution of the Military Council of the Leningrad Front on the Transformation of the City Court and City Prosecutor's Office into a Military Tribunal and Military Prosecutor's Office of December 4, 1941 No. 00441. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/296619#mode/inspect/page/1/zoom/4> (date of the application: 10.03.2025). (In Russ.)
18. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of June 22, 1941 "On Approval of the Regulation on Military Tribunals in Localities Declared Under Martial Law and in Areas of Military Operations" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
19. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of February 15, 1923 "On Approval of the Criminal Procedure Code of the RSFSR" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
20. Explanatory Note to the Statistical Report of the Assistant Military Prosecutor of the 3rd Guards Army of the Southwestern Front on the Work of the Military Prosecutor's Office in Supervising the Inquiry, Investigation, and Trial in February 1943. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/189754#mode/inspect/page/5/zoom/4> (date of the application: 10.03.2025). (In Russ.)

21. Verdict of the Military Tribunal of July 23, 1941 No. 36. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/433342#mode/inspect/page/1/zoom/6> (date of the application: 10.03.2025). (In Russ.)

Сведения об авторах:

М. М. Васягина – кандидат юридических наук, доцент.

А. В. Шигуров – кандидат юридических наук, доцент.

Е. И. Шигурова – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors:

M. M. Vasyagina – PhD in Law, Associate Professor.

A.V. Shigurov – PhD in Law, Associate Professor.

E. I. Shigurova – PhD in Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 28.02.2025; одобрена после рецензирования 11.03.2025; принята к публикации 19.03.2025.

The article was submitted to the editorial office 28.02.2025; approved after reviewing 11.03.2025; accepted for publication 19.03.2025.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-48-58>

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ В СОВЕТСКОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ ПРИ ПОДГОТОВКЕ К НЮРНБЕРГСКОМУ ТРИБУНАЛУ

Николай Андреевич Маслов

Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России), 664011,
Россия, г. Иркутск, ул. Некрасова, д. 4
maslovna@mail.ru

Аннотация

С точки зрения стилистических требований к юридическим документам советская документация, в которой отражена подготовка к Нюрнбергскому трибуналу, – явление уникальное. В ней преступления немецко-фашистских захватчиков и руководителей фашистской Германии описаны ярким, образным, эмоциональным языком. Достигалось это посредством использования слов и словосочетаний, при образовании которых применялись художественные средства выразительности языка и отдельные специфические виды лексики. Подобное, как правило, не характерно для правовых актов и является интересным примером исключения из общих правил. С этой позиции указанная документация никогда не анализировалась. В работе использованы взгляды современных ученых, занятых в области юридической техники и лингвистики. Думается, что подобный методологический подход имеет значительный эвристический потенциал. По итогам исследования сделан вывод о том, что эмоциональный стиль анализируемой документации был порожден рядом объективных обстоятельств.

Ключевые слова: Нюрнбергский трибунал; советская юридическая документация; правила юридической техники; стиль правового акта; метафора; эпитет; архаизмы.

Для цитирования: Маслов Н. А. Некоторые особенности лексических единиц, использованных в советской документации при подготовке к Нюрнбергскому трибуналу // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 2. С. 48–58. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-48-58>

Research Article

SOME FEATURES OF THE LEXICAL UNITS USED IN THE SOVIET DOCUMENTATION IN PREPARATION FOR THE NUREMBERG TRIBUNAL

Nikolai A. Maslov

Irkutsk Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice,
4 Nekrasova St., Irkutsk, 664011, Russia
maslovna@mail.ru

Abstract

From the point of view of stylistic requirements for legal documents, the Soviet documentation, which reflects the preparations for the Nuremberg Tribunal, is a unique phenomenon. In it, the crimes of the Nazi invaders and the leaders of Nazi Germany are described in vivid, imaginative, emotional language. This was achieved through the use of words and phrases, in the formation of which artistic means of expressive language and certain specific types of vocabulary were used. This is usually not typical for legal acts and is an interesting example of an exception to the general rules. From this point of view, the specified documentation has never been analyzed. The work uses the views of modern scientists involved in the field of legal technology and linguistics. It seems that such a methodological approach has significant heuristic potential. Based on the results of the study, it was concluded that the emotional style of the analyzed documentation was generated by a number of objective circumstances.

Keywords: Nuremberg Tribunal; Soviet legal documentation; rules of legal technique; style of legal act; metaphor; epithet; archaisms.

For citation: Maslov N. A. Some Features of the Lexical Units Used in the Soviet Documentation in Preparation for the Nuremberg Tribunal. *Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 2, pp. 48–58. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-48-58>

Введение

В данной работе анализируются особенности лексических единиц (слов и словосочетаний), посредством которых в советской документации, посвященной подготовке к Нюрнбергскому процессу, описываются преступления немецко-фашистских захватчиков и руководства нацистской Германии. Данные лексические единицы имеют очень яркую эмоциональную окраску, что для правовых актов не характерно. Им, наоборот, присущ спокойный, нейтральный и даже эмоционально-холодный стиль. Думается, что эмоциональная выразительность, свойственная указанной документации, – явление уникальное, которое существовало в определенных временных рамках. Нижней границей исследуемого периода следует считать конец 1941 г. В это время появляются первые дипломатические документы советского правительства, в которых дается международно-правовая оценка действиям немецко-фашистских захватчиков. К примеру, 25 ноября 1941 г. была издана Нота Народного комиссара иностранных дел «О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных» [1]. Верхняя граница исследуемого периода определяется завершающим этапом войны. В это время документация, посвященная предстоящему военному трибуналу, приобретает спокойный, уравновешенный тон. В качестве примеров можно привести Справку НКВД СССР о Лондонской комиссии по расследованию военных преступлений [2] и Протокол состоявшегося 3 мая 1945 г. Совещания представителей СССР, США и Великобритании по вопросу о наказании главных военных преступников [3].

Анализируемые в работе документы нельзя назвать какими-то отдельными казусами, единичными примерами отступления от сложившихся правил юридической техники, поскольку их очень много. При этом по характеру правовой информации они относятся к совершенно различным видам. Конечно, преобладают разного рода международные договоры СССР с союзниками по антигитлеровской коалиции, официальные заявления советской стороны, дипломатические ноты и иные документы дипломатической переписки, итоговые документы международных переговоров и пр. Кроме того, имеются нормативные правовые акты СССР. Также к анализируемой документации относятся распорядительные и информационно-справочные документы Наркомата иностранных дел СССР. Таким образом, данная работа основана на обширном эмпирическом материале.

Следует пояснить еще один методологический момент. В статье исследуемая документация проанализирована с учетом современных представлений о юридической технике. Можно ли такой анализ считать корректным? Думается, что свобода научного творчества и принцип методологического плюрализма позволяют исследователю использовать любой методологический инструментарий, дающий новые и достоверные знания. Кроме того, даже беглый обзор советской юридической документации в целом позволяет утверждать, что анализируемое требование к стилю юридической документации советские юристы знали и применяли на практике. Поэтому вопрос о том, почему в конкретный исторический период и применительно к составлению юридической документации на конкретную тему это требование нарушалось, является весьма интересным.

1. Исследуемые лексические единицы с точки зрения требований к стилю юридической документации

В юридической литературе давно подмечено, что официальный стиль правовой документации предполагает отсутствие какой-либо эмоциональной выразительности. К примеру, Т. В. Кашанина наряду с иными особенностями стиля юридической документации указывает на такие, как строгость стиля, его нейтральность, беспристрастность, отсутствие какой-либо оригинальности и резко стилиевой индивидуальности, сдержанность и даже эмоциональная холодность, а также отсутствие образных сравнений [4, с. 123]. Отсутствие эмоциональной выразительности является общим правилом, применяемым при составлении любой юридической документации. Однако в любом правиле можно найти исключения. Думается, что подобным исключением можно считать практику составления советской документации, в которой отражается подготовка к Международному военному трибуналу для суда и наказания главных военных преступников европейских стран «оси», проходившему в городе Нюрнберг с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г. В анализируемой документации используются крайне интересные лексические единицы. К примеру, в Заявлении Советского правительства об ответственности гитлеровских захватчиков и их сообщников за злодеяния, совершаемые ими в оккупированных странах Европы, от 14 октября 1942 г. (далее – Заявление Советского правительства от 14 октября 1942 г.) уже в самом названии и тексте документа можно встретить такие слова и словосочетания, как «злодеяния», «неслыханные злодеяния», «злодейские преступления», «зверства», «чудовищные зверства», «зверские насилия», «разбойничьи империалисты», «бесчеловечные и разбойничьи действия», «чудовищные злодеяния» и пр. [5, с. 1]. Нетрудно заметить даже без детального анализа, что приведенные слова и словосочетания имеют довольно значительный эмоциональный заряд. Отдельного внимания заслуживает лексика, используемая в данном документе для обозначения руководства фашистской Германии. В отношении этих лиц использованы такие словосочетания, как «преступное гитлеровское правительство», «главари преступной гитлеровской клики», «главари преступной гитлеровской шайки», «шайка оголтелых убийц» и пр. [5, с. 1]. Приведенные лексические единицы очень эмоциональны, хлестки и выразительны настолько, насколько это может позволить нормативная лексика.

Приведенные выше лексические единицы, а также подобные им встречаются в указе Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. № 160/17 «Об образовании чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР» [6] (далее – Указ Президиума Верховного Совета СССР № 160/17), в принятой на Московской конференции (19–30 октября 1943 г.) Декларации об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства [7], а также в других международно-правовых актах, подписанных СССР, и обширной дипломатической переписке советской стороны с союзниками.

Исследуемая лексика, получив легальное закрепление в официальной документации, тут же проникла в научную литературу. Профессор А. Н. Трайнин в 1944 г.

опубликовал уникальную монографию под названием «Уголовная ответственность гитлеровцев» [8]. Данное произведение смело можно назвать первым научным трудом, в котором приводится системное изложение взглядов советского руководства и советских юристов на вопрос об уголовной ответственности немецко-фашистских захватчиков. На страницах данной работы имеются объемные выдержки из Заявления Советского правительства от 14 октября 1942 г., Указа Президиума Верховного Совета СССР № 160/17 и другой документации, которые содержат исследуемые лексические единицы [8, с. 4–6]. Но и сам автор выражался в аналогичном духе. В частности, он писал: «Вопрос об уголовной ответственности гитлеровцев за совершенные ими *злодеяния* имеет таким образом огромное значение; он приобрел исключительную актуальность, так как *чудовищные злодеяния гитлеровских палачей* возбудили жгучую и неутолимую ненависть, жажду сурового возмездия в сердцах всех честных людей мира, в миллионных массах всех свободолюбивых народов [курсив наш. – Н.М.]» [8, с. 6].

Как видно из сказанного, исследуемая лексика действительно отличается своей эмоциональной экспрессией, что не типично для юридической документации. В связи с этим интересен вопрос о том, каким образом и с применением каких языковых средств удалось добиться такой эмоциональности. Также интересен вопрос о допустимости использования данных средств в правовых актах.

2. Исследуемые лексические единицы с точки зрения языкознания

Необходимо сразу оговориться о том, что данная статья не является попыткой всестороннего лингвистического анализа лексических единиц, использованных в советской документации при подготовке к работе Нюрнбергского трибунала. Это дело науки языкознания. При этом думается, что результаты подобного исследования вполне могли бы уместиться на страницах целой монографии. Однако полностью избежать лингвистической проблематики в рамках данной работы невозможно. Тем более что в юридической науке имеются свои представления о возможности использования в юридических текстах тех или иных языковых средств.

При образовании исследуемых лексических единиц использованы стилистические приемы, которые в лингвистике называют тропами. Термин «троп» имеет греческое происхождение и в дословном переводе означает «оборот», «поворот» [9, с. 79]. Чаще всего использован такой троп, как метафора. Данный стилистический прием заключается в употреблении слова или выражения в переносном значении [10, с. 351]. При этом такое употребление основано на аналогии, сходстве и сравнении явлений [10, с. 351]. К примеру, проанализируем такие лексические единицы, как «зверства», «чудовищные зверства», «зверские насилия». В русском языке слово «зверство» в переносном смысле обозначает бесчеловечный поступок, жестокость [10, с. 230]. Конечно, немецко-фашистские захватчики были людьми, но их поведение на оккупированных территориях иначе как зверствами назвать нельзя. Или, например, возьмем слова «главари», «клика», «шайка», использованные по отношению к руководству гитлеровской Германии. Слово «главарь» обозначает зачинщика, руководителя, вожака преступной группы или преступного сообщества (например, главарь шайки) [10, с. 134]. Слово «клика» является синонимом слов

«шайка» и «банда», имеет французское происхождение и обозначает «группу людей, стремящихся любыми средствами достигнуть каких-либо корыстных, неблагоприятных целей» [11, с. 311]. Под просторечным и неодобрительным словом «шайка», как уже ясно из сказанного, обозначается преступная группа лиц [10, с. 888]. Эти слова явно происходят из художественной и публицистической литературы. И используются они для описания деятельности разного рода преступных групп и их руководителей. Однако в приведенной советской документации они обозначают руководство целого государства.

Надо сказать, что отношение к метафорам в юридической науке неоднозначно. Мнения исследователей о возможности их использования в юридической документации разделились. Одни ученые считают, что метафоры по причине их эмоциональной выразительности не могут быть использованы в юридической документации. К примеру, Т. Н. Москалькова и В. В. Черников, говоря о языковых и стилистических требованиях к тексту нормативного правового акта, пишут: «...из текста должны быть исключены образные сравнения, гиперболы, метафоры, аллегории и другие пышности и «красоты» разговорной речи, художественного или научного произведения, эмоционально-экспрессивных языковых средств» [12, с. 251]. Другие же ученые придерживаются точки зрения, согласно которой при определенных обстоятельствах использование метафор в юридической документации допустимо. Так, В. М. Баранов и Н. А. Власенко по этому поводу высказываются следующим образом: «К метафоре в юриспруденции желательно прибегать лишь тогда, когда не хватает имеющегося технико-юридического арсенала. Она уместна там и тогда, когда без нее невозможно с надлежащей точностью отобразить содержание и формы функционирования юридически значимой деятельности, привлечь внимание к линиям взаимодействия предмета законодательной регламентации со смежными областями, подчеркнуть особую ценность правовой новации, объяснить необходимость изменения правовой политики» [13, с. 17]. Приведенные в работе примеры лексических единиц иллюстрируют последнюю точку зрения. И, учитывая ряд обстоятельств, их можно считать уместными (далее об этом подробнее).

Кроме метафор в образовании исследуемых лексических единиц часто использованы эпитеты. Эпитет – это еще одна разновидность тропа [14, с. 75]. В лингвистике под эпитетом понимается «определение, ярко и образно характеризующее предмет речи» [9, с. 79]. Очевидно, что эпитеты присутствуют в таких лексических единицах, как «*неслыханные злодеяния*», «*злодейские преступления*», «*чудовищные зверства*», «*зверские насилия*», «*разбойничьи империалисты*», «*бесчеловечные и разбойничьи действия*», «*чудовищные злодеяния*», «*главари преступной гитлеровской клики*», «*главари преступной гитлеровской шайки*», «*шайка оголтелых убийц*», «*нацистская Германия*», «*фашистская германия*» и пр.

К эпитетам в юридической науке и практике гораздо более благосклонное отношение, чем к метафорам. Они всегда встречаются в устной речи юристов и наряду с другими стилистическими приемами детально исследуются и учеными-юристами, и филологами [9, 14]. Кроме того, несмотря на распространенное мнение о недопустимости использования в юридической документации средств художественной выразительности, они все-таки в нее проникают. В частности, Уголовный

кодекс РФ (далее – УК РФ) содержит множество терминов, в которых присутствуют эпитеты. Речь идет о таких словосочетаниях, как «веские доказательства», «тяжкие преступления», «обстоятельства, отягчающие наказание», «обстоятельства, смягчающие наказание» [9, с. 80].

Исследуемые лексические единицы имеют еще одну характерную черту. Многие из них образованы от слов, относящихся к весьма специфическим видам лексики. Например, словосочетания «разбойничьи империалисты», «немецко-фашистские захватчики», «фашистские захватчики», «главари фашистской Германии» [15, л. 2] образованы от таких сложных политических и даже политологических терминов, как «империализм» и «фашизм». Не вдаваясь в смысл обозначаемых ими понятий, укажем лишь на то, что четкое научное представление о нем в исследуемый период имели, наверное, только специалисты в сфере общественных наук. Поэтому их можно считать словами-профессионализмами. Едва ли рядовой обыватель тех лет мог дать исчерпывающую научную характеристику этим явлениям. Хотя историческим фактом является то, что советское правительство в рамках политической пропаганды заботилось о разъяснении населению этих понятий. Вместе с тем постоянное употребление этих терминов в негативном ключе и имеющиеся перед глазами ужасы войны давали советскому человеку четкое понимание о том, что фашизм является поистине бесчеловечной идеологией. Таким образом, осмысление указанных понятий происходило не столько разумом, сколько живым человеческим опытом. И в конечном счете эта терминология в сознании людей тоже получила эмоциональный заряд. В нашей стране до сих пор слово «фашизм» и производные от него вызывают резко негативную реакцию.

Такие словосочетания, как «чудовищные злодеяния», «неслыханные злодеяния», «злодейские преступления», «разбойничьи империалисты» и «разбойничьи действия», образованы соответственно от архаизмов «злодеяние», «злодей», «разбойник» и «разбой». В юридическом лексиконе архаизмы, может быть, не так часто, но все-таки встречаются, особенно в уголовно-правовой лексике. Поэтому их использование в исследуемой документации – явление нормальное. Однако юридическая наука выработала несколько правил, соблюдаемых при использовании архаизмов. Согласно одному из них архаизмы, насколько это возможно, необходимо беречь и не допускать их замены синонимами, поскольку они являются носителями правовых и общекультурных ценностей [16, с. 79]. Как известно, в УК РФ термин «разбой» до сих пор содержится [17, ст. 162], и законодатель не видит причин для его замены. И если уж в современной действительности данное слово используется, то и для исследуемого периода оно допустимо. Хотя производные от него словосочетания «разбойничьи империалисты» и «разбойничьи действия» воспринимаются по-иному, несколько ярче, если так можно выразиться. Словосочетания «неслыханные злодеяния», «злодейские преступления» тоже имеют эмоциональную экспрессию. И можно сделать вывод о том, что указанные архаизмы при образовании данных словосочетаний также использованы в целях предания им более сильной эмоциональной окраски.

Как видно из сказанного, исследуемые лексические единицы образованы с помощью таких стилистических приемов, как метафора и эпитет. Кроме того, при их

образовании использована политическая терминология и слова-архаизмы. Указанные языковые средства редко встречаются в правовой документации. И именно они в совокупности придают исследуемым лексическим единицам их специфический характер.

3. Исследуемые лексические единицы с точки зрения исторических и политических событий

Изложенное выше позволяет утверждать, что анализируемые в работе лексические единицы намеренно использовались в советской документации, посвященной подготовке к Нюрнбергскому процессу. Это было необходимо для придания документам максимального драматического эффекта при их прочтении. Чем же была обусловлена такая необходимость?

Во-первых, бесчеловечные и разрушительные действия немецко-фашистских захватчиков на оккупированной территории СССР производили ошеломляющий эффект как на население, так и на руководство страны. Ничего подобно мировая история не знала. Кроме того, была создана реальная угроза существованию государства. Учитывая это, никакой спокойной и нейтральной лексикой события Великой Отечественной войны, тем более ее первых лет, описать невозможно. Поэтому советское правительство, как и население страны, своих эмоций не скрывало.

Во-вторых, значительная часть анализируемой документации адресована союзникам по антигитлеровской коалиции и, по всей видимости, была призвана побудить их к исполнению союзнических обязательств.

В-третьих, Нюрнбергского процесса могло и не быть. И это, наверное, главная причина использования в документации, адресованной союзникам, столь эмоциональной лексики. Она должна была их убедить в необходимости дать юридическую оценку действиям гитлеровцев и их руководителей. А именно в этом наши основные союзники по антигитлеровской коалиции не были уверены. Правительства США и Великобритании склонялись к точке зрения, согласно которой для наказания руководства нацистской Германии вполне достаточно внесудебного решения [18, с. 241; 19, с. 17]. Советской стороне потребовалось очень много времени и сил, чтобы убедить союзников в обратном. Нам Нюрнбергский трибунал был необходим по политическим и идеологическим причинам. Должно было произойти полное публичное разоблачение нацистских преступников. И эта цель была достигнута. Но, кроме того, Нюрнбергский трибунал оказал колоссальное влияние, как на международное, так и на внутригосударственное право. Очевидно, что внесудебная расправа над главными нацистскими преступниками такого бы эффекта не дала.

Итак, использование в советской документации, посвященной подготовке к Нюрнбергскому процессу, лексических единиц, несущих эмоциональный заряд, было порождено рядом исторических, политических, идеологических и юридических предпосылок.

Заключение

Как видно из сказанного, слова и словосочетания, которые в советской документации, посвященной подготовке к Нюрнбергскому трибуналу, использова-

лись для описания преступлений немецко-фашистских захватчиков, имели свою специфику. Она заключается в крайне эмоциональном заряде и даже драматизме. Такой эффект был достигнут посредством использования уникального набора языковых средств. Прежде всего это метафоры и эпитеты. Также использована сложная политическая лексика и слова-архаизмы. Указанные языковые средства крайне редко используются при подготовке юридической документации. И для каждого из них существует набор правил, только при соблюдении которых, они допустимы. Использование этих языковых средств в комплексе – явление по истине уникальное.

Эмоциональный накал в исследуемой документации был обусловлен целым рядом политических, исторических, идеологических и юридических предпосылок. Главным образом это было нужно для того, чтобы убедить союзников в необходимости проведения судебного процесса над главными военными преступниками стран «оси». И путем ряда дипломатических усилий это удалось сделать.

Пристатейный библиографический список

1. Ноты Народного комиссара иностранных дел тов. В. М. Молотова. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1942.
2. Справка НКВД СССР о Лондонской комиссии по расследованию военных преступлений // Архив внешней политики РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 20. Д. 208. Л. 1–3.
3. Протокол Совещания представителей СССР, США и Великобритании по вопросу о наказании главных военных преступников от 3 мая 1945 года // Архив внешней политики РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 20. Д. 209. Л. 1–4.
4. *Кашанина Т. В.* Юридическая техника : учебник. М.: Эксмо, 2007.
5. Заявление Советского правительства об ответственности гитлеровских захватчиков и их сообщников за злодеяния, совершаемые ими в оккупированных странах Европы от 14 октября 1942 года // Правда. 1942. 15 окт. (№ 288).
6. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. № 160/17 «Об образовании чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР» // Ведомости ВС СССР. 1942. № 40.
7. Декларация об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства от 1 ноября 1943 год // Архив внешней политики РФ. Ф. 36. Оп. 1. П. 19. Д. 227.
8. *Трайнин А. Н.* Уголовная ответственность гитлеровцев / под ред. А. Я. Вышинского. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1944.
9. *Зинятова М. Н., Прокопцева Н. В., Кучер И. Р.* Выразительность речи как существенный признак коммуникативной культуры юристов // Психология образования в поликультурном пространстве. 2021. № 2 (54).
10. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. 21-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. Яз., 1989.
11. Словарь иностранных слов: свыше 21 000 слов / отв. ред. В. В. Бурцева, Н. М. Семенова. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. Яз.; Медиа, 2007.

12. Москалькова Т. Н., Черников В. В. Нормотворчество : научно-практическое пособие. М. : Проспект, 2010.
13. Баранов В. М., Власенко Н. А. Метафоры в праве: методологическая опасность и перспективы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1 (45).
14. Шашкова В. Н. Средства выразительности в речи юриста // Филологический аспект. 2022. № 9 (89).
15. Проект ответа Советского правительства на ноты Правительства Великобритании о создании Комиссии Объединенных Наций по нацистским преступлениям от 3 октября и 29 октября 1942 г. // Архив внешней политики РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 14. Д. 137. Л. 9–12.
16. Юридическая техника : учебное пособие по подготовке законопроектов и иных нормативных правовых актов органами исполнительной власти / под ред. Т. Я. Хабриевой, Н. А. Власенко. М. : Эксмо, 2010.
17. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
18. Лебедева Н. С. СССР и Нюрнбергский процесс // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2014. № 4 (23).
19. Звягинцев А. Г. Нюрнберг. Высший суд. М. : Эксмо, 2025.

References

1. Notes of the People's Commissar for Foreign Affairs, Comrade V. M. Molotov. Moscow: OGIZ; Gospolitizdat, 1942. (In Russ.)
2. Certificate of the USSR People's Commissariat of Foreign Affairs on the London Commission for the Investigation of War Crimes. *Archives of Foreign Policy of the Russian Federation*, f. 06, op. 7, p. 20, d. 208, l. 1–3. (In Russ.)
3. Protocol of the Meeting of Representatives of the USSR, USA, and Great Britain on the Punishment of Major War Criminals, May 3, 1945. *Archives of Foreign Policy of the Russian Federation*, f. 06, op. 7, p. 20, d. 209, l. 1–4. (In Russ.)
4. Kashanina T. V. Legal Technique: Textbook. Moscow: Eksmo, 2007. (In Russ.)
5. Statement by the Soviet Government on the Responsibility of the Nazi Invaders and Their Accomplices for the Atrocities Committed by Them in the Occupied Countries of Europe, October 14, 1942. *Pravda*, October 15, 1942, no. 288. (In Russ.)
6. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of November 2, 1942 No. 160/17 "On the Formation of an Extraordinary State Commission to Establish and Investigate the Atrocities of the Nazi Invaders and Their Accomplices and the Damage Caused by Them to Citizens, Collective Farms, Public Organizations, State Enterprises, and Institutions of the USSR". *Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR*, 1942, no. 40. (In Russ.)
7. Declaration on the Responsibility of the Nazis for the Atrocities Committed, November 1, 1943. *Archives of Foreign Policy of the Russian Federation*, f. 3b, op. 1, p. 19, d. 227. (In Russ.)
8. Trainin A. N.; Vyshinskii A. Ia. (ed.). Criminal Liability of the Nazis. Moscow: Legal Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the USSR, 1944. (In Russ.)

9. Ziniatova M. N., Prokoptseva N. V., Kucher I. R. Expressiveness of Speech as an Essential Feature of the Communicative Culture of Lawyers. *Psychology of Education in a Multicultural Space*, 2021, no. 2 (54). (In Russ.)
10. Ozhegov S. I.; Shvedova N. Iu. (ed.). Dictionary of the Russian Language: 70,000 Words. 21st ed. Moscow: Russkii iazyk, 1989. (In Russ.)
11. Burtseva V. V., Semenova N. M. (eds.). Dictionary of Foreign Words: Over 21,000 Words. 4th ed. Moscow: Russkii iazyk; Media, 2007. (In Russ.)
12. Moskalkova T. N., Chernikov V. V. Rule-Making: A Scientific and Practical Guide. Moscow: Prospekt, 2010. (In Russ.)
13. Baranov V. M., Vlasenko N. A. Metaphors in Law: Methodological Danger and Prospects. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 1 (45). (In Russ.)
14. Shashkova V. N. Expressive Means in a Lawyer's Speech. *Philological Aspect*, 2022, no. 9 (89). (In Russ.)
15. Draft Response of the Soviet Government to the Notes of the British Government on the Establishment of the United Nations Commission on Nazi Crimes of October 3 and October 29, 1942. *Archive of Foreign Policy of the Russian Federation*, f. 06, op. 4, p. 14, d. 137, l. 9–12. (In Russ.)
16. Khabrieva T. Ia., Vlasenko N. A. (eds.). Legal Technique: Tutorial on the Preparation of Bills and Other Regulatory Legal Acts by Executive Bodies. Moscow: Eksmo, 2010. (In Russ.)
17. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1996, no. 25, art. 2954. (In Russ.)
18. Lebedeva N. S. The USSR and the Nuremberg Trials. *Bereginya. 777. Sovo: Society. Politics. Economy*, 2014, no. 4 (23). (In Russ.)
19. Zviagintsev A. G. Nuremberg. Supreme Court. Moscow: Eksmo, 2025. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Н. А. Маслов – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

N. A. Maslov – PhD in Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 28.02.2025; одобрена после рецензирования 11.03.2025; принята к публикации 19.03.2025.

The article was submitted to the editorial office 28.02.2025; approved after reviewing 11.03.2025; accepted for publication 19.03.2025.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-59-69>

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ПРОЕКТА «БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ» В ЧАСТИ ПРИЗНАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НАЦИСТОВ НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ ГЕНОЦИДОМ СОВЕТСКОГО НАРОДА

Светлана Леонидовна Мельникова¹

Дмитрий Евгеньевич Кольцов²

^{1,2} Тульский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 300026, Россия, г. Тула, пр-т Ленина, д. 104

¹ smelnikova71@mail.ru

² dmitry_freiman_koltsow@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена определению исторического, политического и юридического значения судебных решений о признании преступлений, совершенных нацистами и их пособниками на оккупированных территориях России, геноцидом советского народа. Актуальность темы обусловлена необходимостью сохранения исторической памяти о человеконенавистнической политике нацистской Германии, признанной таковой ключевыми международно-правовыми актами. Цель работы – анализ судебных решений, вынесенных в результате реализации проекта «Без срока давности», и определение их значения в контексте 80-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Методологическую основу исследования образуют конкретно-исторический и комплексный подходы, использованы общенаучные и частнонаучные методы познания, включая формально-юридический, сравнительно-правовой, конкретно-социологический и другие методы. Автор приходит к выводу, что вынесение судебных решений о признании нацистских преступлений геноцидом имеет важнейшее историко-правовое значение и играет большую роль в юридическом подтверждении преступлений против человечности и противодействии переписыванию истории.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; историческая память; юридические факты геноцида; преступление; судебный акт.

Для цитирования: Мельникова С. Л., Кольцов Д. Е. Историко-правовое значение федерального проекта «Без срока давности» в части признания преступлений нацистов на оккупированных территориях геноцидом советского народа // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 2. С. 59–69. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-59-69>

Research Article

THE HISTORICAL AND LEGAL SIGNIFICANCE OF THE FEDERAL PROJECT “WITHOUT A STATUTE OF LIMITATIONS” REGARDING THE RECOGNITION OF NAZI CRIMES IN THE OCCUPIED TERRITORIES AS GENOCIDE OF THE SOVIET PEOPLE

Svetlana L. Melnikova¹

Dmitry E. Koltsov²

^{1,2} Tula Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice,
104 Lenin Ave., Tula, 300026, Russia

¹ smelnikova71@mail.ru

² dmitry_freiman_koltsow@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the definition of the historical, political and legal significance of court decisions recognizing the crimes committed by the Nazis and their accomplices in the occupied territories of Russia as genocide of the Soviet people. The relevance of the topic is due to the need to preserve the historical memory of the misanthropic policy of Nazi Germany, recognized as such by key international legal acts. The purpose of the work is to analyze the court decisions rendered as a result of the implementation of the No Statute of Limitations project and to determine their significance in the context of the 80th anniversary of the Victory of the Soviet people in the Great Patriotic War. The methodological basis of the research is formed by concrete historical and integrated approaches, general scientific and private scientific methods of cognition are used, including formal legal, comparative legal, concrete sociological and other methods. The novelty lies in the lack of scientific research on this topic. The author comes to the conclusion that judicial decisions on the recognition of Nazi crimes as genocide have the

most important historical and legal significance and play a major role in the legal confirmation of crimes against humanity and countering the rewriting of history.

Keywords: The Great Patriotic War; historical memory; legal facts of genocide; crime; judicial act.

For citation: Melnikova S. L., Koltsov D. E. The Historical and Legal Significance of the Federal Project “Without a Statute of Limitations” Regarding the Recognition of Nazi Crimes in the Occupied Territories as Genocide of the Soviet People. *Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 2, pp. 59–69. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-59-69>

Введение

Великая Отечественная война, будучи одним из самых значительных событий и одновременно самым масштабным военным конфликтом в мировой истории [1], является объектом повышенного внимания как со стороны ученых, политических и государственных деятелей, так и со стороны всех людей, интересующихся историей. Как справедливо заметил В. А. Томсинов, Великая Победа стала «вторым рождением нашего народа» [2]. Советский народ внес наибольший вклад в разгром нацистской Германии и освобождение Европы, этот факт не подлежит сомнению ни у нас, ни за рубежом [3; 4; 5]. Сохранение исторической памяти о подвиге каждого советского гражданина, о погибших солдатах и мирных жителях – священная обязанность их потомков. В 2023 г. Президент России В. В. Путин подписал Указ «О подготовке и проведении празднования 80-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» [6]. Проведение в 2025 г. столь серьезных мероприятий дает возможность еще раз обратиться к рассмотрению некоторых вопросов, связанных с сохранением исторической памяти о преступлениях, совершенных нацистами и их пособниками на территории нашей страны. С точки зрения правовой науки нас интересует прежде всего установление юридических фактов геноцида советского народа, а также определение значения мероприятий, направленных на противодействие замалчиванию жестоких и откровенно члoвеконенавистнических актов со стороны гитлеровцев.

1. Юридическая природа преступлений против человечества

Преступления против человечности – это особый вид противоправных деяний, изначально предполагавший исключительно международную уголовно-правовую ответственность, что было закреплено в ключевых соглашениях Второй мировой войны по итогам Московской, Ялтинской и Потсдамской конференций, а также в Уставе Международного военного трибунала, решение о создании которого было принято по результатам Лондонской конференции 1945 г. В частности, под юрисдикцию Трибунала согласно ст. 6 Устава попадали следующие преступления против человечества: «убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во вре-

мя войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам в целях осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет» [7].

Для нас среди различных преступлений против человечества в рамках настоящего исследования основной интерес представляет геноцид. Необходимо отметить, что в связи с тем, что официально понятие «геноцид» в 1946 г. еще не закрепились, подсудимые на Нюрнбергском процессе не обвинялись в нем. Тем не менее по смыслу и характеру обвинений можно заключить, что подобного рода деяния вменялись им в вину. Геноцид советского народа и, если брать шире, геноцид всех славянских народов являлся одной из ключевых целей Германии в Великой Отечественной войне.

Основным источником планов нацистов на оккупированных территориях является так называемый Генеральный план Ост, определявший судьбу славянских народов в послевоенный период. Согласно информации из рассекреченных архивов, ставшей достоянием общественности, план был разработан в 1940–1941 гг. Главным управлением имперской безопасности СС под личным контролем Г. Гимmlера. Реализация плана была возложена, помимо Вермахта, СС и коллаборационистских структур, на министерство оккупированных восточных территорий, возглавляемое главным идеологом нацистской партии А. Розенбергом – уроженцем Российской империи и одним из самых страшных предателей своей Родины [8]. Оккупированные территории планировалось заселить немцами, а основную часть коренного населения – депортировать в Западную Сибирь, за пределы так называемой линии «Архангельск – Астрахань». Предполагалось оставить на захваченных землях не более 35% украинцев, 25% белорусов и подвергнуть их онемечиванию [9]. Что касается русских, то их окончательную судьбу определить изначально не смогли. Так, австро-немецкий антрополог и проводник нацистской расовой теории В. Абель предлагал полностью их уничтожить, что, однако, не нашло понимания у заведующего расово-политическим отделом министерства оккупированных восточных территорий Э. Ветцеля, составившего на имя Розенберга служебную записку со своими замечаниями и предложениями к плану Ост [10]. Он предлагал осуществить ряд мероприятий, ведущих к тотальному сокращению рождаемости, включая «ослабление русского народа в расовом отношении» и «подрыв биологической силы народа», что фактически подразумевало все то же уничтожение, только растянутое на более длительный период. В связи с этим можно согласиться с Л. А. Безыменским, который назвал план Ост «планом ликвидации славянства в России» [11].

Действительно, геноцид, по нашему мнению, следует рассматривать не только в качестве физического уничтожения целых народностей, но также и в качестве их социального, духовного и психологического уничтожения. Генеральный план Ост, согласно извращенной нацистами формальной юридической логике, – это ряд официальных нормативных актов и неофициальных договоренностей, писем, замечаний и указаний, имевших в том числе назначение легализовать массовые убийства и издевательства над самым многочисленным европейским народом. Благодаря

скрупулезной работе советских юристов во время Нюрнбергского процесса были представлены письменные доказательства, материалы киносъемки, личные свидетельства преступлений нацистов, что оказало ключевое влияние на решение Международного трибунала.

Что касается установления юридической ответственности за геноцид после завершения Нюрнбергского процесса, то официальный правовой статус термин «геноцид» получил только в 1948 г. В ст. 2 Конвенции о предупреждении и наказании геноцида под геноцидом понимаются «действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую» [12]. В ныне действующем Уголовном кодексе РФ норма ответственности за геноцид (ст. 357) появилась вследствие исполнения обязательства по приведению национального законодательства в соответствие с положениями ст. 5 Конвенции [13].

Тем не менее достаточно долго оставался нерешенным вопрос о привлечении к ответственности за геноцид нацистов и их пособников, сумевших избежать наказания после окончания Великой Отечественной войны. Юридическая давность формально позволяла им оставаться на свободе, что порождало дискуссии о справедливости такого подхода. Поэтому в середине 1960-х гг. в советском праве был сформулирован принцип неприменимости сроков давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества, оформленный в виде указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 марта 1965 г. № 3332-VI [14]. В международном праве данный принцип был установлен лишь три года спустя и впоследствии имплементирован в уголовное законодательство Албании, Германии, Болгарии, Венгрии, Испании, Монголии, Польши и других государств.

2. Судебная практика по делам о признании преступлений нацистов и их пособников геноцидом советского народа

После распада Советского Союза в Российской Федерации начали работу многочисленные поисковые отряды, ставившие задачи найти информацию о преступлениях нацистов на оккупированных территориях и добиться привлечения их к уголовной ответственности в соответствии с международным и национальным правом. В 2018 г. Поисковым движением России был инициирован федеральный проект «Без срока давности», получивший поддержку Правительства Российской Федерации и Президента РФ В. В. Путина [15]. Основная цель проекта – сохранение исторической памяти о трагедии мирного населения СССР – жертв военных преступлений нацистов и их пособников в период Великой Отечественной войны. С этой целью участники проекта активно сотрудничают с Генеральной прокуратурой РФ и Следственным комитетом РФ, добиваются рассекречивания архивов времен войны, создают мемориалы на местах массовых захоронений убитых, выпускают памятные книги как федерального, так и регионального уровня, повествующие о геноциде мирного населения на оккупированных территориях с большим массивом доказательной базы.

Особняком стоит реализация проекта в правовом поле. Уже несколько лет идет работа по признанию преступлений нацистов и их пособников геноцидом советс-

кого народа путем вынесения соответствующих судебных решений. Стоит отметить, что такие судебные решения устанавливают факты, имеющие юридическое значение, в рамках гражданского судопроизводства, что предусмотрено ст. 264 Гражданского процессуального кодекса РФ [16] (далее – ГПК РФ), а потому не имеют непосредственной цели добиться наказания для каких-либо лиц несмотря на то, что эти лица могут быть известны и даже живы на момент судебного разбирательства, однако в силу определенных причин не могут быть привлечены к ответственности за совершенные преступления. Наиболее распространенной причиной невозможности привлечения к уголовной ответственности таких лиц является их нахождение за пределами Российской Федерации, в основном – на территории Соединенных Штатов Америки, Канады, Германии и др. Помимо этого, признание геноцида как факта, имеющего юридическое значение, необходимо не только для восстановления исторической справедливости, что, безусловно, очень важно, особенно в эпоху тотального переписывания истории на Западе, но и для предоставления жертвам и (или) их потомкам определенных юридических прав, включая право на компенсацию от государства-агрессора. Таким образом, благодаря факту, установленному компетентным судом, гражданин России обладает правом с помощью Генеральной прокуратуры РФ обратиться с иском к правительствам Германии, Румынии, Латвии, Литвы и др., чтобы добиться от них признания вины за преступления, совершенные их гражданами в годы Великой Отечественной войны. Признание вины же в таком случае будет заключаться в согласии выплатить определенную денежную компенсацию. Кроме того, установление подобного рода фактов позволяет родственникам погибших в полной мере реализовать свои права и интересы, предусмотренные Законом Российской Федерации «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества», в том числе, на соблюдение особого порядка захоронения погибших, создание, сохранение и благоустройство мест их погребения, установку мемориальных сооружений и объектов, занесение их имен в книги Памяти и списки личного состава воинских частей [17]. Во многом на вышеперечисленном строилась позиция прокуроров при обращении в суды с соответствующими заявлениями.

Впервые в истории современной России решение об установлении факта, имеющего юридическое значение, – геноцида советского народа на оккупированных территориях – было вынесеноSOLEЦКИМ районным судом Новгородской области в 2020 г. [18]. Прокурор Новгородской области, руководствуясь ст. 45 ГПК РФ и действуя по поручению Генерального прокурора РФ И. В. Краснова, обратился в суд с заявлением в интересах Российской Федерации и неопределенного круга лиц – родственников мирных жителей, погибших в результате преступных действий оккупантов. Доказательная база, собранная совместными усилиями прокуратуры Новгородской области и волонтеров в рамках проекта «Без срока давности», убедила суд в обоснованности заявленного требования. В результате разбирательства, совершенные нацистами в 1942–1943 гг. убийства 2600 человек в д. Жестяная Горка Новгородской (тогда – Ленинградской) области признаны преступлениями против человечества, геноцидом национальных, этнических и расовых групп.

РешениеSOLEЦКОГО районного суда стало своего рода прецедентом. Если ранее по ст. 264 УПК РФ суды в основном выносили решения об установлении факта

заключения или расторжения брака, установления отцовства, усыновления (удочерения) и пр., т.е. объективно расположенных в гражданско-правовой плоскости, то с 2020 г. судебная практика стала пополняться совершенно новым видом решений: установлением фактов совершения преступлений против человечества – уголовно-наказуемых деяний – в рамках гражданского судопроизводства.

По состоянию на январь 2025 г. в 28 субъектах Российской Федерации было вынесено 26 судебных решений о признании преступлений нацистов на оккупированных территориях геноцидом советского народа. Число безвинно замученных мирных жителей достигает нескольких миллионов человек, сотни тысяч были угнаны на принудительные работы в Германию (так называемые оstarбайтеры, по своему назначению и положению – бесправные рабы, принужденные жить и трудиться в тяжелейших условиях с минимальными шансами на выживание), тысячи населенных пунктов были полностью уничтожены, общая сумма ущерба, причиненного только этим регионам, превышает 160 трлн руб.

Отдельно хотелось бы остановиться на примере Тульской области, которую к концу осени 1941 г. захватчики оккупировали практически полностью (39 районов), за исключением только областного центра. Жители Тулы, окруженные почти со всех сторон, героически отстояли свой город, имевший тогда и имеющий сейчас стратегическое значение для отечественной оборонной промышленности, сковали две немецкие передовые армии, лишили врага инициативы и создали условия для контрнаступления. Однако на той части региона, что первоначально не выдержала натиска противника, нацисты решили в полном объеме продемонстрировать свою жестокость и бесчеловечность. Так, активистами проекта «Без срока давности» совместно с прокуратурой Тульской области и администрацией Плавского района Тульской области было установлено, что осенью 1941 г. в г. Плавске в Храме Сергия Радонежского был устроен лагерь для военнопленных и мирных жителей (включая детей), отказавшихся подчиняться преступным приказам оккупантов. Их морили голодом, содержали в условиях полной антисанитарии, расстреливали по любому удобному поводу. В результате из пяти тысяч человек, содержавшихся в этом «лагере», выжило только 840 человек. Этот эпизод, а также множество других подобных эпизодов были собраны прокуратурой Тульской области в единое дело, которое затем было передано прокурором Тульской области в Тульский областной суд вместе с заявлением в интересах граждан Российской Федерации – жителей Тульской области, переживших немецкую оккупацию, и их потомков. 11 сентября 2024 г. Тульский областной суд в присутствии родственников погибших и врио Губернатора Тульской области Д. В. Милеева вынес решение о признании действий немецко-фашистских захватчиков на территории региона в период оккупации геноцидом народов СССР, а также частью плана по изгнанию и истреблению местного населения для дальнейшей колонизации немцами. Судом было установлено, что всего за время оккупации (октябрь – декабрь 1941 г.) на территории Тульской области погибло не менее 15 тысяч мирных жителей [19].

Еще несколько дел о признании преступлений нацистов геноцидом в настоящее время находится на рассмотрении в судах различных субъектов РФ [20]. Органы прокуратуры России совместно с активистами проекта «Без срока давности»

продолжают собирать доказательства для передачи их в суды, в том числе в регионах, где подобные решения еще не выносились.

Следует отметить, что проект «Без срока давности» в последние годы вышел за пределы территории Российской Федерации. Проект реализуется также в Республике Беларусь, где Верховный Суд вынес уже два решения по уголовным делам о геноциде с привлечением к ответственности коллаборационистов, сотрудничавших с оккупантами в годы Великой Отечественной войны.

Заключение

Таким образом, реализация федерального проекта «Без срока давности» обеспечивается не только усилиями неравнодушных граждан – волонтеров и поисковиков, но и планомерной работой органов государственной власти. Судебные решения о признании преступлений нацистов и их пособников на оккупированных территориях геноцидом советского народа имеют назначение не только сухого установления юридических фактов. В условиях, когда Россия вынуждена вести специальную военную операцию на Украине против возродившегося нацизма, судебная власть и прокуратура выступают в качестве юридических защитников итогов Великой Отечественной войны и Международного трибунала в г. Нюрнберге. В этом качестве участником проекта «Без срока давности» является каждый следователь, прокурор и судья.

В контексте вышесказанного особенно показательны события 27 января 2025 г. в 80-ю годовщину освобождения крупнейшего нацистского концлагеря и лагеря смерти Освенцим (Аушвиц-Биркенау). На памятные мероприятия в Польшу не были приглашены лидеры России и Израиля – народа освободившего и народа освобожденного. В отношении них так называемый Международный уголовный суд, юрисдикцию которого не признает большинство суверенных государств, включая Россию, выдал «ордеры» на арест.

Политика двойных стандартов, откровенное недовольство итогами Второй мировой войны, переписывание истории, русофобия среди западных элит послужили толчком к активизации работы поисковых отрядов и государственных органов нашей страны, чтобы в том числе в рамках проекта «Без срока давности» добиваться установления исторической и, что особенно важно, юридической справедливости.

Пристатейный библиографический список

1. *Ильинский И. М.* Российский народ – это народ-победитель // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 2.
2. *Томсинов В. А.* Великая Отечественная война (1941–1945): что это было? // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2010. № 3.
3. *Митяева О. И.* Пусть помнит мир спасенный. Из истории Великой Отечественной войны // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2020. № 2.
4. История Второй мировой войны 1939–1945 гг. : в 12 т. Т. 12 / редкол., гл. ред. А. А. Гречко. М. : Воениздат, 1982.

5. *Хейстингс М.* Вторая мировая война: Ад на земле. М. : Альпина нон-фикшн, 2015.
6. Указ Президента РФ от 31 июля 2023 г. № 568 «О подготовке и проведении празднования 80-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Устав Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси от 8 августа 1945 г. // СПС «Кодекс».
8. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками : сборник материалов : в 3 т. Т. 2 / под общ. ред. Р. А. Руденко. М. : Юрид. лит., 1965–1966.
9. «Совершенно секретно! Только для командования!»: Стратегия фашистской Германии в войне против СССР : документы и материалы / сост. В. И. Дашичев ; под ред. Н. Г. Павленко. М. : Наука, 1967.
10. Замечания и предложения «Восточного министерства» по генеральному плану Ост // Военно-исторический журнал. 1965. № 1.
11. *Безыменский Л. А.* Германские генералы – с Гитлером и без него. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Мысль, 1964.
12. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 г.) // СПС «Гарант».
13. *Вержбицкий Ю. Ю.* Имплементация норм международного уголовного права об ответственности за геноцид во внутреннее законодательство СССР, РСФСР и Российской Федерации // Наука. Общество. Оборона. 2024. № 4 (41).
14. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 марта 1965 г. № 3332-VI «О наказании лиц, виновных в преступлениях против мира и человечности и военных преступлениях, независимо от времени совершения преступлений» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1965. № 39. Ст. 596.
15. Участникам Международного научно-практического форума «Без срока давности. Ключевая точка исторической памяти» // Президент России : сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/letters/75625> (дата обращения: 16.02.2025).
16. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 28 декабря 2024 г., с изм. от 16 января 2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
17. Закон РФ от 14 января 1993 г. № 4292-I (ред. от 9 ноября 2024 г.) «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» // СПС «КонсультантПлюс».
18. РешениеSOLEЦКОГО районного суда Новгородской области от 27 октября 2020 г. по делу № 2-582/2020 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/60fb43gcbvbW/?ysclid=m6qsb4889m322000396> (дата обращения: 16.02.2025).
19. Суд признал геноцидом действия фашистов в Тульской области // РИА Новости : сайт. URL: <https://ria.ru/20240911/genotsid-1972031718.html> (дата обращения: 16.02.2025).
20. В России 26 судов признали геноцидом действия фашистов в годы оккупации СССР // Российская газета : сайт. URL: <https://rg.ru/2025/01/23/v-rossii-26-su>

dov-priznali-genocidom-dejstvij-fashistov-v-gody-okkupacii-sssr.html (дата обращения: 16.02.2025).

References

1. Ilyinskii I. M. The Russian People Are a Victorious People. *Knowledge. Understanding. Skill*, 2015, no. 2. (In Russ.)
2. Tomsinov V. A. The Great Patriotic War (1941–1945): What Was It? *Bulletin of Moscow University. Series 11. Law*, 2010, no. 3. (In Russ.)
3. Mitiaeva O. I. Let the Saved World Remember. From the History of the Great Patriotic War. *Bulletin of Moscow University. Series 12. Political Sciences*, 2020, no. 2. (In Russ.)
4. Grechko A. A. (ed.). History of World War II 1939–1945. In 12 vols. Vol. 12. Moscow: Voenizdat, 1982. (In Russ.)
5. Hastings M. World War II: Hell on Earth. Moscow: Alpina non-fiction, 2015. (In Russ.)
6. Decree of the President of the Russian Federation of July 31, 2023 No. 568 “On the Preparation and Holding of the Celebration of the 80th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945” (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)
7. Charter of the International Military Tribunal for the Trial and Punishment of Major War Criminals of the European Axis Countries of August 8, 1945 (SPS “Code”). (In Russ.)
8. Rudenko R. A. (ed.). Nuremberg Trials of Major German War Criminals: Collection of Materials. In 3 vols. Vol. 2. Moscow: Iuridicheskaja literatura, 1965–1966. (In Russ.)
9. Dashichev V. I. (comp.); Pavlenko N. G. (ed.). “Top Secret! For Command Only!”: The Strategy of Nazi Germany in the War Against the USSR: Documents and Materials. Moscow: Nauka, 1967. (In Russ.)
10. Comments and Proposals of the “Eastern Ministry” on the General Plan Ost. *Military History Journal*, 1965, no. 1. (In Russ.)
11. Bezymenskii L. A. German Generals – With and Without Hitler. 2nd ed. Moscow: Mysl, 1964. (In Russ.)
12. Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (adopted by Resolution 260 (III) of the UN General Assembly of December 9, 1948) (SPS “Garant”). (In Russ.)
13. Verzhbitskii Iu. Iu. Implementation of the Norms of International Criminal Law on Responsibility for Genocide in the Domestic Legislation of the Ussr, the RSFSR and the Russian Federation. *Science. Society. Defense*, 2024, no. 4 (41). (In Russ.)
14. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of March 4, 1965 No. 3332-VI “On the Punishment of Persons Guilty of Crimes Against Peace and Humanity and War Crimes, Regardless of the Time of the Commission of the Crimes”. *Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR*, 1965, no. 39, art. 596. (In Russ.)
15. To the Participants of the International Scientific and Practical Forum “No Statute of Limitations. A Key Point of Historical Memory”. URL: <http://kremlin.ru/events/president/letters/75625> (date of the application: 16.02.2025). (In Russ.)
16. Civil Procedural Code of the Russian Federation of November 14, 2002 No. 138-FZ (as amended on December 28, 2024) (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

17. Law of the Russian Federation of January 14, 1993 No. 4292-I (as amended on November 9, 2024) "On Perpetuating the Memory of Those Killed in the Defense of the Fatherland" (SPS "ConsultantPlus").

18. Decision of the Soletsky District Court of the Novgorod Region of October 27, 2020 in case No. 2-582/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/60fb43gcbvbW/?ysclid=m6qsb4889m322000396> (date of the application: 16.02.2025).

19. The court recognized the actions of the fascists in the Tula region as genocide. URL: <https://ria.ru/20240911/genotsid-1972031718.html> (date of the application: 16.02.2025).

20. In Russia, 26 courts recognized the actions of the fascists during the occupation of the USSR as genocide. URL: <https://rg.ru/2025/01/23/v-rossii-26-sudov-priznali-genocidom-dejstvij-fashistov-v-gody-okkupacii-sssr.html> (date of the application: 16.02.2025).

Сведения об авторах:

С. Л. Мельникова – кандидат юридических наук, доцент.

Д. Е. Кольцов – студент 1-го курса магистратуры.

Information about the authors:

S. L. Melnikova – PhD in Law, Associate Professor.

D. E. Koltsov – First-Year Master's Student.

Статья поступила в редакцию 12.02.2025; одобрена после рецензирования 14.03.2025; принята к публикации 19.03.2025.

The article was submitted to the editorial office 12.02.2025; approved after reviewing 14.03.2025; accepted for publication 19.03.2025.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-70-79>

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ И ИТОГОВ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Павел Владиславович Никитин

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

nikitinP2007@yandex.ru

Аннотация

В настоящее время наблюдается возобновление фальсификаций и искажений, связанных с началом Второй мировой войны и ходом всей Великой Отечественной войны. В работе раскрываются два основных способа фальсификации – дезинформация и инсинуация. В исследовании применялись системный и историко-правовой подходы. В ходе работы автор приходит к выводу, что целью фальсификации как одного из элементов психологической войны является оказание влияния на молодое поколение, чье представление об исторических событиях и современных процессах в России XX в. хрупко и подвержено манипуляциям.

Ключевые слова: фальсификация истории; психологическая война; дезинформация; инсинуация; Вторая мировая война; Великая Отечественная война.

Для цитирования: *Никитин П. В.* Фальсификация истории и итогов Второй мировой войны как элемент психологической войны против Российской Федерации // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 2. С. 70–79. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-70-79>

Research Article

FALSIFICATION OF HISTORY, RESULTS AND AFTERMATH OF WORLD WAR II AS AN ELEMENT OF PSYCHOLOGICAL WARFARE AGAINST THE RUSSIAN FEDERATION

Pavel V. Nikitin

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow,
117638, Russia
nikitinP2007@yandex.ru

Abstract

At present, there is a resurgence of falsifications and distortions about the beginning of World War II and the history of the Great Patriotic War. The article reveals two main methods of falsification – disinformation and insinuation. The research applied systemic and historical-legal approaches. In the process of work, the author comes to the conclusion that the purpose of falsification as one of the elements of psychological warfare, is to influence the younger generation, whose perception of historical events and contemporary issues in Russia of the 20th century is fragile and susceptible to manipulation.

Keywords: falsification of history; psychological warfare; disinformation; insinuation; World War II; Great Patriotic War.

For citation: Nikitin P. V. Falsification of History, Results and Aftermath of World War II as an Element of Psychological Warfare Against the Russian Federation. *Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 2, pp. 70–79. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-70-79>

Введение

По прошествии 80 лет после окончания Великой Отечественной и Второй мировой войн значение уроков истории становится все более очевидным. Необходимо, чтобы молодое поколение современной России осознало и сохранило героическое наследие своей страны, народа, оставалось бдительным перед внешними угрозами. Молодежь должна осмыслить события и жертвы, принесенные во время войны, чтобы обеспечить защиту своей земли. Это особенно важно сейчас, потому что политики коллективного запада и противники России манипулируют и искажают исторические факты в угоду собственной повестке дня, подрывая национальную идентичность и суверенитет нашей Родины.

История не терпит предвзятости, она тесно переплетается с нашей жизнью, формирует наше мировоззрение и составляет основу коллективной гордости за то, что мы – россияне. Анализ событий восьмидесятилетней давности и их сопоставление с современностью позволяет нам понять закономерности и побуждает нынешние поколения помнить о прошлом и не повторять ошибки.

Ключевые уроки, извлеченные из крупнейшего вооруженного конфликта в истории человечества, имеют значение и для нашей эпохи. Не способность противостоять психологической войне грозит предать память своего рода и нарушить военное равновесие в мире.

Фальсификация истории открывает широкий спектр идеологических возможностей для дестабилизации политической системы государства. Исследователи подчеркивают разрушительный потенциал искаженной истории. Согласно В. Г. Кикнадзе искажения истории представляет собой неверные интерпретации событий и явлений прошлого, значимость которых определяется развитием внутренней и внешней политики России, их влиянием на безопасность страны, их воздействием на реализацию национальных интересов [1, с. 11]. Слова известного русского историка М. Н. Покровского «история – это политика, обращенная в прошлое» как никогда становятся актуальными для современной России. Начиная еще с эпохи «холодной войны» в Западных странах, а также на постсоветском пространстве в умах некоторых историков история стала восприниматься как инструмент психологической войны. История стала объектом идеологического воздействия и механизмом влияния на молодежное сознание через фальсификацию и подмену исторических фактов, что в конечном итоге привело к дискредитации всей исторической науки в нашей стране.

1. Дезинформация и инсинуация как основные способы фальсификации истории

В современном мире наряду с экономическими и политическими аспектами состояние и качество общественного сознания людей стали важным полем конкуренции между государствами. Общественное сознание, включая историческую память, перестало быть фигурой речи и стало конкретным объектом влияния. Чтобы подорвать историческое сознание, необходимо представить историю как набор несвязанных эпизодов, что делает ее фрагментарной. В результате в общественном сознании не может сложиться целостная картина того или иного исторического явления. Это приводит к росту взаимного недопонимания между поколениями и, как следствие, к трагедии забвения. Целенаправленное развитие исторического забвения лишает народ возможности ориентироваться в настоящем, терять надежду на будущее и превращает его в инструмент для достижения самых низменных целей, в том числе тех, что противоречат основным интересам человечества.

Манипуляция сознанием является формой контроля людей, давая возможность создавать клише, выгодные для определенных групп людей. В соответствии с основами психологической войны можно трансформировать жизненные установки людей в нужное русло через активное изменение восприятия отдельных фактов.

Психологический аспект духовного насилия над отдельным человеком, группой лиц или всего общества ориентирован на фальсифицирование информации

о происходящем таким образом, чтобы, не взирая на ее недостоверность, население относилось к ней как подлинной и действовало в соответствии с ней.

В работе Д. А. Волкогонова «Психологическая война: подрывные действия империализма в области общественного сознания» выделяется три уровня подобного воздействия. Первый уровень – усиление существующих в сознании людей нужных установок, идеалов, ценностей, норм. Закрепление этих элементов сознания в мировоззрении и жизненных установках. Второй уровень связан с частными, малыми изменениями взглядов на то или иное событие, процесс, факт, что также оказывает воздействие на политическую позицию и эмоциональное отношение к конкретному явлению. Третий уровень – коренное, кардинальное изменение ценностей и убеждений человека, достигаемое за счет подачи эмоционально насыщенной и новой информации и данных [2, с. 113].

Считается, что для глубоких перемен во взглядах отдельно взятого человека, социальной группы или общества необходим длительный комплексный эффект от всех трех уровней воздействия.

Частью распространенных элементов психологической войны являются дезинформация и инсинуация, которые систематически распространяются, чтобы ввести людей в заблуждение. Дезинформация может принимать различные формы. Она может включать в себя получение ложных выводов, основанных на точных данных, стереотипы, нарушение логической связи между фактами. Эти приемы дезинформации часто используются в современных антироссийских публикациях и призваны навязать читателям искаженное и ложное представление о реальности.

Что касается инсинуации, то, как отмечает Н. И. Кондаков, она представляет собой «клевету, преднамеренное злостное измышление с целью опорочить кого-либо» [3, с. 202]. В отличие от прямой клеветы инсинуация подразумевает намек или смешение клеветы с правдой, что отражает значение латинского слова *«insinuatіo»* (вкрадчивость). Согласно более старому (дореволюционному) определению инсинуация – это «способ выражения, который внушает что-либо мягко и незаметно, чтобы избежать недовольства слушателей» [4, с. 228].

Однако к современной антироссийской прессе это определение не совсем применимо, сейчас применяется другое определение этого явления «хайли лайкли». Этот термин используется для описания ситуации, когда доказательства достаточно весомы, чтобы сделать вывод или принять решение, но при этом остается место для сомнений или неопределенности.

Успех стратегий дезинформации и инсинуации подпитывается естественным любопытством людей к историческим событиям прошлого. Стремительное развитие информационных технологий расширило возможности применения методов дезинформации и инсинуации как средств информационно-психологического воздействия на пользователей. В Интернете и в других средствах массовой информации распространяется большое количество видеоматериалов и другого визуального контента, касающихся событий Второй мировой войны и политики СССР в период Великой Отечественной войны, представленных как вновь открывшиеся обстоятельства и факты, которые якобы были скрыты и держались в секрете до сих пор. Это явление подтверждается появлением продвинутых языковых мо-

делей ИИ и поисковых систем, управляемых ИИ. Эти интеллектуальные помощники часто предоставляют неточные факты в своих ответах на исторические запросы, создавая искаженное восприятие российской истории. Неопытному читателю, не имеющему солидной исторической подготовки, эти материалы легко принять за революционные открытия, несмотря на то, что они, скорее всего, вводят в заблуждение или подтасовывают факты.

В наш обиход вошли новые понятия «фейк» и «фейк ньюс». Широкое использование термина «фейк», происходящего от английского слова *fake*, подчеркивает распространенность недостоверной информации. По своим целям фейки делятся на несколько категорий: развлекательные, мошеннические, дискредитирующие (человека или организацию), эпатирующие (повышение узнаваемости автора или платформы) и манипулятивные (формирующие общественное мнение) [5, с. 64–67; 6, с. 19; 7, с. 101–112].

Из этих групп наиболее опасными для государства являются манипулятивные фейки, поскольку они распространяют субъективную, недостоверную, а зачастую и антиобщественную информацию, активно пропагандирующую деструктивные идеи и ценности.

В новом тысячелетии западные идеологические центры активизировали свои усилия по искажению исторических фактов с помощью предвзятых нарративов. Фальсификация истории не ограничивается короткими ложными новостными сообщениями или масштабными «научными» исследованиями; она также встречается в развлекательном и игровом контенте. Главной мишенью здесь являются наиболее уязвимые слои общества: дети и молодежь, поскольку они больше подвержены заблуждениям. Здесь фальсификация исторических фактов направлена на формирование искаженного взгляда на значимые исторические события и укрепление необоснованных негативных представлений о своей стране и других мировых держав.

По мнению Председателя Следственного комитета РФ А. И. Бастрыкина, некоторые зарубежные фильмы и компьютерные игры можно рассматривать как форму пропаганды, поскольку они активно стремятся представить Россию в негативном свете. Сюжетные линии этих произведений могут быть направлены на то, чтобы посеять семена конфликта и противостояния [8]. Их цель – создать версию событий, более благоприятную для власти имущих, тем самым укрепляя их власть и препятствуя появлению независимого мышления и критического анализа.

2. Основные направления искажения истории Второй мировой и Великой Отечественной войн

В настоящее время элементы психологической войны применяются в отношении истории Второй мировой войны, в частности, к попыткам вклада Советского Союза в победу над фашизмом и ключевым событиям войны. Например, американский историк У. Керр в произведении «Секрет Сталинграда» стремился преуменьшить роль Восточного фронта, предполагая, что Сталинградская битва не была решающей в определении исхода войны. Придерживаясь подобных точек зрения, западные, а также некоторые отечественные пропагандисты стремятся внедрить в сознание молодого поколения циничное отношение к историческим ценностям, а также популяризировать релятивизм.

Искажающие исторические факты западноевропейские идеологи и специалисты по психологической войне активно пытаются манипулировать общественным восприятием причин Второй мировой войны, пытаясь оправдать истинных виновников и инициаторов конфликта, возложить на СССР ответственность за развязывание войны, представить его агрессором и, в конечном счете, дискредитировать всемирно-исторические достижения СССР в годы Великой Отечественной войны. Это не вызывает сомнений, поскольку идеологическая манипуляция направлена на создание нарратива виктимности и агрессии. Западногерманские эксперты еще в 80-е гг. годы прошлого века в сборнике «Мировая война. Причины и повод» утверждали, что «сегодняшняя угроза, исходящая с Востока, также стояла перед Гитлером, и он был вынужден на нее реагировать. Война против России была для него необходимостью» [2, с. 66].

Вышеописанная идея – не исключение, а уже правило, среди политиков, которые сегодня представляют современную Россию в качестве угрозы, чтобы посеять страх и тревогу среди общественности, а также утвердить свое господство на мировой арене. Такая тактика не только неэтична, но и опасна, поскольку способствует увековечиванию конфликта, вместо того чтобы работать над мирным урегулированием.

В годы, предшествовавшие началу войны, Советский Союз прилагал значительные усилия в попытке воспрепятствовать продвижению фашистских агрессоров и выстроить общую систему безопасности. Но европейская «политика умиротворения» поставила во главу угла уступки агрессору, а не твердое сопротивление.

Богатые и влиятельные круги западных стран, руководствуясь корыстными интересами и страхом перед коммунизмом, считали, что передача Чехословакии, Польши и других стран фашистским державам, таким как Германия и Италия, поможет защитить их от возможных нападений. Этот шаг был призван продемонстрировать солидарность с фашистами, несмотря на морально-этические последствия принятых решений. Иными словами, Запад стремился спасти себя ценой отказа от своих союзников, тем самым делая себя соучастником агрессии, осуществляемой против Советского Союза. Согласно разговору, состоявшемуся между лордом Галифаксом и Гитлером в ноябре 1937 г., «Германия может считаться оплотом Запада против большевизма» [9, с. 16].

Вышеописанная политика, казавшаяся способом поддержания мира в краткосрочной перспективе, в конечном счете привела к опасным последствиям. Недооценивая истинные амбиции немецкого фашизма, Европа не смогла осознать, что целью Гитлера было не только уничтожение коммунизма, но и достижение мирового господства и превосходства над своими империалистическими соперниками. Эта политика не только представляла угрозу для СССР и небольших европейских государств, но и подвергала риску Францию и Великобританию, поскольку они невольно усиливали опасную и дестабилизирующую силу.

Западные страны считают особенно щекотливой тему собственной вины в провоцировании агрессии Германии. Как итог, они предприняли усилия по сокрытию прошлых ошибок путем внедрения преобладающего нарратива, который стал восприниматься в обществе как «истина». Теперь, пакт Молотова-Риббентропа превращается в заговор между Гитлером и Советским Союзом. И это нашло свое

выражение в резолюции Европарламента от 19 сентября 2019 г. «О важности европейской памяти для будущего Европы» [10]. Тем не менее Мюнхенское соглашение, которое действительно подготовило почву для войны, удобно упускается из виду. Это еще раз подчеркивает неэффективную идеологическую работу современной России, возможно, продиктованную нежеланием расстроить европейский истеблишмент.

Отсюда плавно вытекает вывод, что необходимо привлекать к ответственности тех, кто стремится фальсифицировать историю. Сохраняя и точно интерпретируя нашу историю, мы сможем лучше понять настоящее и избежать повторения ошибок или стать жертвой ложных представлений, которые приведут к вражде между народами.

Еще одним объектом фальсификации истории Великой Отечественной войны является роль Красной Армии в освобождении Европы от нацистской заразы.

В западных странах преобладает мнение, что вступление Красной Армии в Восточную Европу лишь сменило одну форму оккупации – нацизм на другую – советскую власть. При значительном государственном финансировании и помощи зарубежных грантов для поддержания этого мифа были развернуты масштабные кампании по сбору и распространению информации на следующие темы: российская «оккупация» сопредельных стран, обвинения в «геноциде» национальных меньшинств, и населения «оккупированных территорий». Полученные в результате нарративы затем включаются в школьные учебники истории, лекционные курсы и учебные программы университетов и институтов. К инструментам ревизии еще можно отнести «музеи оккупации», «институты национальной памяти» и исследовательские центры.

В странах Балтии – Литве, Латвии и Эстонии – интерпретация истории ведется в сугубо антироссийском ключе, направленном на дискредитацию современной России и подготовку почвы для моральных, территориальных и финансово-имущественных претензий к нашей стране, о чем они неоднократно высказываются. Психологическая война включает в себя снос памятников и мемориальных захоронений советских воинов-освободителей, осквернение их памяти, поощрение организаций неонацистских маршей, уравнивание в правах ветеранов-антифашистов и различного рода «легионеров СС» [11, с. 3–7].

Что касается других европейских стран и их вклада в фальсификацию истории, то различные учреждения в Польше, Словакии, Румынии, Чехии, Украине также выступают в качестве авторов современной истории и «судей» итогов Второй мировой войны. Все эти материалы содержат преднамеренную предвзятость, дезинформацию и искаженные интерпретации исторических событий, которые явно продиктованы политическими и идеологическими целями.

Однако, хотя эти измышления могут иметь серьезные последствия для международного положения страны, их влияние на национальную идентичность может быть еще более глубоким. Ревизионистская попытка преуменьшить значение этого важнейшего исторического момента с целью подрыва национальной идентичности не только русских, но и других народов из распавшегося СССР, а также с целью формирования вины за развязывание кровопролитной войны.

Западный подход часто изображает фашизм как случайное явление для европейской цивилизации. Однако стоит принять во внимание, что фашизм возник как прямой результат неспособности западной цивилизации разрешить внутренние разногласия альтернативными средствами.

Неоспоримым доказательством того, что фашизм имеет подлинные корни в западной цивилизации, может служить возникновение фашистских диктатур в 1930-е гг. по всей Европе, причем не только в Германии и Италии, но и почти во всех других европейских странах.

Заключение

Стоит признать, что пропагандистская машина Запада вышла далеко за рамки фундаментальных «исследований». Сегодня они пытаются активно распространять фальсифицированные события среди широкой аудитории через различные средства массовой информации, такие как книги и телевидение, и через онлайн-платформы, чтобы привить молодому поколению неправильное мировоззрение, разжечь чувство мести и национальной вражды.

Сетовать на попытки западных политиков и СМИ исказить историю в конечном итоге непродуктивно, гораздо важнее признать собственные промахи в области идеологической работы, проделанной за последние десятилетия.

Одной защиты недостаточно. Чтобы добиться успеха в борьбе с дезинформацией и инсинуациями в отношении истории Второй мировой и Великой Отечественной войн, идеологическая работа должна быть проактивной. Единственным эффективным сдерживающим фактором против идеологического агрессора является угроза сильного и напористого ответа. Однако современные контрпропагандистские усилия ограничиваются реактивными оправданиями и защитой от обвинений. Это привело к тому, что западная пропаганда объединила Гитлера и Сталина, Германию и СССР, как общего агрессора, создав единый нарратив общей ответственности за развязывание войны. Этот нарратив подрывает истинный исторический контекст, и его необходимо активно опровергать.

Прогноз Э. Тоффлера о гибели цивилизации из-за неспособности управлять подавляющим объемом информации и легкости манипулирования общественным сознанием подчеркивает важность разработки защитных мер [12]. Для решения этой задачи необходимы как правовые аспекты информационной безопасности, так и образовательный процесс, направленный на воспитание рефлексивной личности, способной отличать истинное знание от ложного и эффективно раскрывать вводящие в заблуждение факты.

Прежде всего необходимо разработать комплексную образовательную программу, направленную на обучение критическому мышлению и исторической грамотности. Использование различных ресурсов – от учебных материалов до компьютерных игр – имеет решающее значение для развития исторического образования. Необходимо также внедрить технические меры по выявлению и блокированию фейковых новостей в информационном пространстве. Кроме того, для повышения эффективности информационной работы с населением крайне важна разработка теоретических основ, позволяющих понять суть исторической фальсификации как инструмента психологической войны.

Возможные решения по борьбе с фальсификацией знаний включают создание военно-исторических обществ и клубов при учебных заведениях. Для этого необходимо обратиться к опыту Советского Союза, когда в школах создавались музеи победы, которые содержали в себе информацию о героических страницах того или иного воинского подразделения. Кроме того, стоит сосредоточиться на продвижении патриотического контента в Интернете, создании документальных и художественных фильмов, основанных на точном отражении событий Второй мировой и Великой Отечественной войн, а для этого необходимо, чтобы к работе над ними привлекались профессиональные историки-консультанты.

Решающее значение для удержания молодого поколения у экранов телевизоров, компьютеров или телефонов имеет использование современных технологий в кинопроизводстве. Выполнение этих условий будет способствовать формированию у подрастающего поколения правильного понимания исторической правды, воспитанию чувства гордости за свой народ и Родину.

Предложенные меры, на наш взгляд, являются необходимыми для выживания Российской Федерации в нынешнюю эпоху информационных атак, в условиях продолжающейся «корректировки» истории, направленной на уничтожение прошлого и исторических воспоминаний, а, следовательно, и будущего. Это имеет особое значение для нашей страны, где в настоящее время предпринимаются усилия по созданию объединяющей концепции, которая объединит людей на основе не только национальной принадлежности и религиозных убеждений. Достичь единства, не признавая и не опираясь на наше прошлое и будущее, – задача не из легких.

Пристатейный библиографический список

1. Кикнадзе В. Г. Сила в правде. Защита истории как стратегический приоритет обеспечения национальной безопасности России // Военно-исторический журнал. 2022. № 9.
2. Волкогонов Д. А. Психологическая война: подрывные действия империализма в области общественного сознания. М. : Воениздат, 1983.
3. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М. : Наука, 1975.
4. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 25. СПб., 1894.
5. Фейковизация как средство информационной войны в интернет-медиа : научно-практическое пособие. М. : Блок-принт, 2023.
6. Чумиков А. Н. Актуальный инструментарий информационного противоборства в «холодной», «горячей» и «гибридной» войне // Наука. Общество. Оборона. 2023. № 2.
7. Неренц Д. В. Фейки как угроза медиабезопасности в России XXI в. // Россия и мир в XXI веке. 2023. № 3.
8. Бастрыкин назвал западные игры и кино оружием против России // РИА Новости. 2021. 28 декабря.
9. Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 1. М. : Госполитиздат, 1948.
10. European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe // European Parliament : сайт. URL:

https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (дата обращения: 01.03.2025).

11. Великая Отечественная война: актуальные проблемы современной исторической науки : материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. М. : РУДП, 2011.

12. Тoffлер Э. Шок будущего. М. : АСТ, 2002.

References

1. Kiknadze V. G. Strength in Truth. Protecting History as a Strategic Priority for Ensuring Russia's National Security. *Military History Journal*, 2022, no. 9. (In Russ.)
2. Volkogonov D. A. Psychological Warfare: Subversive Actions of Imperialism in the Field of Public Consciousness. Moscow: Voenizdat, 1983. (In Russ.)
3. Kondakov N. I. Logical Dictionary-Reference Book. Moscow: Nauka, 1975. (In Russ.)
4. Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary. Vol. 25. St. Petersburg, 1894. (In Russ.)
5. Fakery as a Means of Information Warfare in Internet Media: Scientific and Practical Guide. Moscow: Blok-Print, 2023. (In Russ.)
6. Chumikov A. N. Current Tools for Information Warfare in "Cold", "Hot" and "Hybrid" Wars. *Nauka. Society. Defense*, 2023, no. 2. (In Russ.)
7. Nerents D. V. Fakes as a Threat to Media Security in Russia in the 21st Century. *Russia and the World in the 21st Century*, 2023, no. 3. (In Russ.)
8. Bastrykin Called Western Games and Movies a Weapon Against Russia. *RIA Novosti*, 2021, December 28. (In Russ.)
9. Documents and Materials on the Eve of World War II. Vol. 1. Moscow: Gospolitizdat, 1948. (In Russ.)
10. European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (date of the application: 01.03.2025).
11. The Great Patriotic War: Current Problems of Modern Historical Science: Materials of the XIII All-Russian Scientific and Practical Conference of Students, Graduate Students and Young Scientists. Moscow: RUDP, 2011. (In Russ.)
12. Toffler E. Shock of the Future. Moscow: AST, 2002. (In Russ.)

Сведения об авторе:

П. В. Никитин – кандидат юридических наук.

Information about the author:

P. V. Nikitin – PhD in Law.

Статья поступила в редакцию 12.02.2025; одобрена после рецензирования 14.03.2025; принята к публикации 19.03.2025.

The article was submitted to the editorial office 12.02.2025; approved after reviewing 14.03.2025; accepted for publication 19.03.2025.

Научная статья

УДК 341

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-80-89>

ХАБАРОВСКИЙ ПРОЦЕСС И ТОКИЙСКИЙ ТРИБУНАЛ: УСТАНОВЛЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ СОВЕРШЕНИЯ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Ксения Викторовна Питулько

Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского
государственного университета юстиции (РПА Минюста России),
191014, Россия, г. Санкт-Петербург, Басков пер., д. 16, лит. А
lokhi@yandex.ru

Аннотация

Историческое значение Хабаровского процесса не подлежит сомнению: по его результатам была установлена причастность военнослужащих Квантунской армии Японии к созданию и применению бактериологического оружия. Эти факты не исследовались Токийским трибуналом, приговором которого в нарушении законов и обычаев войны изобличались высшие военные и гражданские сановники милитаристской Японии. При различии предметной области судебного познания научный интерес представляет достижение цели сравнения доказательственной деятельности, стратегий обвинения и защиты, особенностей определения применимого права. При этом используются формально-юридический и сравнительно-правовой методы. Новизна проведенного исследования определяется отсутствием опубликованных данных, относящихся к анализу процессуальных приемов, использованных при осуществлении правосудия в отношении этой категории военных преступников. Констатируя различную природу применимого при этом права, автор вводит в научный оборот термин «опосредующее правосудие», раскрывая его содержание и приводя аргументы относительно его жизнеспособности.

Ключевые слова: военные преступления; преступления против человечности; нарушение законов и обычаев войны; Хабаровский процесс; Токийский трибунал; международное уголовное правосудие; бактериологическое оружие.

Для цитирования: *Питулько К. В.* Хабаровский процесс и Токийский трибунал: установление обстоятельств совершения военных преступлений на Дальнем Востоке в период Второй мировой войны // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 2. С. 80–89. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-80-89>

Research Article

THE Khabarovsk TRIAL AND THE TOKYO TRIBUNAL: ESTABLISHING THE CIRCUMSTANCES OF WAR CRIMES IN THE FAR EAST DURING WORLD WAR II

Kseniia V. Pitulko

St. Petersburg Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice,
16, letter A Baskov Lane, St. Petersburg, 191014, Russia

lokhi@yandex.ru

Abstract

The historical significance of the Khabarovsk Trial is beyond doubt: its results established the involvement of servicemen of the Japanese Kwantung Army in the creation and use of bacteriological weapons. These facts were not investigated by the Tokyo Tribunal, whose verdict convicted the highest military and civil officials of militarist Japan of violating the laws and customs of war. Given the difference in the subject area of forensic knowledge, the scientific interest is in achieving the goal of comparing evidentiary activity, prosecution and defense strategies, and the specifics of determining the applicable law. In this case, formal legal and comparative legal methods are used. The novelty of the study is determined by the lack of published data related to the analysis of procedural techniques used in the administration of justice in relation to this category of war criminals. Having established the different nature of the applicable law, the author introduces the term “mediatory justice” into scientific circulation, revealing its content and providing arguments regarding its viability.

Keywords: war crimes; crimes against humanity; violation of the laws or customs of war; Khabarovsk Trial; Tokyo Tribunal; international criminal justice; biological weapon.

For citation: *Pitulko K. V.* The Khabarovsk Trial and the Tokyo Tribunal: Establishing the Circumstances of War Crimes in the Far East During World War II. *Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 2, pp. 80–89. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-80-89>

Введение

После окончания Второй мировой войны возникла настоятельная необходимость не только публичного осуждения идеологии нацизма, расколовшей мир и приведшей к гибели не менее 71 млн жителей планеты, но и проведения открытого судебного процесса, в ходе которого были бы преданы гласности совершенные преступления против человечности. Становление послевоенного правопорядка в противном случае не могло бы состояться.

Беспрецедентная жестокость, невообразимый масштаб ее проявлений, огромное количество последователей идеологии нацизма, поправших все нравственные ценности, – именно эти обстоятельства обусловили постановку вопроса о возможной персональной ответственности нацистских преступников за зверства и массовые убийства.

Метод внесудебной расправы, очевидно, не мог использоваться в данном случае: страны, объединившиеся в борьбе с фашизмом, рассматривали его как изначально человеконенавистническую страту, которая должна была быть не просто уничтожена, но и навсегда заклеена как не имеющая права на существование. Сплошная репрессия же в таком случае, как и библейский принцип талиона, фактически бы стала зеркальным отражением политики гитлеровской Германии и ее союзников. Аналогично неприемлемым оказался и инквизиционный прием, позволивший бы сформулировать публичные обвинения в адрес военных преступников, но не предоставивший бы им возможности высказаться перед судом. В данной ситуации, во-первых, существенно снизился бы общественный резонанс процесса, а во-вторых, такая модель привела бы к осуждению и, скорее всего, казни главных военных преступников, но полностью исключила бы ответственность большинства их последователей. В ходе Ялтинской конференции лидерами трех стран – СССР, США, Великобритании – было принято решение учредить надгосударственный судебный орган, который имел бы смешанную форму, соединяя обвинительные и состязательные элементы [1, с. 128–134].

Будучи реализованной на практике, эта концепция воплотилась в процессуальной деятельности двух трибуналов, каждый из которых – в пределах своей территориальной юрисдикции – проделал колоссальную работу по установлению обстоятельств совершения жестоких преступлений против человечности и назначению наказания лицам, организовавшим их совершение. Международный трибунал для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси функционировал с 1945 до 1949 г., когда завершились «малые нюрнбергские процессы», и стал поистине «судом народов» над фашизмом [2, с. 15–21]. Международный военный трибунал для Дальнего Востока был учрежден в 1946 г. для рассмотрения дел о преступлениях, совершенных японскими военными на оккупированных территориях, начиная с 1928 г. Одним из итогов деятельности международных трибуналов стало закрепление принципа применения национального права к военным преступникам и лицам, совершившим преступления против человечности.

На основании этого принципа во многих странах мира активно осуществлялось уголовное преследование нацистских преступников. Одним из ярких его примеров стал Хабаровский процесс, прошедший в 1949 г. в военном трибунале Приморского

военного округа. На скамье подсудимых оказались 12 военнослужащих Квантунской армии, обвинявшихся в создании и применении бактериологического оружия. Эти аспекты не были предметом исследования в Токийском трибунале, но имели тесную связь с обстоятельствами, которые оказались в призме судебного познания в период его работы. Сегодня представляется достаточно интересным выявить специфику состоявшейся процессуальной деятельности, которая, невзирая на различия моделей судопроизводства, привела к созданию общего вектора осуждения и наказания лиц, признанных виновными в совершении преступлений против гражданского населения и нарушении законов и обычаев войны. Материалы, отражающие процедуру исследования доказательств Токийским трибуналом, опубликованы более сорока лет назад [3]; документы о Хабаровском процессе обнародованы в 1950 г. [4], что позволяет обратиться к ним в исследовательских целях.

1. Токийский трибунал: особенности организации и предмет доказывания

Устав Международного военного трибунала для Дальнего Востока был утвержден 19 января 1946 г. указом Верховного главнокомандующего союзных держав генерала Д. Макартура. В соответствии с ним намечалась общая конфигурация будущего суда, его подсудность, особенности предания суду, поддержания обвинения и осуществления защиты. Текст Устава в значительной степени апеллировал к правилам судопроизводства, сложившимся в странах англосаксонской правовой семьи, поэтому предусматривал активную и в определенной степени дихотомическую роль прокурора. Так, производство следствия и последующее поддержание обвинения возлагалось на Главного обвинителя, применимое право характеризовалось идентично с нормами, получившими толкование Нюрнбергского трибунала, в доказывании достаточно широко мог использоваться аффидевит [5, с. 38–43].

Токийский трибунал был уполномочен инкриминировать подсудимым совершение трех групп (классы «А», «В» и «С») преступлений: преступления против мира (например, планирование, подготовка, развязывание или ведение объявленной или не объявленной агрессивной войны), преступления против законов и обычаев войны (военные преступления), преступления против человечности (например, убийства, истребление, порабощение, ссылка и иные подобные действия в отношении гражданского населения). Перед судом предстали 29 военных преступников; формула обвинения охватывала 55 пунктов. Особенностью процессуального порядка определения перечня относимых доказательств: во-первых, ряд письменных документов имел преюдициальное значение; во-вторых, презюмировалось использование неосложненной формальностями процедуры исследования доказательств.

Полистадийный характер деятельности Токийского трибунала охватывал только производство судебного разбирательства. При этом принцип состязательности был существенно лимитирован. Сторона обвинения была свободна в процессуальной коммуникации с любыми участниками процесса. Напротив, подсудимые могли задавать вопросы друг другу, свидетелям или иным лицам только через защитника. Правом на представление доказательств стороны наделялись в равных объемах, однако вопрос о допустимости доказательств разрешался судьями. При том условии, что в тот исторический период именно социалистическая система су-

допроизводства не признавала необходимым неограниченную состязательность, тогда как англосаксонская и романо-германская позиционировали ее как основу для вынесения справедливого судебного решения, можно заключить, что Токийский трибунал отразил изначально репрессивную тенденцию. Бесспорно, что благоприятствование защите не было возможным, поскольку субъектный состав подсудимых и инкриминируемые им деяния изначально не предполагали оправдания или смягчения наказания. Однако использование регрессивного (по сравнению с Нюрнбергским процессом) стандарта осуществления правосудия привело к излишнему упрощению формулы обвинения.

В этой связи можно заключить, что Токийский трибунал установил виновность подсудимых в организации агрессии, участии в формировании единой коалиции, направленной на установление мирового господства и утверждение национальной исключительности. Суровые наказания были назначены высшим должностным лицам японской армии и членам кабинета министров, принимавшим решения об интервенции и военных операциях. Но инциденты, связанные с реализацией такой политики, не были предметом его рассмотрения. Многочисленные преступления японских военнослужащих на территории Китая («Нанкинская резня»), Сингапура, Филиппин («Батаанский марш смерти») не получили никакой оценки [6, с. 104–107]. Более того, стратегия защиты подсудимых основывалась на обширном упоминании об эксцессах, неосведомленности и личном неучастии подсудимых в их совершении. В отличие, например, от Нюрнбергского процесса, ставшего отправной точкой для уголовного преследования военных преступников, трибунал в Токио имел более узкую предметную подсудность.

2. Хабаровский процесс: приоритет норм национального права при движении обвинения

Чрезмерно суженная подсудность стала фактором, заложенным в основу осуществления уголовного преследования за преступления, совершенные при участии военнослужащих японской армии, по законодательству СССР. Отчасти оно явилось следствием общей внешнеполитической обстановки, в которой проходил Токийский трибунал. 1946–1948 гг. ознаменовали собой начало «холодной войны», в которой СССР и бывшие союзники оказались на разных полюсах противостояния. С другой стороны, Устав Международного военного трибунала для Дальнего Востока заложил фундамент *soft law* (норм «мягкого права»), открыв тем самым возможность для применения национальных правовых норм в ситуациях, не получивших правовую оценку при отправлении международного уголовного правосудия. В частности, по результатам Хабаровского процесса была установлена причастность 12 японских военнослужащих к созданию и применению бактериологического оружия. Этот вопрос не исследовался Токийским трибуналом; более того, по инициативе генерала Макатура иммунитет от уголовного преследования получили генерал-лейтенант С. Исии (участник программы разработки биологического оружия, начальник отряда № 731) и генерал Вакамацу (начальник отряда № 100), несмотря на неоднократные требования СССР о его выдаче [7, с. 92].

Документы об организации Хабаровского процесса были рассекречены в 2021 г. Применимое право охватывалось двумя нормами: ст. 58.4 Уголовного кодекса РСФСР

1926 г. и ст. 1 указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников». Из обвинительного заключения следует, что подсудимым были инкриминированы три группы деяний: создание специальных формирований для подготовки бактериологической агрессии, проведение опытов над живыми людьми, планирование бактериологической атаки против СССР. Двое из подсудимых – бывший командующий Квантунской армии и бывший начальник производственного отдела отряда № 731 – полностью признали вину и дали показания о том, что ими велась активная работа по организации изысканий в области создания бактериологических авиабомб и артиллерийских снарядов, заражению почвы, водоемов и продовольствия, выведению возбудителей опасных болезней. Вдохновитель этой деятельности – генерал Исии – осуществлял ресурсное обеспечение производственного цикла этой деятельности. В 1940–1942 гг. на территории Китая отрядом № 731 под его руководством было совершено наземное заражение источников воды и продуктов питания; ранее имело место рассеивание с самолетов зараженных чумой блох.

Эти действия совершались в большинстве случаев за пределами пространственной юрисдикции советских судов (главным образом, на территории Китая и Маньчжурии). Однако и Нюрнбергский трибунал, и Токийский трибунал, завершив свою деятельность, открыли широкие возможности для правоприменения «по связи дел», сформировав механизм, который – с долей условности – можно охарактеризовать как опосредующее правосудие. Сущность опосредующего правосудия состоит в том, что национальные суды восполняют пробелы, допущенные международными судебными органами при рассмотрении дел, действуя на основе норм национального права. Причины пробелов – относительно узкие пределы доказывания по предъявленному обвинению (как в данном случае) или же, наличие недостаточно сформированного применимого права. Например, в 2022 г. Санкт-Петербургским городским судом было рассмотрено заявление Генерального прокурора РФ о признании блокады Ленинграда в 1941–1944 гг. актом геноцида; в заявлении отдельно отмечалось, что Нюрнбергский процесс правовой оценки событий в этом качестве не дал, поскольку нормативное понятие геноцида сложилось только к 1948 г., когда была принята соответствующая конвенция ООН. С учетом расширенного применения элементов *soft law* в международном праве можно утверждать, что концепция опосредующего правосудия ему не противоречит, а вытеснение абстрактных норм более конкретными и структурированными положениями национального права представляется логичным следствием современной конвергенции правовых систем.

3. Доказательственная база по делам о преступлениях, установленных приговорами в отношении японских военных преступников

Сразу же необходимо оговорить, что исследование доказательств Токийским трибуналом осуществлялось в конфликтной ситуации, поскольку подсудимые оспаривали вину, отрицали причастность к последствиям в виде массового уничто-

жения гражданского населения и объектов инфраструктуры, апеллировали к бременю исполнения должностных обязанностей. Хабаровский процесс, напротив, проходил в бесконфликтной обстановке, так как предъявленные обвинения в целом не оспаривались.

Эти обстоятельства позволяют констатировать наличие диаметрально противоположных стратегий защиты и практически идентичной стратегии обвинения.

Обвинение в Токийском трибунале поддерживалось в условиях четкой направленности на невозможность оправдания подсудимых. Для достижения этой цели использовалась концепция ответственности вышестоящего должностного лица за действия его подчиненных во исполнение отданных им приказов. Она имеет отражение и в нормах уголовного права России, в соответствии с которыми исполнение приказа не исключает ответственности (ст. 42 УК РФ), исполнение заведомо незаконного приказа является элементом соучастия в преступлении (ст. 32 УК РФ), а умыслом организатора охватываются все действия, совершенные исполнителем (ст. 33 УК РФ). Вследствие этого возможно признание организатора группы соисполнителем всех преступлений, совершенных ее участниками. В Токийском трибунале сторона обвинения акцентировала внимание судей на том обстоятельстве, что подсудимые как военачальники, отдавшие приказы, несут ответственность за все события, связанные с исполнением этих приказов военными (например, за «маньчжурский инцидент» – взрыв на железной дороге, повлекший вторжение японских войск и последующую аннексию Маньчжурии в 1931 г.). Уже во вступительной речи Главный обвинитель обратился к суду со словами об имманентной связи военных планов германских нацистов и подсудимых и их единой идеологической платформе, основанной на жестокости, насилии и пропаганде исключительности. Здесь можно усмотреть прямую отсылку к итогам Нюрнбергского процесса, которые полностью исключили возможность использования в защитных целях положений об ограничении ответственности в случае исполнения приказа. В дальнейшем стратегия обвинения строилась вокруг представления доказательств, характеризующих три основных тезиса: осведомленность подсудимых о проявлениях жестокости со стороны подчиненных им военных, наличие возможности прекратить эти действия, безразличное отношение к гибели гражданского населения и издевательствам над военнопленными.

В Хабаровском процессе у государственных обвинителей не было необходимости опровергать версии подсудимых о непричастности к преступлениям. Смертная казнь в тот период времени в СССР не применялась; до предъявления обвинения подсудимые находились в плену, и эти обстоятельства, возможно, наряду с той ролью, которую они выполняли при создании бактериологического оружия, а также с раскаянием, выраженным публично перед судом, стали условиями, нивелировавшими потенциальную тактику отрицания вины. В период Токийского трибунала несколько подсудимых уже были допрошены, а их письменные показания передавались представителем СССР для приобщения к материалам дела [8, с. 91–100]. Из этого можно сделать вывод, что во время Хабаровского процесса эти показания подвергались дополнительной верификации, а кроме того, добровольность их дачи в ином процессуальном статусе заранее исключила возможное отрицание

вины. В качестве дополнительных доказательств в Хабаровском процессе широко использовались заключения экспертов о назначении экспериментальной и производственной деятельности отрядов Квантунской армии, в которых проходили службу подсудимые. Это позволило подробнее обосновать обвинительный тезис в условиях ординарного (основанного на равенстве процессуальных прав участников) судебного разбирательства.

Стратегия защиты подсудимых в Токийском трибунале определялась отрицанием ими вины. Интересы каждого подсудимого защищали четверо адвокатов; в совокупности сторона защиты представила суду 1602 документа и настояла на вызове 524 свидетелей. Базовая версия, которая предлагалась для судебной оценки, – эксцесс исполнителей. В отсутствие прямой причастности подсудимых к бомбежкам объектов гражданской инфраструктуры, жестокому обращению с военнопленными и убийствам гражданских лиц такая стратегия носит очевидный характер. Дополнительными аргументами стала географическая удаленность Японии от мест совершения военных преступлений, невозможность подсудимых лично контролировать ход военных операций, неосведомленность об их деталях. Кроме того, адвокатами ставился вопрос и об обратной силе закона: Устав международного военного трибунала для Дальнего Востока был принят после окончания военных действий и не применялся в момент, когда происходили инкриминируемые события. По сути, при фактическом согласии с предъявленным обвинением защита оспаривала его правовое содержание.

Напротив, в Хабаровском процессе не использовался аргумент о том, что обвинение не основано на законе. Пределы судебного разбирательства при этом несколько изменились: со ст. 58.4 УК РСФСР (содействие в проведении враждебной деятельности) действия подсудимых были переквалифицированы на ст. 1 указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. № 39. Юридическое содержание этой нормы обладало своей спецификой: будучи принята в военное время, когда часть территории государства была оккупирована, она устанавливала, что немецкие, итальянские, румынские, венгерские, финские фашистские злодеи, уличенные в совершении убийств и истязаний гражданского населения и пленных красноармейцев, а также шпионы и изменники Родины из числа советских граждан караются смертной казнью через повешение. Ее территориальное действие, равно как и установленный субъектный состав лиц, подлежащих ответственности, не имели связи с дальневосточным регионом. Однако ее использование в Хабаровском процессе стало возможным, поскольку запрет применения уголовного закона по аналогии в советском праве тогда отсутствовал. Стратегия защиты в большей степени была основана на констатации раскаяния подсудимых и осознания ими личной ответственности за исполнение преступных приказов.

Заключение

Хабаровский судебный процесс стал закономерным продолжением Токийского трибунала [9, с. 61–69]. Его историческая роль заключалась в установлении обстоятельств разработки и применения опаснейшего бактериологического оружия. Такой нетрадиционный предмет судебного познания открыл мировому сообществу

ву глаза на еще одну угрозу, реализуемую во время агрессивной войны. Токийский трибунал оперировал фактами, относящимися к вооруженному насилию и демонстративной жестокости, установление которых является менее сложным, поскольку такие действия совершаются открыто.

Завершение Хабаровского процесса знаменовало собой новый этап осуществления уголовного преследования лиц, совершивших военные преступления и преступления против человечности. Поскольку обвинения, предъявленные Токийским трибуналом, лишь частично отражали объем содеянного при косвенном или прямом участии подсудимых, нормы международного уголовного права в этой ситуации могли только ограниченно обеспечить неотвратимость наказания. В этой ситуации осуждение находящихся на территории СССР пленных военнослужащих японской армии на основании норм советского уголовного законодательства было полностью справедливым. Более того, этот прецедент основывался на результатах, удостоверенных приговором Нюрнбергского трибунала, и открыл возможность последующего наказания военных преступников с применением норм национального права.

Токийский трибунал и Хабаровский процесс проходили в диаметрально противоположных судебных ситуациях: конфликтной и бесконфликтной. В связи с этим различались стратегии обвинения и защиты. Однако процедуры оценки доказательств были практически идентичными, а достигнутые результаты – осуждение и наказание лиц, виновных в преступлениях против человечности, – внесли общий вклад в формирование послевоенного правопорядка.

Пристатейный библиографический список

1. *Александров А. И.* Крымская конференция и Нюрнбергский процесс: уроки истории // Перспективы. 2020. № 2.
2. *Багдасарян С. Д., Каширина С. В.* История международного трибунала // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2020. Вып. 2.
3. *Смирнов Л. Н., Зайцев Е. Б.* Суд в Токио. М. : Воениздат, 1984.
4. Сборник материалов судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. М. : Госполитиздат, 1950.
5. *Лестев А. Е.* Использование affidavits в практике Международного военного трибунала для Дальнего Востока // Политика и общество. 2020. № 1.
6. *Орлова С. А.* Преступления японских военных в годы Второй мировой войны // Вестник Ивановского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2018. Вып. 4.
7. *Питулько К. В., Коряковцев В. В., Сергеева А. А.* Международное уголовное право и процесс. М. : КНОРУС, 2023.
8. *Бутрим И. И.* Правовое наследие Хабаровского процесса в международном гуманитарном праве // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 3.

9. Бастрыкин А. И. Подготовка к Хабаровскому процессу и его значение для международного права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 1.

References

1. Aleksandrov A. I. The Crimean Conference and the Nuremberg Trials: Lessons of History. *Prospects*, 2020, no. 2. (In Russ.)
2. Baghdasarian S.D., Kashirina S.V. History of the International Tribunal. *Bulletin of Adyghe State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies*, 2020, Issue 2. (In Russ.)
3. Smirnov L. N., Zaitsev E. B. Court in Tokyo. Moscow: Voenizdat, 1984. (In Russ.)
4. Collection of Materials from the Trial of Former Japanese Army Servicemen Accused of Preparing and Using Bacteriological Weapons. Moscow: Gospolitizdat, 1950. (In Russ.)
5. Lestev A. E. Use of the Affidavit in the Practice of the International Military Tribunal for the Far East. *Politics and Society*, 2020, no. 1. (In Russ.)
6. Orlova S. A. Crimes of the Japanese Military During World War II. *Bulletin of Ivanovo University. Series "Humanities"*, 2018, Issue 4. (In Russ.)
7. Pitulko K. V., Koriakovtsev V. V., Sergeeva A. A. International Criminal Law and Process. Moscow: KNORUS, 2023. (In Russ.)
8. Butrim I. I. Legal Legacy of the Khabarovsk Process in International Humanitarian Law. *Legal Policy and Legal Life*, 2021, no. 3. (In Russ.)
9. Bastykin A. I. Preparation for the Khabarovsk Process and Its Significance for International Law. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2022, vol. 18, no. 1. (In Russ.)

Сведения об авторе:

К. В. Питулько – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

K. V. Pitulko – PhD in Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 27.02.2025; одобрена после рецензирования 14.03.2025; принята к публикации 19.03.2025.

The article was submitted to the editorial office 27.02.2025; approved after reviewing 14.03.2025; accepted for publication 19.03.2025.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-90-101>

О ПРАКТИКЕ ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)*

Людмила Александровна Потапова

Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саранске,
430003, Россия, г. Саранск, ул. Федосеенко, д. 6

lap-law@ya.ru

Аннотация

В исследовании рассмотрено производство судебных экспертиз в годы Великой Отечественной войны на территории СССР. Целью работы является анализ экспертной практики, проводимой в условиях военных действий для учета наиболее эффективных подходов к правовому регулированию деятельности военного правосудия. Использование хронологического, сравнительно-правового, системного, структурно-функционального, статистически-правового методов позволило определить механизмы развития судебной экспертизы в условиях роста специфических для военного времени преступлений и новых криминальных проявлений. По результатам проведенного исследования определены ключевые направления экспертной политики, повышающие эффективность использования специальных знаний. Сформулированные в статье выводы могут найти развитие как в научных, так и в прикладных исследованиях.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; судебная экспертиза; патриотизм; научно-технические отделения и группы; оперативно-методические ориентировки; история экспертных учреждений.

* Исследование выполнено по проекту Фонда Президентских грантов № P13-24-1-000041 Траектория безопасности #ФормулаАнтитеррора. URL: <https://мордовия.гранты.рф/public/application/item?id=9b6d5f5f-068b-46c7-9a09-edadd0cccd66>.

Для цитирования: *Потапова Л. А. О практике производства судебных экспертиз в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 2. С. 90–101. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-90-101>*

Research Article

ON THE PRACTICE OF CONDUCTING FORENSIC EXAMINATIONS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945)*

Lyudmila A. Potapova

Middle Volga Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice
in Saransk, 6 Fedoseenko St., Saransk, 430003, Russia
lap-law@ya.ru

Abstract

The study considers the production of forensic examinations during the years of the Great Patriotic War on the territory of the USSR. The purpose of the work is to analyze the expert practice conducted in the conditions of military operations to take into account the most effective approaches to the legal regulation of military justice. The use of chronological, comparative-legal, systemic, structural-functional, statistical-legal methods allowed to determine the mechanisms of development of forensic expertise in the conditions of growth of wartime-specific crimes and new criminal manifestations. Based on the results of the study, the key directions of expert policy that increase the effectiveness of the use of specialized knowledge were identified. The conclusions formulated in the article can be developed both in scientific and applied research.

Keywords: Great Patriotic War; forensic expertise; patriotism; scientific and technical departments and groups; operational and methodological orientations; history of expert institutions.

For citation: *Potapova L. A. On the Practice of Conducting Forensic Examinations During the Great Patriotic War (1941–1945). Herald of the Russian Law Academy, 2025, no. 2, pp. 90–101. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-90-101>*

* The study was carried out according to the project of the Presidential Grants Fund No. P13-24-1-000041 The trajectory of security #The formula of terrorism. URL: <https://мордовия.гранты.рф/public/application/item?id=9b6d5f5f-068b-46c7-9a09-edadd0cccd66>.

Введение

В общемировой истории XX в. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. стала отправной точкой ключевых изменений в правовом развитии всего человечества. Важным инструментом в обеспечении правопорядка и борьбе с военными преступлениями стала судебная экспертиза, которая также претерпела значительные изменения. В указанный период экспертно-криминалистическими подразделениями («научно-технические отделы» или «научно-технические группы»), которые входили в структуру НКВД СССР и союзных республик, управлений НКВД краев и областей, было проведено значительное количество экспертиз. Особенностью практики производства судебных экспертиз в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) стал рост специфических для военного времени преступлений, таких как: «хищение и подделка продовольственных и промтоварных карточек, документов об освобождении от военной службы, пропусков и разрешений; дезертирство; мошенничество различных видов. В связи с особенностью исследуемого времени, можно выделить условия боевой обстановки, в которых проводилась экспертиза. По материалам того времени, были распространены случаи симуляции болезней, членовредительства, что соответственно требовало максимального приближения судебных экспертов к действующим войскам. В исследованиях Г. П. Лавренюк приведены данные о том, что «военные судебно-медицинские эксперты в период Великой Отечественной войны провели 33 278 экспертиз по исследованию трупов и 36 491 – по освидетельствованию живых лиц (из них 24 162 пришлось на самоповреждения или подозрения на них)» [6, с. 46]. Судебно-медицинская экспертиза в войсках обеспечивалась специалистами патологоанатомических лабораторий, которые работали на передовой и в тылу. Эти эксперты проводили необходимые исследования для установления причин смерти военнослужащих, а также для расследования различных преступлений, связанных с военными действиями. Патологоанатомические лаборатории стали важным звеном в системе военной юстиции, поскольку они обеспечивали не только медицинскую помощь, но и юридическую экспертизу.

Создание отдельной службы судебно-медицинских экспертов в Красной Армии стало важным шагом в этом процессе, что позволило более эффективно решать задачи, возникающие в условиях войны, и обеспечивать защиту прав и свобод граждан. Целью исследования стало – определение правовых регламентов производства судебных экспертиз в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) для укрепления преемственности поколений, формирования и сохранения документальной памяти о роли права в обеспечении законности военных и послевоенных отношений.

1. Литературный обзор

В отечественной литературе по исследованию особенностей судебной экспертизы времен Великой Отечественной войны представлены архивные источники об известных судебных экспертах, работающие в эти годы и применявшиеся методы исследования вещественных доказательств.

В работах судебного медицинского эксперта Г. П. Лавренюка представлены принципы и система организации военной судебно-медицинской службы в Воо-

руженных силах РФ в мирное и военное время и приведены данные о количестве военных судебно-медицинских экспертиз: «в период Великой Отечественной войны провели 33 278 экспертиз по исследованию трупов и 36 491 – по освидетельствованию живых лиц, из них 24 162 пришлось на самоповреждения или подозрения на них». В 1941 г. «всеми криминалистическими подразделениями в СССР было выполнено 5228 экспертиз». Установлено, что в последующие военные годы производительность труда судебных экспертов продолжала нарастать. На экспертизу к криминалистам «в 1942 году поступили порядка 11 806 материалов. В 1943 году исследовали 14 328 материалов. Ситуация с общей высокой профессиональной нагрузкой специалистов научно-технических подразделений не изменилась в лучшую сторону и в 1944 году, когда на криминалистическую экспертизу поступило 17 898 материалов. В 1945 году научно-техническими подразделениями органов внутренних дел были выполнены 20 943 экспертизы» [6, с. 46].

Л. Д. Лайнер исследовал процесс взлома знаменитой немецкой шифровальной машины «Энигма», созданной немецким изобретателем Артуром Шербиусом в 1918 г. Усовершенствованная шифровальная машина «Энигма» в годы Второй мировой войны использовалась немецкими военными для кодирования и декодирования секретных сообщений. Ее шифры считались самыми стойкими для взлома, так как количество представленных комбинаций достигало пятнадцати квадриллионов. Советским экспертам не удавалось массово расшифровывать перехваты «Энигмы» до самого конца войны, что было связано с отставанием промышленности в разработке автоматизированных систем обработки данных. Однако в конце 1942 г. научные сотрудники специальной группы дешифровальной службы ГРУ с помощью агентуры выявили возможность дешифрования. Они приступили к конструированию специальных механизмов, ускоряющих процесс дешифрования. Советские специалисты сумели построить математическую модель немецкого шифратора, выявили слабости, которые могли способствовать процессу дешифрования, но дешифровать удалось только старые радиоперехваты, потому что в январе 1943 г. немцы ввели ряд дополнительных уровней защиты. Комплекс из 210 таких машин позволял англичанам расшифровывать до 3 тыс. военных сообщений нацистов в сутки практически с первых дней войны и внес весомый вклад в победу союзников [7, с. 157].

С. Е. Казакова, М. В. Торопова, В. И. Фурлетов, П. А. Четверкин и ряд других авторов в своих исследованиях раскрыли проблемы технико-криминалистического исследования обгоревших документов и способы восстановления информации на них во времена Великой Отечественной войны. Многие архивные документы сгорели при бомбардировках и обстрелах городов, сел и населенных пунктов СССР. Погибли значительные части архивов Архангельской, Калужской, Калининской (Тверской), Мурманской, Горьковской (Нижегородской), Ростовской, Смоленской, Сталинградской (Волгоградской), Тульской, Ярославской и других областей. Наибольшие потери от бомбежек и артиллерийских обстрелов понес Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ). Эти потери (а также потери при эвакуации и реэвакуации) составили около 1,3% от общего количества хранящихся в архиве документов [10, с. 224].

Р. С. Белкин, А. И. Винберг, А. И. Миронов описывают ситуацию значительного роста в период Великой Отечественной войны самых дерзких случаев краж, разбоев и убийств, а также хищений огнестрельного оружия с полей сражений. Эксперты научно-технический отделений, начиная с 1941 г., участвовали в более чем тысячи осмотрах мест преступлений, а в дальнейшем этот показатель только нарастал: в 1942 г. – 1999 осмотров, в 1943 г. – 2926 осмотров, в 1944 г. – 3807 осмотров [1, с. 72].

Е. П. Ищенко описывает видовой состав экспертиз данного периода. С 1941 по 1942 г. «возросло количество почерковедческих и технических экспертиз документов. Чаще всего подделка подвергались продовольственные карточки, документы об освобождении от военной службы, справки о разрешении проезда и выезда из населенных пунктов, командировочные удостоверения, справки воинских частей и медицинских учреждений. Освобождение оккупированных территорий повлекло необходимость изъятия оружия различного вида, обусловленное ростом криминальной активности вооруженных банд, которые регулярно пополнялись беглыми дезертирами и уголовниками. Исследования документов экспертно-криминалистическими подразделениями в данный период резко сократилось и повысилось количество дактилоскопических, трасологических и баллистических экспертиз» [5, с. 57].

А. И. Миронов приводит пример пороскопической экспертизы, проведенной в 1942 г. экспертом химиком-органиком И. Н. Назаровым. «След, поступивший на экспертизу, был изъят с шифоньера и, в нем был единственный признак – «вилка». По сути непригодный для идентификации след был направлен в научно-техническое подразделение, где по признакам микрорельефа папиллярных линий – «полам» была произведена идентификация преступника» [9, с. 11].

А. И. Винберг в своем исследовании приводит сравнительный анализ оперативно-методической ориентировки № 19 «Составление протокола осмотра места происшествия», и оперативно-методической ориентировки № 9 «О подделке документов – по подделкам в паспортах, свидетельствах о рождении, военных билетах, свидетельствах об освобождении от военной службы, а также подделкам документов военно-лечебных учреждений и воинских частей». Первая, которая была издана в 1942 г., содержала все требования, предъявляемые ныне к протоколу следственного осмотра, вторая, которая также была выпущена в 1942 г., представлена разделами о подделках в паспортах, свидетельствах о рождении, военных билетах, свидетельствах об освобождении от военной службы, а также подделкам документов военно-лечебных учреждений и воинских частей [3, с. 20].

А. А. Шурыгина, А. С. Бибилова, А. С. Ремизова отмечают, что отправной точкой для создания отдельной службы судебно-медицинских экспертов в Красной Армии стало Всеармейское совещание помощников начальников фронтовых патологоанатомических лабораторий, что «позволило решать актуальные экспертные вопросы, связанные со спецификой военных действий: исследования огнестрельных повреждений, полученных новыми образцами оружия, пулями специального назначения; исследования повреждений в результате взрывов гранат и их запахов; освидетельствования бойцов в случаях, подозрительных на симуляцию и членовредительство», и другие вопросы [13, с. 11–13].

Литературный обзор источников данного периода показал, что суровые условия военного времени не только не понизили качество экспертиз, но и стимулировали появление и развитие новых методических подходов к решению экспертных задач в работе с вещественными доказательствами. Важным инструментом в борьбе с военными преступлениями стало создание отдельной службы судебно-медицинских экспертов Красной Армии, что сказалось на обеспечении правопорядка и позволило более эффективно решать задачи, возникающие в условиях войны.

2. Материалы и методы

Теория научного познания и базовые принципы исторического анализа, такие как единство исторического и логического, абстрактного и конкретного, общего и особенного, единичного и уникального, а также объективность и историзм были положены в основу методологического подхода к изучению темы исследования. Использование хронологического, сравнительно-правового, системного, структурно-функционального, статистически-правового методов позволили определить механизмы развития судебной экспертизы в годы Великой Отечественной войны.

Исследованы опубликованные нормативные правовые акты, сборники документов государственных органов, статистические данные, справочные издания, неопубликованные архивные материалы партийно-государственных органов, доктринальная практика. Для уточнения исследовательских вопросов, связанных с темой исследования были использованы справочная и энциклопедическая литература. Убедиться в надежности и достоверности использования методов можно на примере отдельных исследовательских работ. Достоверность подтверждается подлинностью источников и достоверностью содержащихся в них сведений, проверяемой путем их сопоставления.

3. Результаты. Обсуждение

Владимир Путин призвал в исследованиях о сохранении памяти о Победе опираться на архивные документы. В годы Великой Отечественной войны наряду с действовавшими Основными началами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик от 1924 г., Уголовным кодексом РСФСР 1926 г. и Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР 1923 г. были приняты новые правовые акты, дополняющие и реформирующие действующие уголовно-правовые положения с поправкой на условия военного положения. Например, в первый же день войны, 22 июня 1941 г., был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении», предусматривающий, что тяжкие и особо тяжкие преступления переходили под рассмотрение военного трибунала. Следует отметить, что в уголовно-процессуальном законодательстве страны (УПК РСФСР 1922 г., а затем в УПК РСФСР 1923 г.) впервые нашли закрепление термины «экспертиза» и «эксперт» без детализации их определений, а нормы регулирующие порядок производства экспертизы, были рассредоточены по различным главам и разделам уголовно-процессуального закона. Сохраняя дореволюционный подход, характеризующийся определенным смешением следственного действия и экспертизы, законодатель

производство осмотра и освидетельствования представляет как начальный этап экспертизы [8, с. 26].

В вопросе изучения истории судебно-экспертной деятельности в годы Великой Отечественной войны также могут помочь: оперативно-методические ориентировки; приказы и директивы НКВД СССР; материалы Чрезвычайной государственной комиссии; документы военной судебно-медицинской службы и др. Анализ нормативно-правовых документов, регулирующих судебную экспертизу в годы Великой Отечественной войны показал, что НТО оперотдела Главного управления милиции НКВД СССР издали порядка тридцати двух оперативно-методических ориентировок. Их особенность состояла в практических указаниях, связанных с порядком организации «осмотров мест происшествий, указания по сбору доказательств, фиксации следов преступления, описывались варианты подделок в различных документах с описанием основных признаков и свойств». Для исследуемого периода подобные ориентировки были существенным подспорьем, а их изучение личным составом милиции было обязательным.

Сложившаяся ситуация способствовала распространению научно-технических методов и средств раскрытия преступлений. Определяя их роль, исследователи подчеркивают цельность и единообразие диапазона экспертной деятельности. Среди ориентировок можно выделить: «Установление преступников по вещам, оставленным ими на месте преступления»; «Исследование машинописного текста»; «Следы пальцев рук»; «Составление планов мест происшествий»; «О применении научно-технических методов при расследовании убийств с расчленением трупов»; «О следах ног преступника»; «Восстановление спиленных штампованных номеров на оружии и других изделиях из стали»; «Восстановление фотографических изображений, обесцвеченных с помощью йода» и другое [15]. Дополнительным преимуществом стало наличие в ориентировках элементов наглядности и примеров практики.

Ориентировка № 9 за 1942 г. «О подделке документов с целью уклонения от военной службы» включала в себя разделы «о подделках в паспортах, в свидетельствах о рождении, в военных билетах, в свидетельствах об освобождении от военной службы, в документах военно-лечебных учреждений и воинских частей». Оперативно-методическая ориентировка № 7 за 1942 г. была посвящена вопросу осмотра и исследования документов агентов немецкой разведки и содержала образцы оттисков печатей и штампов с фиктивных документов, изъятых у фашистских диверсантов и разведчиков; стрелками были отмечены отличительные признаки подлинных и фальшивых оттисков печатей. «В 1943 г. криминалистические подразделения одновременно приступили к разработке 26 научно-исследовательских тем, из которых к концу 1944 г. были окончены 14 работ: «Оперативное использование пальцевых следов на месте преступления для установления преступников», разработана НТО УМ Краснодарского края; «Установление травления документов», разработана НТО УМ г. Москвы; «Установление последовательности выполнения текста и нанесения на документ оттиска печати», разработана НТО ГУМ; «Исследование оттисков печатей и штампов», разработана НТО УМ Саратовской области; «Исследование переклейки фотокарточек», разработана НТО УМ Казахской ССР; «Установление по тексту системы пишущей машинки», разработана НТО ГУМ; «Пределы мас-

кировки почерка», разработана НТО УМ Челябинской обл.; «Исследование письма, выполненного левой рукой», разработана НТО УМ Горьковской обл. и др. результатом научно-практической работы НТО оперотдела ГУМ НКВД СССР является создание в 1941 г. первого советского сравнительного микроскопа «МИС-10» для выполнения баллистических и трасологических экспертиз» [10].

В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» указывалось, что в местностях, объявленных на военном положении, все функции органов государственной власти в области обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности принадлежат военным советам фронтов, армий, военных округов, а там, где нет военных советов, то высшему командованию войсковых соединений. За неподчинение распоряжениям и приказам военных властей, а также за преступления, совершенные в местностях, объявленных на военном положении, виновные подлежат уголовной ответственности по законам военного времени [11].

Указ об образовании Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их союзников от 2 ноября 1942 г., предусматривал работу по сбору доказательств и проведению судебно-медицинских экспертиз, позволяющих задокументировать факты военных преступлений и привлечь виновных к ответственности. Согласовывая работу с государственными органами, комиссия поручала надлежащим органам организовывать производство расследования, ведение опрос потерпевших, организацию сбора документальных данных, относящиеся к преступным действиям оккупантов и их сообщников на территории СССР [11]. Значение работы Комиссии состоит в том, что весь собранный ей материал стал одним из важнейших доказательств обвинения в Нюрнберге.

Согласно директиве Генерального штаба Красной Армии от 26 марта 1943 г. из «штата военных патологоанатомических лабораторий были выведены судебно-медицинские эксперты, получившие статус самостоятельной службы» [11]. Директива определила первый штат Центральной судебно-медицинской лаборатории Красной Армии, должности главного судебно-медицинского эксперта Красной Армии, судебно-медицинских экспертов фронтов и армий. Во главе судебно-медицинской лаборатории встал профессор М. И. Авдеев. В целом такая реформация стала важным шагом в развитии судебно-медицинской экспертизы в стране и позволила не только улучшить качество экспертиз, но и повысить их роль в контексте военной юстиции.

В указе Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников» устанавливалось, что для «рассмотрения подобных дел учреждались военно-полевые суды, которые действовали при дивизиях и корпусах Красной Армии. Впервые процесс прошел в Краснодаре с 14 по 17 июля 1943 г. Привлечены к ответственности 11 советских граждан, служивших во вспомогательных частях зондеркоманды 10-А на обслуживании газвагенов (автомобилей – «душегубок»). Первона-

чально были допрошены все подсудимые, а затем 22 свидетеля их преступлений. Материалы судебно-медицинской экспертизы, подписанные главным судебно-медицинским экспертом Министерства здравоохранения СССР доктором В. И. Прозоровским, содержали исследование по 623 эксгумированным трупам: 85 детей, 256 женщин и 282 мужчины, в том числе 198 стариков, показавших, что 523 жертвы при жизни были отравлены окисью углерода, а 100 жертв скончались от выстрела в голову» [14].

Ежегодно вместе с количеством проведенных экспертиз росло и качество проводимых исследований, развивались новые методики и техники. Но самым важным был человеческий фактор и профессиональная добросовестность самих экспертов. Показательным является случай, когда эксперт научно-технического отделения Московского уголовного розыска Н. С. Троицкий, получив в 1943 г. на исследование анонимную записку о подготовке взрыва на оборонном объекте, под видом инспектора отдела кадров изучил тысячу личных дел работников этого объекта и, нашел автора записки. Благодаря стараниям эксперта не только удалось вывить лиц, готовивших диверсию, но и предотвратить опаснейшую диверсию [15]. Уникален пример профессионального патриотизма эксперта-химика научно-технической службы милиции, организатора первой в этой системе судебно-химической лаборатории – А. Д. Хананина. Он стал автором тридцати трех рационализаторских предложений по разработке и совершенствованию дактилоскопической пленки, клея и пластилина для криминалистических целей, прибора для фотосъемки пуль, гильз и мелких предметов, аналитических кварцевых ламп и термостойких фильтров. В 1944 г. им были разработаны специальные составы чернил, штемпельной краски и клея для заполнения чернил, его методика судебно-химических исследований применяется на практике до сих пор [10]. Несмотря на все трудности военного времени, в период с 1940 по 1944 г. профессиональную экспертную подготовку получили 110 экспертов и, уже на момент окончания Великой Отечественной войны ими было укомплектовано порядка 73 научно-технических групп и отделений. Среди самоотверженных экспертов времен Второй мировой войны можно назвать А. Ф. Еремейкина, Н. С. Троицкого, В. В. Андреева, Л. А. Бозину, Б. М. Глазе, И. М. Гудова, Л. Н. Гурдинович, Г. К. Квашнину, А. К. Орлова, Л. Н. Павлова, В. В. Прорехину, Н. Ф. Симачеву, Н. П. Сорокина, В. П. Шукина, В. П. Юдина и других экспертов.

Попыткой комплексного анализа и идентификации голоса стала совместная работа советских экспертов и экспертов стран-союзников. Дело о заговоре немецких генералов против Адольфа Гитлера, приведшее к покушению на него 20 июля 1944 г., потребовало привлечения фонетистов для определения принадлежности аудиозаписи речей Адольфу Гитлеру. Важность вопроса подтверждения гибели Гитлера не вызывала сомнения, так как, по данным министра пропаганды Йозефа Геббельса, речи произносил не Гитлер, а другой человек, успешно имитировавший его голос. В экспертную группу вошли американские эксперты-фонетисты из Университете Пердью, имевшие опыт идентификаций выступлений Теодора Рузвельта, Франклина Рузвельта, Невилла Чемберлена, Бенито Муссолини и Адольфа Гитлера. В результате было установлено, что именно голос А. Гитлера звучит на последних аудиозаписях, хотя экспертная работа была осложнена не только качеством аудиозаписи,

но и деформацией голоса, произошедшей от многолетней психиатрической терапии. Выводы экспертов от комбинации собственно фонетических методов исследования и технических возможностей того времени оказались достоверными, что позднее было подтверждено данными советской разведки [8, с. 113].

Заключение

Подводя итоги проведенного исследования, следует отметить, что задачи экспертно-криминалистической техники в период Великой Отечественной войны соответствовали условиям военного времени. Востребованность всей экспертно-криминалистической деятельности определялась установлением всех обстоятельств преступного события в кратчайшие сроки. Проведение судебной экспертизы научно-техническими отделами (НТО) и научно-техническими группами (НТГ), входящими в состав НКВД СССР и союзных республик, управлений НКВД краев и областей было направлено на помощь в формировании доказательственной базы, но и на достижение победы над врагом. Видовой набор судебных экспертиз в данный период был определен сложившейся криминальной обстановкой в стране. Необходимость проведения почерковедческих и технических экспертиз документов была определена высоким ростом изъятых фальшивых продовольственных карточек, подделанных документов об освобождении от военной службы, фиктивных справок с разрешением проезда и выезда, поддельными командировочными удостоверениями, медицинскими справками и справками из воинских частей. Но уже ближе к окончанию войны количество подобных исследований значительно уменьшилось на фоне увеличения дактилоскопических, трасологических и баллистических экспертиз. В исследовании установлено, что судебно-медицинская экспертиза в войсках обеспечивалась специалистами патологоанатомических лабораторий, работавшими как на передовой, так и в тылу. Ими проводились экспертные исследования для установления причин смерти военнослужащих, а также для расследования других составов преступлений, связанных с военными действиями. Особое внимание заслуживает директива Генерального штаба Красной Армии от 26 марта 1943 г., которая вывела судебно-медицинских экспертов из штата военных патологоанатомических лабораторий с присвоением самостоятельного статуса отдельной службы. Это позволило не только улучшить качество экспертиз, но и повысить их значимость в контексте военной юстиции. Также следует отметить, что работа судебных экспертов в годы войны проходила в тесном взаимодействии с другими правоохранительными органами и военными структурами, что не только способствовало повышению скорости сбора доказательств, но и существенно влияла на качество сохранения объектов экспертного исследования. Эксперты не только проводили экспертизы, но и участвовали в подготовке материалов для судов, что способствовало более быстрому и справедливому рассмотрению дел.

Пристатейный библиографический список

1. *Белкин Р. С.* Курс криминалистики : учебное пособие для вузов. М. : ЮНИТИ-ДАНА ; Закон и право, 2001.

2. Будаев Э. В. Эволюция лингвистической экспертизы: методы и приемы. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2017.
3. Винберг А. И. Три этапа возникновения и развития советской криминалистики // Теоретические вопросы судебной экспертизы : сборник научных трудов. М. : ВНИИСЭ, 1981.
4. Дулов А. В., Крылов И. Ф. Из истории криминалистической экспертизы в России. М. : Госюриздат, 1960.
5. Ищенко Е. П., Торопов А. А. Криминалистика : учебник. М. : ИНФРА-М, 2010.
6. Лаврентюк Г. П. Принципы развития организации судебно-медицинской службы в Вооруженных Силах Российской Федерации в мирное и военное время. СПб, 1996.
7. Лайнер Л. Д. «Энигма». Как был взломан немецкий шифратор. М. : Вече, 2021.
8. Махов В. Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений : монография. М. : Изд-во РУДН, 2000.
9. Миронов А. И. Экспертно-криминалистические подразделения органов внутренних дел в годы Великой Отечественной войны // Экспертная практика. 1995. № 37.
10. Развитие российских судебных экспертных учреждений в военный и послевоенный периоды // История судебной экспертизы : сайт. URL: https://ozlib.com/1125941/pravo/razvitie_rossiyskih_sudebnyh_ekspertnyh_uchrezhdeniy_voennyu_poslevoennyu_periody (дата обращения: 28.02.2025).
11. Сборник военного законодательства. М., 1945.
12. Торопова М. В., Фурлетов В. И. Исследование документов, подвергавшихся агрессивному воздействию (анализ признаков при исследовании пересекающихся штрихов) // Судебная экспертиза: российский и международный опыт : материалы Международной науч.-практ. конф. / редкол.: Н. Н. Шведова [и др.]. Волгоград : ВА МВД России, 2012.
13. Шурыгина А. С., Бибикова А. А., Ремизова А. С. Судебная медицина в довоенное время и в годы войны // Тверской медицинский журнал. 2017. № 2.
14. Без срока давности // Военно-исторический журнал : сайт. URL: <https://history.milportal.ru/bez-sroka-davnosti-2/> (дата обращения: 28.02.2025).
15. Эксперты трудились на пределе своих сил // Петровка, 38 : сайт. URL: <https://petrovka-38.com/arkhiv/item/eksperty-trudilis-na-predele-svoikh-sil> (дата обращения: 28.02.2025).

References

1. Belkin R. S. Forensic Science Course: Textbook for Universities. Moscow: lunity-Dana; Zakon i pravo, 2001. (In Russ.)
2. Budaev E. V. Evolution of Linguistic Expertise: Methods and Techniques. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 2017. (In Russ.)
3. Vinberg A. I. Three Stages of the Emergence and Development of Soviet Forensic Science. In Theoretical Issues of Forensic Science: Collection of Scientific Papers. Moscow: VNIISE, 1981. (In Russ.)

4. *Dulov A. V., Krylov I. F.* From the History of Forensic Science in Russia. Moscow: Gosiurizdat, 1960. (In Russ.)
5. *Ishchenko E. P., Toropkov A. A.* Forensic Science: Textbook. Moscow: Infra-M, 2010. (In Russ.)
6. *Lavrentiuk G. P.* Principles of Development of the Forensic Medical Service Organization in the Armed Forces of the Russian Federation in Peacetime and Wartime. St. Petersburg, 1996. (In Russ.)
7. *Lainer L. D.* "Enigma". How the German Cipher Was Cracked. Moscow: Veche, 2021. (In Russ.)
8. *Makhov V. N.* Using the Knowledge of Knowledgeable Persons in Investigating Crimes: Monograph. Moscow: RUDN University Press, 2000. (In Russ.)
9. *Mironov A. I.* Forensic Science Units of the Internal Affairs Bodies During the Great Patriotic War. *Expert Practice*, 1995, no. 37. (In Russ.)
10. Development of Russian Forensic Expert Institutions in the War and Post-war Periods. URL: https://ozlib.com/1125941/pravo/razvitie_rossiyskih_sudebnyh_ekspertnyh_uchrezhdeniy_voennyy_poslevoennyy_periody (date of the application: 28.02.2025). (In Russ.)
11. Collection of Military Legislation. Moscow, 1945. (In Russ.)
12. *Toropova M. V., Furletov V. I.* Study of Documents Subjected to Aggressive Influence (Analysis of Features in the Study of Intersecting Strokes). In *Shvedova N. N. (ed.)*. Forensic Examination: Russian and International Experience: Materials of the International Scientific-Practical Conference. Volgograd: VA MVD of Russia, 2012. (In Russ.)
13. *Shurygina A. S., Bibikova A. A., Remizova A. S.* Forensic Medicine in Pre-War Times and During the War. *Tver Medical Journal*, 2017, no. 2. (In Russ.)
14. No Statute of Limitations. URL: <https://history.milportal.ru/bez-sroka-davnosti-2/> (date of the application: 28.02.2025). (In Russ.)
15. Experts Worked to the Limit of Their Strength. URL: <https://petrovka-38.com/arkhiv/item/eksperty-trudilis-na-predele-svoikh-sil> (date of the application: 28.02.2025). (In Russ.)

Сведения об авторе:

Л. А. Потапова – кандидат юридических наук.

Information about the author:

L. A. Potapova – PhD in Law.

Статья поступила в редакцию 12.02.2025; одобрена после рецензирования 14.03.2025; принята к публикации 19.03.2025.

The article was submitted to the editorial office 12.02.2025; approved after reviewing 14.03.2025; accepted for publication 19.03.2025.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-102-113>

ОСОБЕННОСТИ ИЗМЕНЕНИЯ СИСТЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ОСНОВНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАДАЧИ – БОРЬБЫ С НЕМЕЦКО- ФАШИСТСКОЙ АГРЕССИЕЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)

Ирина Валентиновна Четвертакова¹

Наталья Викторовна Азарова²

^{1,2} Калужский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 248021, Россия, г. Калуга, ул. Московская, д. 256А

¹ i.chetvertakova@mail.ru

² tigress.nata@mail.ru

Аннотация

Актуальность темы связана с празднованием 80-й годовщины Победы. Новизна определяется освящением функциональных изменений, произошедших в системе исполнения наказаний в годы Великой отечественной войны. Цель работы: изучить функциональные изменения, произошедшие в системе исполнения наказаний в изучаемый период. В работе использованы общенаучные и специальные методы. Авторами сформулированы выводы о развитии проблем, существовавших до войны: недостаточная квалификация кадров, их нехватка, переполненность мест заключения, проблемы внутреннего режима и их последующее разрешение.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; система исполнения наказаний; заключенные; места заключения; штрафные подразделения; наказания, не связанные с лишением свободы.

Для цитирования: Четвертакова И. В., Азарова Н. В. Особенности изменения системы исполнения наказаний для реализации основной государственной зада-

чи – борьбы с немецко-фашистской агрессией в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 2. С. 102–113. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-102-113>

Research Article

FEATURES OF THE CHANGE IN THE SYSTEM OF EXECUTION OF PUNISHMENTS FOR THE IMPLEMENTATION OF THE MAIN STATE TASK – THE FIGHT AGAINST NAZI AGGRESSION – DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945)

Irina V. Chetvertakova¹

Natalia V. Azarova²

^{1,2} Kaluga Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice,
256A Moskovskaia St., Kaluga, 248021, Russia

¹ i.chetvertakova@mail.ru

² tigress.nata@mail.ru

Abstract

The relevance of the topic is connected with the celebration of the 80th anniversary of the Victory. The novelty is determined by the lack of knowledge of the penal system during the period under study. The results contribute to historical and legal science, creating the prerequisites for the study of this category. Purpose of the work: to study the functional changes that occurred in the penal system during the period under study. General scientific and special methods were used in the work. The authors formulated conclusions about the development of problems that existed before the war: insufficient qualifications of personnel, their shortage, overcrowding in places of detention, problems of the internal regime and their subsequent resolution.

Keywords: Great Patriotic War; penal system; prisoners; places of detention; penal units, punishments not related to imprisonment.

For citation: Chetvertakova I. V., Azarova N. V. Features of the Change in the System of Execution of Punishments for the Implementation of the Main State Task – The Fight Against Nazi Aggression – During the Great Patriotic War (1941–1945). *Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 2, pp. 102–113. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-102-113>

Введение

Великая Отечественная война явилась временем беспрецедентных испытаний для всего трудового народа и для советского государства. Для того, чтобы противостоять этим испытаниям, потребовалось переустройство государственного аппарата. Эти перемены не могли не затронуть и систему органов исполнения наказаний. В тот момент, когда все силы страны были мобилизованы на победу и встал вопрос об оптимизации системы наказаний. Прежде всего это касалось упрочнения системы охраны заключенных, эвакуации заключенных из районов боевых действий и прифронтовых районов и использования их для нужд трудового фронта.

1. Изменения учреждений исполнения наказаний, происходившие в первые месяцы войны

В первые месяцы войны наблюдается резкое сокращение мест заключения. С двух до чуть более одного миллиона сокращается число заключенных. Причиной этого становились территориальные потери Советского Союза в первые годы войн. Вместе с потерей территории происходила и утрата мест содержания заключенных [1]. В основном эвакуация мест исполнения наказаний происходила в первые годы войны. Мощности железнодорожного, водного и других видов транспорта были брошены для решения военных задач [2]. Основным способом эвакуации заключенных являлись пешие колонны. На местах приходилось решать вопросы расселения заключенных, обеспечения их питанием и одеждой. За частую, не хватало самого элементарного: одежды, предметов обихода, обмундирования. В качестве чрезвычайной меры использовалось сбор одежды с местного населения. Однако эти меры не находили поддержку у тюремного руководства. Администрация всячески стремилась предотвратить общение с местным населением [3]. Этот процесс ухудшил состояние заключенных в Зауральских районах и районах Средней Азии. 12 июля 1941 г. принимается указ Президиума Верховного Совета СССР, на основании которого заключенные разделялись на две категории: государственные преступники, преступники рецидивисты, в отношении которых ужесточались меры по содержанию заключенных [4]. Проблему попытались решить директивными методами. Путем создания контрольно-инспекционных отдела ГУЛАГа, в чьи задачи входили проверка исполнения в местах заключения постановлений партии и правительства и других нормативных актов, выявление нарушений в работе личного состава, контроль за организацией и состоянием заключенных и их трудовым использованием, за работой коммунально-бытовых объектов, медико-санитарной службы и состоянием культурно-воспитательной работы среди заключенных [5]. В отношении другой категории применялось досрочное освобождение. Под эту категорию попадали осужденные за нарушение трудового законодательства, женщины, малолетние преступники, инвалиды.

Практика применения приказа 12 июля 1941 г. освободила от наказания 260 тыс. человек. Среди них, женщины, мужья и дети которых находиться в действующей армии. Освобождались заключенные, призывного возраста осужденные до начала войны за корыстные и малозначительные должностные и хозяйственные преступления. В частности, специалисты сельского хозяйства и промышленности, вра-

чи, должностные лица советских учреждений и предприятий, колхозов и сельских советов. Освободили до 18 тыс. человек бывших военнослужащих, осужденных за такие воинские преступления, до начала войны, как самовольная отлучка, несвоевременная явка и другие. Среди освобожденных фигурировали артиллеристы, зенитчики, танкисты, радисты, автотехники, летчики, связисты [6].

2. Тенденции в исполнении наказаний, не связанных с лишением свободы

Помимо отбывания наказания уголовное законодательство Советского Союза предусматривало исполнение наказания, не связанного с лишением свободы. К ним относились: «предупреждение; общественное порицание; денежный штраф; запрет на занятие должности; высылка; принудительные работы; направление в штрафную часть; направление на фронт; лишение политических прав и др.» [7, с. 308–310]. В условиях военного времени, когда страна потеряла часть мест лишения свободы, а оставшаяся часть оказалась переполненной, наказания, не связанные с лишением свободы занимали существенную часть в приговорах судов [8]. Этой же причиной объясняется и существенное количество оправдательных приговоров [9, с. 334]. И если первоначально, практика досрочных освобождений применялась только на местностях, объявленных на военном положении, то с ноября 1941 г. она была распространена и на другие районы [6].

Не подлежали досрочному освобождению на основании указа Президиума Верховного Совета СССР от 24 ноября 1941 г. заключенные по национальности немцы, финны, румыны, венгры, итальянцы, латыши, эстонцы литовцы и этапированные из мест заключения прибалтийских республик [10].

При первой возможности в большинстве случаев досрочно-освобожденные отправлялись на фронт. Осенью 1941 г. список досрочно-освобожденных был расширен. В него включили осужденных военнослужащих. По разным данным, состав вооруженных сил Красной Армии пополнили от 10 до 25% досрочно осужденных, что составило чуть менее 1 млн человек [11]. Со временем меняется и тенденция использования заключенных. Первоначально из заключенных формировали штрафные подразделения, в последствии их стали использовать в частях участвующих в боевой разведке. 1944 г. изменил использование заключенных в боевых частях. Причиной этого послужили уголовные элементы, привносимые заключенными в вооруженные силы и сокращение потерь личного состава в последние годы войны [12].

3. Особенности кадровой политики мест заключения в период Великой Отечественной войны

Война внесла изменения не только в условия содержания заключенных, но и кадровый состав лиц, обслуживающих места содержания заключенных. Тюремная охрана имела кадровые проблемы еще до начала войны. Причинами далеко не полного состава количества сотрудников в местах заключения являлись отдаленность мест заключения от крупных городов, слабое материальное обеспечение сотрудников, непопулярность службы исполнения наказаний в народе. Война не только усилила эти проблемы, но и добавила новые [13, с. 127]. Одной из проблем являлось распространение среди сотрудников пораженческих настроений, провокацион-

ных слухов, пораженческие высказывания, соучастие в преступных деяниях заключенных. Для предотвращения подобных проявлений было усилена агентурная работа среди сотрудников, повышали количество осведомителей, выявлялись факты бытового разложения, аморальные поступки, нарушение порядка несения службы, факты нарушения приказов командиров, подозрительные связи с местным населением [14]. Сотрудники уголовно исполнительной системы подлежали мобилизации одними из первых, как имевшим опыт обращения с оружием. Кроме того, данные категории работников привлекались к охране стратегических объектов (военных предприятий, железных дорог, электростанций) [1]. Это сказалось на ужесточение кадровой политике. Прием, перемещение, назначение и увольнение работников на всех уровнях производился только с утверждения начальника Главного управления исправительно-трудовых лагерей [15]. Перевод части кадрового состава системы исполнения наказаний в действующие вооруженные силы не могло не повлиять на качество состава лиц, охраняющих осужденных. Нужно отметить, что он значительно ухудшился. Отмечалось недостаточное знания используемого оружия, отсутствие порядка в служебных помещениях, неудовлетворительный внешний вид и выправка личного состава [16]. Свою лепту внесла мобилизация больше половины кадрового состава уголовно-исполнительной системы. Им на замену набирались женщины, инвалиды, пенсионеры, лица, не имеющие опыт работы и слабо себе представляющие специфику работы с заключенными. На службу стали принимать сотрудников НКВД, находившихся ранее на оккупированных территориях, участвующие в партизанских отрядах с сохранением стажа, за исключением естественного перерыва, а время нахождения в партизанском отряде засчитывалось полностью [17]. Проблеме кадрового голода это не решило. Для решения этой проблемы стали привлекаться заключенные, осужденные за преступления малой тяжести. Численность такого персонала не должна была превышать двадцати процентов работников мест исполнения наказания. Их использовали для конвоирования других заключенных, правда им не доверяли оружия. Заключенные, использованные для охраны других заключенных, могли получить специальную форму. Эта форма устанавливалась самим лагерным руководством, исходя из имеющихся ресурсов, и отличалась от лагеря к лагерю [13, с. 127]. Заключенные использовались на административно-хозяйственных должностях, в медицинских учреждениях [18, с. 14]. К Использования заключенных в работе тюремной администрации привело к тому, что все внутренняя жизнь мест заключения, хозяйственная жизнь сосредотачивалась в руках криминальных авторитетов, администрация сосредоточила свои усилия на внешней охране заключенных. Так к 1945 г. бывших заключенных среди работников ГУЛАГа числилось 13 645 человек из бывших заключенных, из которых 70 человек числилось на начальствующих должностях [19]. Положение изменилось с улучшением обстановке на фронте. С 1943 г. начинают создаваться школы подготовки кадров для подготовки кадрового руководящего состава для мест лишения свободы [20]. Для этого производилась разработка учебных пособий, подбора учебных кадров, стимулировалась научная работа. Готовили руководящий оперативный состав, экспертов-криминалистов. Срок обучения вирировался от четырех-шести месяцев до двух лет [21]. В 1943 г. было организовано восемь школ, в 1944 – еще две [22].

4. Изменение режима содержания заключенных

Исправительно-трудовые лагеря (с общим, усиленным и строгими видами режимов) становятся основными видами наказания, связанными с лишением свободы. Этого становится недостаточно, и появляются лагеря для интернированных, лагеря для лиц, воевавших против нашей страны, лагеря для военнопленных, фильтрационные лагеря.

Независимо от тяжести совершенного преступления в местах лишения свободы вводился одинаковый для всех режим – строгий. Заключенные находились под усиленной охраной, увеличены нормы выработок труда заключенных, ограничивали доступ к печатным изданиям, фактически полностью отменялись свидания с родственниками, а также переписка с ними и перевод денежных средств. Усиления мер режима привело к значительному снижению количества побегов заключенных. Уменьшение побегов было связано и с изменениями, произошедшими в уголовном законодательстве. В уголовном праве произошло уменьшение количества контрреволюционных преступлений, но произошло увеличение преступлений, связанных с сотрудничеством с немецко-фашистскими захватчиками. Данные преступления были отнесены к юрисдикции военных трибуналов и в основном подразумевали высшую меру наказания.

Довоенные методы тюремной администрации по управлению заключенными путем разделения их на враждующие группировки и установления соперничества между ними оказываются неэффективными. Их место занимает усиление режима содержания заключенных. Над ними был установлен постоянный надзор. Контролировались как жилые, так и не жилые зоны нахождения заключенных. В местах заключения были учреждены специальные службы надзора, в чьи задачи входило сигнализировать о любых изменениях в настроениях заключенных, возросла ответственность администрации за любые чрезвычайные ситуации в местах отбывания наказания. Это привело к расширению политики привлечения заключенных к добровольному сотрудничеству с администрацией.

Одной из мер, дающих возможность направить деятельность мест заключения, на укрепление обороноспособности нашей страны являлось использование труда заключенных на возведение объектов, имеющих стратегическое значение и участие в работе оборонной промышленности. Трудовой день заключенных, занятых в военной промышленности, был увеличен до двенадцати часов, выходные и праздничные дни отменялись вовсе. Постановление Государственного комитета обороны от 22 августа 1941 г. выделяло заключенных и материальные ресурсы для организации в рамках НКВД Главного управления оборонительных работ. В качестве основной задачи данного управления было поставлено возведение оборонительных укреплений, использовались силы ГУОБР и для организации военного производства. Одной из задач системы исполнения наказания являлось хотя бы частичное восстановление военно-промышленного комплекса, потерянного на захваченных территориях. С этой целью образовывается Челябинский и Тагильский исправительно-трудовые лагеря, силами заключенных Норильского исполнительно-трудового лагеря строится горно-металлургический комбинат [13, с. 124]. Для восстановления страны использовались лица, признанные судом

за шпионаж и измену родине. С этой целью при Воркутинском и Норильском лагерях были образованы отделения каторжных работ на 30 тыс. человек. Заключенные этих отделений использовались на строительство угольных новых шахт, на подземных работах в старых шахтах, для работ на рудниках, карьерах и кирпичных заводах [23]. Осужденные к каторжным работам содержали отдельно от остальных лагерников в особых бараках с решетками на окнах. Бараки заключенных находились на запоре, охраняются стрелками и отделяются от остальных заключенных высоким забором. Осужденные к каторжным работам носят форму специального цвета с нашивкой номера заключенного. В течение первого года заключения каторжникам запрещалась переписка и получение премиальных денег. В последующем переписка и получение премиальных денег производилась с разрешения начальника лагеря. Питание и вещевое довольствие производились на общих основаниях. Продолжительность рабочего дня увеличивалась на один час. Осужденные выводились на работу под усиленным контролем. Осужденные к каторжным работам в течение первых двух лет использовались только в качестве разнорабочих, на неквалифицированном труде. В первую очередь назначаются на особо тяжкие работы.

Можно предположить, что занятость на военном производстве вело к послаблению тюремного режима, увеличению довольствия отбывающих наказание. Но документы показывают, что продуктивное снабжение таких заключенных было снижено на четверть, а то и на треть. Но и на эту сниженную долю продуктов питания, зачастую, не хватало. Рабочий день заключенных составлял двенадцать часов, а иногда и более. Медицинское обслуживание было минимальным или отсутствовало вовсе. Это привело к значительному, в два раза сокращению трудоспособных заключенных, по сравнению с довоенным уровнем [24]. Эта ситуация требовала исправления. Начиная с 1943 года наблюдаются существенные улучшения в содержании заключенных. Вопросы пополнения запасов продовольствия заключенных решались с помощью закупок у местного населения и организации огородов и животноводческого хозяйства в местах заключения. Нормы питания заключенных были повышены на законодательном уровне. Повышенное питание использовалось как метод стимуляции победителям социалистического соревнования, а также для поддержания заболевших заключенных. По отчетности Главного управления лагерей к концу войны более девяносто процентов заключенных, занятых на военном производстве, участвовали в социалистических соревнованиях. Понятно, что эти цифры отражают отчетность нижестоящих структур перед руководством, но тенденцию проследить можно. Заключенные, участвующие во стахановском движении, по тем же отчетам, выполняли полуторную норму. А около десяти процентов зарабатывали две и больше запланированных норм труда. Отказы от работ снизились в десять раз, по сравнению с довоенным периодом и составляли чуть более одной десятой процента от числа заключенных, занятых на военном производстве [13, с. 124]. Были уменьшены нормы выработки, они составили средние показатели для отрасли. Для коллективов заключенных, выполнявших план по нормам выработки, в качестве поощрения, предоставлялось до трех выходных в месяц. Трудности снабжения заключенных, в том числе, пытались разрешить с помощью вещевых

и продуктовых посылок от родственников. Напомним, что в течении 1941–1942 гг. получение этих посылок было приостановлено. Еще одной мерой по стимулированию труда заключенных, работающих на оборонных предприятиях, было разрешение переводить части трудового заработка родственникам. Заключенные, работающие на оборонных предприятиях, получили право, по окончании срока, остаться работать на данном предприятии, с сохранением должности, присвоением квалификации, медицинским обслуживанием. Стимулирование труда заключенных осуществлялось и посредством улучшения бытовых условий.

Последний год войны поставил перед системой исполнения наказания еще одну задачу – обеспечение разработки и добычи сырья для атомной промышленности.

Особый контингент заключенных составляли военнослужащие, побывавшие в плену или окружении противника. Для их содержания в конце 1941 г. были созданы Грязовецкий (в Вологодской области), Южский (в Ивановской области), Тамбовский, Ново-Анненский (Сталинградский) лагеря. Еще шесть лагерей было перепрофилировано для этой цели. Особенности режимов этих лагерей было проведение в отношении содержащихся в лагерях военнослужащих оперативно-разыскной работы с целью обнаружения прионов, изменников родины, дезертиров. В случае отсутствия таких сведений заключенные отправлялись на фронт [25]. В марте 1942 г. для содержания военнослужащих было добавлено еще четыре лагеря с общей численностью заключенных на 17 тыс. человек [26]. Чуть позже было добавлено еще два и увеличили численность на 10 тыс. заключенных [27].

С окончанием Второй мировой войны усложняется и состав заключенных в местах лишения свободы: военнослужащие, побывавшие в плену, сотрудничающие с немецко-фашистскими захватчиками, оккупационная администрация. Особую категорию заключенных, в последние годы войны, стали составлять военнопленные. Лагеря для них оформлялись, по типу лагерей, обслуживающие стройки и предприятия НКВД. Условия заключения соответствовали типовым требованиям НКВД СССР [28].

7 июля 1945 г. на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР была объявлена амнистия. Это позволило освободить места заключения на более чем более полумиллиона заключенных.

Заключение

Подводя итоги, можно сказать: органы уголовно-исправительной системы реализовывали те задачи, которые стояли перед всеми органами государственной власти и перед страной в целом в годы Великой Отечественной войны. Сотрудники принимали участие как в боях на передовой, так и в охране стратегически-важных объектов. Они участвовали в послевоенном восстановлении страны, обеспечивали законность и правопорядок в тылу, предотвращали диверсии и вредительство. Силами заключенных работали оборонные заводы, строились оборонительные сооружения, добывались полезные ископаемые, так необходимые для фронта. К системе исполнения наказания можно относиться неоднозначно, но пенитенциарные органы реализовывали все задачи, стоящие перед страной в этот сложный период.

Пристатейный библиографический список

1. Синкальская Я. В. Деятельность уголовно-исполнительной системы в годы Великой Отечественной войны // Вестник Кузбасского института. 2011. № 2 (5).
2. Циркуляр НКВД СССР от 28 июня 1941 г. № 30/6549/02 об эвакуации лагерей НКВД // ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 33. Л. 6-7.
3. Телефонграмма наркома внутренних дел УССР В. С. Рясного наркому внутренних дел СССР Л. П. Берии о командировании Управлением Беломорканала 12 человек в Черновицкую область для сбора одежды от 15 декабря 1944 г. // ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 2001. Л. 201.
4. Указ Президиума Верховного Совета от 12 июля 1941 г. «Об освобождении по некоторым категориям заключенных» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Положение о Контрольно-инспекторском отделе ГУЛАГ НКВД СССР от 12 мая 1943 г. // ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 684. Л. 398-399.
6. Письмо и.о. прокурора СССР Г. Н. Сафронова секретарю ЦК ВКП(б) от 4 ноября 1941 об освобождении некоторых категорий заключенных согласно указу Президиума Верховного Совета СССР от 12 июля 1941 г. «Об освобождении от наказания осужденных по некоторым категориям преступлений» // ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 37. Д. 539. Л. 2-6.
7. Пертли В. А. Исполнение наказаний без изоляции от общества в советский период отечественной истории // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 2.
8. Бородкин М. А., Степанова Д. Ю. Исполнение уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, во время Великой Отечественной войны // Гуманитарные научные исследования. 2019. № 5.
9. Кожевников М. В. История советского суда 1917–1956 гг. 2-е изд., испр. и доп. М. : Госюриздат, 1957.
10. Циркулярное письмо Прокуратуры СССР, НКВД ССР, Наркомюста СССР от 27 ноября 1941 г. о категориях заключенных и порядке их освобождения согласно указу Президиума Верховного Совета СССР от 24 ноября 1941 г. // ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 9. Д. 1331. Л. 53-57.
11. Яковлева О. Н. Особенности функционирования уголовно-исполнительной системы в годы Великой Отечественной войны // Вестник Кузбасского института. 2015.
12. Алексеев А. Е. Внутренние войска в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). СПб., 1995.
13. Уголовно-исполнительная система. 130 лет. М. : Юриспруденция, 2009.
14. Указание Оперативного отдела ГУЛАГ от 15 августа 1941 г. № 45/3531 о контрреволюционных проявлениях со стороны отдельных сотрудников военизированной охраны // ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 8. Д. 1. Л. 12-13.
15. Приказ НКВД СССР от 23 января 1942 г. № 00168 «Об упорядочение работы по кадрам лагерного сектора Управления исправительно-трудовых лагерей, строительства и УИТЛИК НКВД-УНКВД» // ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 643. Л. 122-123.
16. Указание ГУЛАГ от 4 июля 1942 г. № 42/369157 о недочетах в состоянии военизированной охраны // ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 2510. Л. 143.

17. Циркуляр НКВД СССР от 19 мая 1944 г. № 169 «О сохранении стажа работы сотрудникам НКВД, находящихся на оккупированной территории» // ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 716. Л. 33.
18. Земсков В. Н. Вклад заключенных ГУЛАГа в победу Великой Отечественной Войне // Новая и новейшая история. 1996. № 5.
19. Справка ГУЛАГ от 10 марта 1945 г. о засоренности кадров ГУЛАГ // ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 894. Л. 3.
20. Приказ НКВД СССР от 30 июля 1943 г. № 001314 с объявлением положения о школе начальствующего состава тюрем НКВД СССР // ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 669. Л. 211-218.
21. Приказ НКВД СССР от 10 августа 1943 г. № 001377 с объявлением положения о Высшей школе НКВД СССР // ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 671. Л. 128-137.
22. Справка учебного отделения Отдела кадров ГУЛАГ о проделанной работе в 1944 г. от 6 января 1945 г. // ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 888. Л. 180-182.
23. Приказ НКВД СССР от 11 июня 1943 г. № 00968 «Об организации отделений каторжных работ при исправительно-трудовых лагерях НКВД» // ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 662. Л. 219-222.
24. Доклад о работе Главного управления исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД СССР за годы Отечественной войны // ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 28-29. Л. 6.
25. Приказ НКВД СССР от 28 декабря 1941 г. № 001735 «О создании специальных лагерей для бывших военнопленных Красной Армии, находящихся в плену и окружении противника» // ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 611. Л. 551-555.
26. Приказ НКВД СССР от 7 марта 1942 г. № 00452 «О дополнительной организации лагерей специального назначения» // ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 636. Л. 6.
27. Приказ НКВД СССР от 16 марта 1942 г. № 00452 «О дополнительной организации лагерей специального назначения» // ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 636. Л. 144.
28. Записка заместителей наркома внутренних дел СССР В. В. Чернышова, А. П. Завенягина и начальника УПВИ НКВД СССР И. А. Петрова наркому внутренних дел СССР Л. П. Берии о направлении в Дальстрой военнопленных от 11 сентября 1944 г. // ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 2000. Л. 277.

References

1. Sinkalskaia Ia. V. Activities of the Penal System During the Great Patriotic War. *Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2011, no. 2 (5). (In Russ.)
2. Circular of the NKVD of the USSR of June 28, 1941 No. 30/6549/02 on the Evacuation of NKVD Camps. *State Archives of the Russian Federation*, f. r-9414, op. 1, d. 33, l. 6-7. (In Russ.)
3. Telephone Message from the People's Commissar of Internal Affairs of the Ukrainian SSR V. S. Riasny to the People's Commissar of Internal Affairs of the USSR L. P. Beria on the Dispatch by the White Sea Canal Administration of 12 People to the Chernivtsi Region to Collect Clothing Dated December 15, 1944. *State Archives of the Russian Federation*, f. r-9401, op. 1, d. 2001, l. 201. (In Russ.)

4. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of July 12, 1941 "On the Release of Certain Categories of Prisoners" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

5. Regulation on the Control and Inspection Department of the Gulag of the NKVD of the USSR of May 12, 1943. *State Archives of the Russian Federation*, f. r-9401, op. 1, d. 684, l. 398-399. (In Russ.)

6. Letter from Acting Prosecutor of the USSR G. N. Safronov to the Secretary of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) of November 4, 1941 on the Release of Certain Categories of Prisoners in Accordance with the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of July 12, 1941 "On the Release from Punishment of Those Convicted of Certain Categories of Crimes". *State Archives of the Russian Federation*, f. r-8131, op. 37, d. 539, l. 2-6. (In Russ.)

7. Pertli V. A. Execution of Punishments Without Isolation from Society in the Soviet Period of Russian History. *Gaps in Russian Legislation*, 2010, no. 2. (In Russ.)

8. Borodkin M. A., Stepanova D. Iu. Execution of Criminal Punishments Not Associated with Isolation from Society During the Great Patriotic War. *Humanitarian Scientific Research*, 2019, no. 5. (In Russ.)

9. Kozhevnikov M. V. History of the Soviet Court 1917–1956. 2nd ed. Moscow: Gosizdat, 1957. (In Russ.)

10. Circular Letter of the USSR Prosecutor's Office, NKVD SSR, People's Commissariat of Justice of the USSR Dated November 27, 1941 on the Categories of Prisoners and the Procedure for Their Release in Accordance with the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR Dated November 24, 1941. *Central Archives of the FSB RF*, f. 3, op. 9, d. 1331, l. 53-57. (In Russ.)

11. Iakovleva O. N. Features of the Functioning of the Penal System During the Great Patriotic War. *Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2015. (In Russ.)

12. Alekseev A. E. Internal Troops During the Great Patriotic War (1941–1945). St. Petersburg, 1995. (In Russ.)

13. Penal System. 130 Years. Moscow: Iurisprudentsiia, 2009. (In Russ.)

14. Instruction of the Operational Department of the Gulag Dated August 15, 1941 No. 45/3531 on Counterrevolutionary Manifestations on the Part of Individual Employees of the Paramilitary Security. *State Archives of the Russian Federation*, f. r-9401, op. 8, d. 1, l. 12-13. (In Russ.)

15. Order of the NKVD of the USSR of January 23, 1942 No. 00168 "On Streamlining the Work on Personnel of the Camp Sector of the Directorate of Correctional Labor Camps, Construction and UITLIK NKVD-UNKVD". *State Archives of the Russian Federation*, f. r-9401, op. 1, d. 643, l. 122-123. (In Russ.)

16. Gulag Instruction of July 4, 1942 No. 42/369157 on Shortcomings in the State of the Paramilitary Guard. *State Archives of the Russian Federation*, f. r-9414, op. 1, d. 2510, l. 143. (In Russ.)

17. Circular of the NKVD of the USSR of May 19, 1944 No. 169 "On Preserving the Work Experience of NKVD Employees Located in the Occupied Territory". *State Archives of the Russian Federation*, f. r-9401, op. 1, d. 716, l. 33. (In Russ.)

18. Zemskov V. N. The Contribution of Gulag Prisoners to the Victory of the Great Patriotic War. *Modern and Contemporary History*, 1996, no. 5. (In Russ.)

19. Gulag Certificate of March 10, 1945 on the Incompetence of Gulag Personnel. *State Archives of the Russian Federation*, f. r-9414, op. 1, d. 894, l. 3. (In Russ.)

20. Order of the NKVD of the USSR of July 30, 1943 No. 001314 Announcing the Regulations on the School for Commanding Staff of the NKVD of the USSR Prisons. *State Archives of the Russian Federation*, f. r-9401, op. 1, d. 669, l. 211-218. (In Russ.)

21. Order of the NKVD of the USSR of August 10, 1943 No. 001377 Announcing the Regulations on the Higher School of the NKVD of the USSR. *State Archives of the Russian Federation*, f. r-9401, op. 1, d. 671, l. 128-137. (In Russ.)

22. Certificate of the Training Department of the Gulag Personnel Department on the Work Done in 1944, of January 6, 1945. *State Archives of the Russian Federation*, f. r-9414, op. 1, d. 888, l. 180-182. (In Russ.)

23. Order of the NKVD of the USSR of June 11, 1943 No. 00968 "On the Organization of Hard Labor Departments at the NKVD Correctional Labor Camps". *State Archives of the Russian Federation*, f. r-9401, op. 1, d. 662, l. 219-222. (In Russ.)

24. Report on the Work of the Main Directorate of Correctional Labor Camps and Colonies of the NKVD of the USSR During the Patriotic War. *State Archives of the Russian Federation*, f. 9414, op. 1, d. 28-29, l. 6. (In Russ.)

25. Order of the NKVD of the USSR of December 28, 1941 No. 001735 "On the Establishment of Special Camps for Former Red Army Servicemen Who Are in Enemy Captivity and Encirclement". *State Archives of the Russian Federation*, f. r-9401, op. 1, d. 611, l. 551-555. (In Russ.)

26. Order of the NKVD of the USSR of March 7, 1942 No. 00452 "On the Additional Organization of Special-Purpose Camps". *State Archives of the Russian Federation*, f. r-9401, op. 1, d. 636, l. 6. (In Russ.)

27. Order of the NKVD of the USSR of March 16, 1942 No. 00452 "On the Additional Organization of Special-Purpose Camps". *State Archives of the Russian Federation*, f. r-9401, op. 1, d. 636, l. 144. (In Russ.)

28. Note by the Deputy People's Commissars of Internal Affairs of the USSR V. V. Chernyshov, A. P. Zaveniagin and the Head of the UPVI NKVD of the USSR I. A. Petrov to the People's Commissar of Internal Affairs of the USSR L. P. Beria on Sending Prisoners of War to Dalstroy on September 11, 1944. *State Archives of the Russian Federation*, f. r-9401, op. 1, d. 2000, l. 277. (In Russ.)

Сведения об авторах:

И. В. Четвертакова – кандидат юридических наук.

Н. В. Азарова – кандидат юридических наук.

Information about the authors:

I. V. Chetvertakova – PhD in Law.

N. V. Azarova – PhD in Law.

Статья поступила в редакцию 03.03.2025; одобрена после рецензирования 14.03.2025; принята к публикации 19.03.2025.

The article was submitted to the editorial office 03.03.2025; approved after reviewing 14.03.2025; accepted for publication 19.03.2025.

Научная статья

УДК 340.11

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-114-120>

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СТОРОНА ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБЛАСТИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО- ПРАВОВЫХ КОНФЛИКТОВ (НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ И ПРИКЛАДНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ)*

Василий Владиславович Трофимов¹

Юлиана Вадимовна Горюшина²

^{1,2} Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина,
392036, Россия, г. Тамбов, Россия, ул. Интернациональная, д. 33

¹ iptgutv@mail.ru

² calatrea@list.ru

Аннотация

На основе современной теории правотворчества, теории функций в праве, используя комплекс научных методов, в том числе метод структурно-функционального анализа, показаны пути решения проблемы возникающих в общественно-правовой жизни конфликтов. Отмечено, что органы прокуратуры, являясь субъектами правотворческой деятельности, при установлении в ходе осуществления своих полномочий необходимости совершенствования действующих нормативных правовых актов, в целях обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества, выступают связующим звеном между социально-незащищенными группами населения и властью, призванной создавать работоспособное, действующее в интересах государства и общества, личности позитивное право (законодательство). Делается вывод, что в указанном процессе правотворческого взаимодействия власти и общества реализуются социальная функция правотворчества, функция превенции социальных конфликтов и функция реагирования на социальные запросы.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00271, <https://rscf.ru/project/24-28-00271/>.

Ключевые слова: общественные отношения; конфликт; правотворчество; функции правотворчества; социальная функция; функция превенции социальных конфликтов; функция реагирования правотворчества на социальный контекст; прокуратура; участие прокуратуры в правотворчестве.

Для цитирования: Трофимов В. В., Горюшина Ю. В. Функциональная сторона правотворческой деятельности в области урегулирования социально-правовых конфликтов (некоторые аспекты теории и прикладной проблематики) // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 2. С. 114–120. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-114-120>

Research Article

THE FUNCTIONAL SIDE OF LAW-MAKING ACTIVITIES IN THE FIELD OF SETTLEMENT OF SOCIO-LEGAL CONFLICTS (SOME ASPECTS OF THEORY AND APPLIED PROBLEMS)*

Vasily V. Trofimov¹

Juliana V. Goryushina²

^{1,2} Tambov State University named after G. R. Derzhavin, 33 Internatsionalnaia St., Tambov, 392036, Russia

¹ iptgutv@mail.ru

² calatrea@list.ru

Abstract

Based on the modern theory of law-making, the theory of functions in law, using a set of scientific methods, including the method of structural and functional analysis, the ways to solve the problem of conflicts arising in social and legal life are shown. It is noted that the prosecutor's office, being subjects of law-making activity, when establishing, in the course of exercising their powers, the need to improve existing normative legal acts in order to ensure the protection of human and civil rights and freedoms, the legally protected interests of society, act as a link between socially vulnerable groups of the population and the government, designed to create a workable, positive law (legislation) acting in the interests of the state and society, the individual. It is concluded

* The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00271, <https://rscf.ru/project/24-28-00271/>.

that in this process of law-making interaction between the government and society, the social function of law-making, the function of preventing social conflicts and the function of responding to social demands are realized.

Keywords: public relations; conflict; law-making; law-making functions; social function; social conflict prevention function; law-making response function to the social context; prosecutor's office; prosecutor's office participation in law-making.

For citation: *Trofimov V. V., Goryushina Yu. V. The Functional Side of Law-Making Activities in the Field of Settlement of Socio-Legal Conflicts (Some Aspects of Theory and Applied Problems). Herald of the Russian Law Academy, 2025, no. 2, pp. 114–120. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-114-120>

Введение

Развитие человечества, государства неизбежно влечет столкновение различных интересов, смену устоявшихся отношений, зачастую эти процессы сопровождаются различного рода конфликтами. При этом разнообразны механизмы предотвращения возникновения конфликтов и пути разрешения уже образовавшихся спорных ситуаций. Сбалансированное правовое регулирование в зависимости от конкретно поставленной законодателем цели (дополнение преференций, расширение возможностей, увеличение льготных категорий граждан и организаций, т.е. расширение зоны действия режима льготирования, либо введение императивов, запретов, ограничений по участникам, возрасту, суммам, доходам и т.д.) позволяет стимулировать, либо нивелировать развитие тех или иных социальных отношений, не допуская образование конфликтов или обеспечив решение уже возникших. Воздействуя на наиболее значимые социальные конфликты через законодательное регулирование, посредством принятия, изменения, дополнения или отмены правовых норм, реализуются некоторые функции правовой системы в целом и системы правотворчества в частности (например, социальная функция, функция превенции социальных конфликтов и функция реагирования на социальные запросы).

Конфликтные ситуации в социально-правовой жизни складываются субъективно и объективно (конфликты, развитие которых зависит от самих участников, обусловлены их намерениями и осознанными действиями, и конфликты, которые происходят во многом помимо их сознания и воли). Последние (те, которые имеют объективную природу в силу действия неких факторов, обуславливающих противоречия нового и старого, индивидуального и коллективного, частного и публичного и пр.) принципиально могут быть разрешены главным образом путем принятия нормативно-правовых актов, внесения в них изменений, дополнений или отмены (например, в случае выявления чрезмерного, неактуального, нереализуемого или неэффективного правового регулирования и т. п.).

К причинам социально-правовых конфликтов, возникающих в правовом поле, могут быть отнесены и стремительно меняющиеся правовые нормы, меняющие устоявшиеся в обществе правоотношения, введение новых ограничений или ужесточение

ранее действовавших, коллизии права, отсутствие практики должной конкретизации базовых нормативных правовых актов (что порождает ситуации правовой неопределенности), различия федерального и регионального законодательства и т.д.

1. Конфликты и правотворчество

Сам конфликт, признаваемый динамическим типом социальных взаимоотношений, связанных с потенциально возможным или реальным столкновением социальных субъектов на почве тех или иных противоречиво осознаваемых предпочтений, интересов или ценностей, постоянно присутствующим и не поддающимся устранению, несет в себе положительную нормосоздающую функцию [1, с. 69–72]. Однако это не значит, что конфликты не должны быть контролируемы. Работа с конфликтами должна проводиться всеми компетентными субъектами, на всех структурных уровнях правовой системы (правотворчество, правоприменение, право-реализация, правовая идеология).

На то, что разрешение с помощью органов правотворчества, правоприменения (прежде всего судов) возникающих в социуме спорных (конфликтных) ситуаций (вопросов), начиная от самых незначительных и завершая «глобальными» с точки зрения масштаба и чрезвычайно агрессивными является одной из значимых функций правовой системы, акцентируется необходимое внимание [3, с. 101].

Функциональная сторона погашения и минимизации вытекающих из конфликтов отношений присуща не только в целом всей правовой системе, но и ее отдельным структурным компонентам, прежде всего, пожалуй, правотворчеству, поскольку правотворчество представляет собой «важнейшее средство управления обществом», а «уровень и культура правотворчества, соответственно и качество принимаемых нормативных актов, – это показатель цивилизованности и демократии общества» [2, с. 105]. В связи с этим данный функциональный настрой на предупреждение конфликтов в обществе правотворчества следует использовать по максимуму, в том числе реализуя ресурс сотворчества официальных непосредственных субъектов правотворческой деятельности с иными участниками осуществляемого правотворческого процесса (например, органами прокуратуры, субъектами гражданского общества, и др.).

Правотворчество – это деятельность прежде всего государственных органов по принятию, изменению и отмене юридических норм. В зависимости от субъектов правотворчество подразделяется на непосредственное правотворчество народа в процессе проведения референдума, правотворчество государственных органов, правотворчество отдельных должностных лиц, правотворчество органов местного самоуправления, локальное правотворчество, правотворчество общественных организаций [2, с. 105].

Данную деятельность следует рассматривать как сложную системную область, для которой характерно решение перманентных задач, выполнение целого комплекса различных функций, способствующих обеспечению стабильности общества через сбалансированный учет интересов всех социальных групп, определяющих недопущение или разрешение уже образованных в гражданском обществе конфликтов.

Не стоит оставлять без внимания и субъективные причины конфликтов, возникающих в ходе непосредственного взаимодействия индивидов, обладающих при этом схожими, типовыми чертами, для урегулирования которых органами публичной власти также должны включаться правотворческие механизмы, способные вырабатывать необходимые правовые формы, использование (применение) которых (в том числе в структурах правоприменения) будет обеспечивать разрешение конфликтных ситуаций.

Нередко посредством принятия ценности права, желания жить в соответствии с установленными нормами и правилами, и реализуя предоставленные им права, люди, сталкиваясь с некоторыми проявлениями агрессии, стремятся избегать необязательных столкновений (конфликтов) друг с другом. Поскольку такая степень развития общества присуща действительно социально направленному государству, то и выстроенная в указанном векторе позиция законодателя должна не только учитывать, но и гармонично сочетать, сглаживать все многообразие общественных интересов.

Важность применения законодателем технологий согласования интересов как составной части правотворчества подчеркивает в своих исследованиях В. И. Червонюк. Вполне обоснована позиция о том, что «согласование – это самый мирный, правовой способ цивилизованного снятия (разрешения) постоянно возникающих в стратифицированном обществе конфликтов», а принятый с использованием технологий согласования интересов «закон снимает социальную (иную) напряженность, действительно реально разрешает существующие конфликты» и совместно с правом предстает как «способ стабилизации и воспроизводства общественных отношений» [4, с. 41].

Разрешение конфликтов через призму правотворчества представляет собой согласованную работу всех субъектов правотворческой компетенции и выдает готовый продукт в виде изменений законодательства, изданных правовых позиций Верховного и Конституционного судов РФ, сформированных судебных прецедентов, разъяснений, писем, указаний федеральных органов исполнительной власти, правотворческих инициатив и т.д.

В частности, сигналы о ситуациях, несущих некую социальную напряженность, являющихся предвестником зреющих конфликтов, посредством анализа состояния законности, публикаций средств массовой информации, ранее принятых мер превентивного характера, либо с учетом комплексного подхода при проведении проверок, рассмотрении обращений граждан и т.д. реализуют органы прокуратуры.

2. Правотворческие полномочия прокуратуры и конфликты

Прокуратура Российской Федерации осуществляет надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина в целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства (см. ч. 1, 2 ст. 1 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-І «О прокуратуре Российской Федерации»). В рамках осуществления своих полномочий по участию в правотворческой деятельности, официально сотрудничая с субъектами правотворческой

деятельности, выполняя тем самым важный вклад в решение задачи по повышению социальной ориентированности правотворческих решений, их социальной зрелости и легитимности, прокурор при установлении в ходе осуществления своих полномочий необходимости совершенствования действующих нормативных правовых актов вправе вносить в законодательные органы и органы, обладающие правом законодательной инициативы, соответствующего и нижестоящего уровней предложения об изменении, о дополнении, об отмене или о принятии законов и иных нормативных правовых актов (см. ст. 9 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»).

К примеру, предложенный прокуратурой Тамбовской области законопроект об установлении административной ответственности за нарушение установленного законом области порядка (конкурсных процедур) при заключении договора о целевом обучении между органом местного самоуправления и гражданином с обязательством последующего прохождения муниципальной службы, рассмотрен и принят Тамбовской областной Думой. Закон Тамбовской области № 155-З «Об административных правонарушениях в Тамбовской области» дополнен ст. 29.5.2, предусматривающей за соответствующие нарушения установленного порядка наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от 5 тыс. до 10 тыс. руб. [5].

Проведенный прокуратурой мониторинг регионального законодательства на наличие пробелов правового регулирования совместно с выявленными в ходе надзорной деятельности нарушениями отдельных категорий граждан и последующей реализацией полномочия по внесению предложения о дополнении действующего регионального законодательства, демонстрирует пример проявления в комплексе функций правотворчества функции реагирования системы правотворческой деятельности на предложение прокурора и одновременно социальной функции правотворчества именно в целях предупреждения образования конфликтных ситуаций между отдельными категориями участников общественных отношений, а также между обществом и государством.

Заключение

Таким образом, система правотворчества как сложная деятельностная система влияет на социальную систему (воспринимая от нее сигналы на урегулирование конфликтов), выполняя присущие системе правотворческой деятельности функции, и чем слаженнее работа всех участвующих в этом процессе субъектов, тем стабильнее общественно-политические связи, стабильнее государственное развитие.

Пристатейный библиографический список

1. Адыгезалова Г. Э. Основы юридической конфликтологии и социологии права. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2017.
2. Социология права : словарь-справочник / авт.-сост.: В. В. Трофимов, А. В. Малько [и др.] ; отв. ред. В. В. Трофимов. Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2016.
3. Трофимов В. В. Компонентный состав правовой системы Российского государства и ее основные функциональные свойства // Правовая культура. 2023. № 4 (55).

4. Червонюк В. И. Механизм и закономерности правообразования (действия позитивного права) в современной России: юридическая конструкция и правовая реальность (в шести выпусках). Вып. 4 : Согласование интересов как метод правового регулирования и инновационный вид (тип) современных законодательных технологий // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 3.

5. Прокуратура Тамбовской области : сайт. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_68/mass-media/news/archive?item=91931782 (дата обращения: 12.02.2025).

References

1. *Adygezalova G. E. Fundamentals of Legal Conflictology and Sociology of Law.* Krasnodar: Kuban State University, 2017. (In Russ.)

2. *Trofimov V. V. (comp.); Trofimov V. V., Malko A. V. (eds.). Sociology of Law: Dictionary and Handbook.* Tambov: Publishing House of TSU named after G. R. Derzhavin, 2016. (In Russ.)

3. *Trofimov V. V. Component Composition of the Legal System of the Russian State and Its Main Functional Properties. Legal Culture*, 2023, no. 4 (55). (In Russ.)

4. *Chervoniuk V. I. Mechanism and Patterns of Law Formation (Action of Positive Law) in Modern Russia: Legal Construction and Legal Reality (in six issues). Iss. 4: Coordination of Interests as a Method of Legal Regulation and an Innovative Type of Modern Legislative Technologies. Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2013, no. 3. (In Russ.)

5. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_68/mass-media/news/archive?item=91931782 (date of the application: 12.02.2025). (In Russ.)

Сведения об авторах:

В. В. Трофимов – доктор юридических наук, доцент

Ю. В. Горюшина – кандидат экономических наук, доцент.

Information about authors:

V. V. Trofimov – Doctor of Law, Associate Professor.

Yu. V. Goryushina – PhD in Economics, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 13.01.2025; одобрена после рецензирования 13.02.2025; принята к публикации 19.03.2025.

The article was submitted to the editorial office 13.01.2025; approved after reviewing 13.02.2025; accepted for publication 19.03.2025.

Научная статья

УДК 340.11

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-121-130>

НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ МОМЕНТЫ В ПОНИМАНИИ МЕХАНИЗМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Егор Юрьевич Усольцев

Судебный участок № 1 Чановского судебного района Новосибирской области,
632201, Россия, Новосибирская область, р. п. Чаны,
ул. Братьев Желтиковых, д. 178
usoltsev_egor@bk.ru

Аннотация

Проблема понимания механизма правового регулирования остается актуальной для юридической науки на протяжении не одного десятилетия. Цель настоящего исследования состоит в оценке различных точек зрения относительно понятия и структуры механизма правового регулирования и в формировании на этой основе нового видения по данному вопросу. Для этого использовался широкий спектр методов познания, в том числе формально-юридический, системный и диалектический. В результате автором определены элементы и стадии механизма правового регулирования в том варианте, который им признан наиболее убедительным.

Ключевые слова: механизм правового регулирования; эффективность правового регулирования; реализация прав и обязанностей; правоприменение; защита субъективного права.

Для цитирования: Усольцев Е. Ю. Некоторые спорные моменты в понимании механизма правового регулирования // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 2. С. 121–130. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-121-130>

Research Article

SOME CONTROVERSIAL ISSUES IN UNDERSTANDING THE MECHANISM OF LEGAL REGULATION

Egor Yu. Usoltsev

Judicial Precinct No. 1 of the Chanovsky Judicial District of the Novosibirsk Region,
178 Brothers Zheltikov St., Novosibirsk Region, 632201, Russia
usoltsev_egor@bk.ru

Abstract

The problem of understanding the mechanism of legal regulation has remained relevant for legal science for more than a decade. The purpose of this study is to evaluate various points of view regarding the concept and structure of the mechanism of legal regulation and to form a new vision on this issue on this basis. To do this, a wide range of cognitive methods has been used, including formal legal, systemic and dialectical. As a result, the author defines the elements and stages of the mechanism of legal regulation in the version that he considers the most convincing.

Keywords: mechanism of legal regulation; effectiveness of legal regulation; realization of rights and obligations; law enforcement; protection of subjective right.

For citation: *Usoltsev E. Yu. Some Controversial Issues in Understanding the Mechanism of Legal Regulation. Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 2, pp. 121–130. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-121-130>

Введение

Механизм правового регулирования является одной из ключевых категорий правовой науки. В этом смысле все остальные оперируемые юриспруденцией понятия соотносятся с ним как часть и целое. Исключением лишь является «правовая система», имеющая более широкое смысловое наполнение.

Механизм правового регулирования «позволяет фиксировать трудности и формулировать проблемы правового регулирования в современном обществе, развивать теорию правового регулирования, оценивать динамику национальных юридических практик и правовых форм международных отношений» [1, с. 90]. Кроме того, при помощи данной правовой конструкции можно проанализировать во взаимосвязанном положении такие важные для любого юриста понятия, как норма права, правоотношение, юридический факт, правосознание, правоприменение и т.д. Практическое же значение исследования механизма правового регулирования за-

ключается в возможности наблюдения за его элементами в состоянии динамики и применительно к конкретным жизненным ситуациям, что позволяет обнаруживать недостатки правовой системы, в том числе действующего законодательства, и вырабатывать эффективные способы и средства их преодоления.

Широкое распространение представлений о воздействии права на общественную жизнь в отечественной юриспруденции относится ко второй половине XX в., о чем свидетельствуют работы таких ученых-правоведов, как Н. Г. Александров [2], В. М. Горшенев [3], Б. В. Шейндлин [4], Л. С. Явич [5] и др. В то же время «идея правового регулирования и понятие «механизм правового регулирования» появились не на пустом месте, а в рамках определенной научной традиции» [1, с. 102], которая сложилась, как минимум, в начале XX в. Однако большинство высказываний дореволюционных авторов «не имеет терминологической определенности, применяется контекстуально и не связано с содержательными основаниями» [Там же]. Первым же комплексным исследованием в данном направлении является монография проф. С. С. Алексеева «Механизм правового регулирования в социалистическом государстве», опубликованную в 1966 г., в которой механизм правового регулирования исследуется с применением системного подхода, что в указанный период времени качественно отличалось от других научных изысканий. Именно С. С. Алексеев положил начало современному пониманию механизма правового регулирования.

1. Понятие и структура механизма правового регулирования

Механизм правового регулирования проф. С. С. Алексеев определил как «взятую в единстве всю совокупность юридических средств, при помощи которых обеспечивается правовое воздействие на общественные отношения» [6, с. 30]. При этом проф. А. П. Семитко справедливо отмечает, что С. С. Алексеев в механизме правового регулирования видит «не простую (суммативную) совокупность, а органическое системное образование, т.е. единую, целостную динамическую систему, поведение которой подчинено достижению цели активного воздействия права на общественные отношения, необходимого для их упорядочения, урегулирования» [7, с. 115]. По мнению С. С. Алексеева, механизм правового регулирования можно одновременно рассматривать и с точки зрения эффективности правового воздействия на общество и как отдельные средства правового воздействия, взятые в единстве, а также с позиции деятельности компетентных государственных органов и общественных организаций [6, с. 30]. При этом необходимо иметь в виду, что понятие «правовое воздействие» шире «правового регулирования», поскольку подразумевает влияние на общественные отношения не только при помощи специально-юридических средств, но и формационно-психологических, социальных, воспитательных и др. [10, с. 372].

Представители саратовской правовой школы также придерживаются инструментального подхода в понимании рассматриваемой категории. Так, для проф. А. В. Малько, механизм правового регулирования – «это система правовых средств, организованных наиболее последовательным образом в целях преодоления препятствий, стоящих на пути удовлетворения интересов субъектов права» [8, с. 726].

Таким образом, основная задача механизма состоит в обеспечении беспрепятственной реализации управомоченными лицами принадлежащих им интересов, чему мешают недостатки правоприменения, коллизионность юридических норм, пробельность законодательства, правонарушения различной отраслевой принадлежности и проч. При этом препятствовать субъекту в достижении своего интереса может не только то, что присутствует в правовом регулировании, но и то, что отсутствует [Там же]. Надо полагать, что к такому рода препятствий относится, к примеру, отсутствие в законодательстве указания на «решающий» юридический факт или на обязанность должника и подлежащих применению к нему мер ответственности в случае ненадлежащей ее исполнения. «Механизм правового регулирования как раз и есть такая система правовых средств, которая позволяет наиболее последовательно и юридически гарантированно бороться с препятствиями, ибо отдельно взятые юридические инструменты этого в полной мере обеспечить не могут» [Там же]. По мнению проф. В. Л. Кулапова, механизм правового регулирования представляет собой взятую в единстве систему правовых средств, осуществляющих всестороннее регламентирование поведения физических и юридических лиц в процессе реализации общественно полезных результатов. Значение механизма правового регулирования состоит в том, что он обеспечивает всестороннее влияние права на общественные отношения и поведение правовых субъектов, демонстрирует эволюцию права и особенности его функционирования, а также обозначает реальные функции и возможности всех элементов правовой действительности, включая внешние связи с различными правовыми явлениями и категориями [9, с. 365–369].

Среди других выделяется точка зрения проф. В. М. Сырых, согласно которой механизм правового регулирования состоит из юридического и социального механизма и к последнему относятся социальные факторы, оказывающие влияние на нормы права и другие правовые явления, состоящие с ними в причинно-следственной связи [11, с. 84–85]. Однако социальные факторы скорее являются элементом правового воздействия, а не механизма правового регулирования, что в большей степени соответствует сложившейся в юридической науке традиции.

Основные черты механизма правового регулирования: а) государственный характер, поскольку он реализуется посредством правил, санкционируемых государством, и обеспечивается силой государственного принуждения; б) наличие определенных границ воздействия на общественные отношения; в) осуществление с помощью системы правовых средств и методов, таких как запреты и дозволения, императивные и диспозитивные и пр. При этом его функцией является «не только регулирование уже имеющихся общественных отношений, но и способствование появлению новых, в которых заинтересовано государство и общество» [12].

Проф. С. С. Алексеев в механизме правового регулирования выделяет три стадии:

1) стадию общего действия юридических норм (на ней определяется содержание поведения субъектов и условий возникновения их прав и обязанностей);

2) стадию возникновения субъективных прав и обязанностей (правоотношения) (на данной стадии субъекты при наличии соответствующих юридических фактов наделяются правами и обязанностями);

3) стадию реализации прав и обязанностей (здесь права и обязанности воплощаются в жизнь, претворяются в фактическом поведении субъектов).

Каждой стадии соответствует элемент механизма правового регулирования: первой стадии – юридические нормы (нормативная основа); второй стадии – субъективные права и обязанности (правоотношение); третьей стадии – акты реализации прав и обязанностей.

Кроме того, по мнению ученого, к основным элементам относятся акты правоприменения, выражающие государственно-принудительное, индивидуализированное действие механизма правового регулирования, а общее значение в механизме имеют правосознание и законность, которые выступают в качестве его основы (стержня). Все другие правовые явления (нормативные акты, акты толкования права, юридическая техника, правовая ответственность и пр.) примыкают к основным звеньям механизма, т.е. имеют второстепенное значение [13, с. 153].

Относительно элементов механизма правового регулирования в правовой доктрине имеются и другие мнения. Так, например, проф. В. Д. Перевалов элементами механизма называет правосознание и режим законности [14, с. 397], а проф. Л. П. Рассказов к элементам механизма относит юридический факт (юридический состав) [15, с. 450]. В то время как С. С. Алексеев юридический факт в таком качестве не рассматривает. Вместе с тем именно юридический факт определяет условия, при наступлении которых лица наделяются правами и обязанностями. И если следовать логике С. С. Алексеева, этот элемент находится где-то между первой и второй стадией механизма правового регулирования, поскольку с возникновением события или действия, признаваемого юридическим фактом, нормы права как-бы оживают и механизм правового регулирования приводится в движение посредством реализации субъективных прав и обязанностей. Поэтому обоснованно говорить о существовании еще одной стадии механизма правового регулирования, элементом которой будет выступать юридический факт (или юридический состав).

2. Реализация прав и обязанностей как основная стадия механизма правового регулирования

С практической точки зрения наибольший интерес в механизме правового регулирования вызывает стадия реализации прав и обязанностей: на ней право претворяется в жизнь, т.е. происходит наполнение поведения участников общественных отношений юридическим содержанием, в результате чего зарождается правоотношение. Именно здесь осуществляется правовое регулирование в собственном смысле слова.

Формами реализации права выступают соблюдение, исполнение и использование. При соблюдении лицо воздерживается от совершения действий, запрещенных юридическими предписаниями, т.е. правореализация в этом случае происходит вследствие надлежащего исполнения пассивных обязанностей. Исполнение права, напротив, выражается в активном поведении, направленном на исполнение возложенных на субъекта обязанностей. Использование имеет место, когда лицо осуществляет предусмотренные для него нормами-дозволениями возможности. Использование также является активной формой правореализации.

Чаще всего процесс реализации прав и обязанностей запускают сами правообладатели. Так, например, чтобы осуществить гражданину право на удовлетворение потребности в виде прочтения книги, достаточно принять условия публично выраженной оферты по ее продаже, уплатить продавцу ее стоимость и физически забрать ее у продавца, т.е. совершить юридически значимые действия, порождающие права и обязанности и направленные на конкретный правовой результат. Как указывает В. В. Груздев (правда, применительно лишь к гражданско-правовой сфере), юридический акт реализации субъективных прав и обязанностей как элемент механизма правового регулирования имеет целью не движение, а осуществление прав и исполнение обязанностей. Он совершается субъектом на определенных условиях, упорядочивая свое поведение и (или) поведение других лиц, попадающих в сферу его правового влияния. Тем самым конкретизируются диспозитивные нормы относительно реализации прав и обязанностей, возникающих из какого-либо юридического факта [16, с. 17, 41]. Такая правореализация является непосредственной [13, с. 161].

Однако в некоторых случаях для запуска правореализационного процесса недостаточно лишь активности управомоченного лица. Для этого требуется вмешательство компетентного органа государственной власти или местного самоуправления – правоприменителя, который «на основе своих государственно-властных полномочий осуществляет индивидуальное регулирование общественных отношений... Такое индивидуальное регулирование носит поднормативный характер. Оно производится на основе юридических норм, в пределах, формах и направлениях, установленных ими. Его задача – главным образом конкретизирующая – урегулировать, решить такие вопросы, которые нецелесообразно, а то и невозможно заранее предусмотреть в юридических нормах...» [13, с. 166]. Так, для возникновения прав и обязанностей супругов необходима регистрация брака в органах ЗАГС (ст. 10 Семейного кодекса РФ), а для получения наследства безвестно отсутствующего гражданина требуется судебное решение об объявлении его умершим (ст. 45 Гражданского кодекса РФ). Такая реализация прав может быть обозначена как правоприменительная [13, с. 161], а соответствующий ей элемент механизма правового регулирования – правоприменительный акт.

Несмотря на самую тесную связь между понятиями «реализация права» и «правоприменение», проф. С. С. Алексеев не признает за последним значение разновидности первого (наряду с исполнением, использованием и соблюдением). По его мнению, «социальное и юридическое своеобразие государственно-властной деятельности в движении механизма правового регулирования настолько значительно, что необходимо сначала разграничить непосредственную и правоприменительную реализацию права и лишь затем выделять три ее формы: соблюдение, исполнение и использование» [13, с. 165]. Данный вывод безупречен, но лишь применительно к гражданско-правовому типу регламентации, где частная инициатива превалирует над государственно-властными указаниями, и тогда участие специально уполномоченного правоприменителя в процессе реализации субъективного права можно признать дополнительной (необязательной) стадией механизма правового регулирования. При этом нужно отметить, что даже здесь имеются

сферы, регулирование в которых немыслимо без принятия правоприменительного акта (например, невозможно банкротство юридического или физического лица без вынесения соответствующего судебного решения). Если же говорить про публичные отрасли права (административное, налоговое, уголовное и пр.), правоприменительный акт (постановление следователя, решение налогового органа и пр.) в них вообще является обязательным элементом правового регулирования. Безусловно, вопрос об отнесении правоприменения к стадии реализации прав и обязанностей или отведении ему самостоятельной роли в механизме правового регулирования является дискуссионным и требует дополнительной научной проработки. Вместе с тем если рассматривать его со структурно-функциональной позиции, учитывая нацеленность правореализации и правоприменения на один и тот же результат – перевод бездыханной материи права в практическую плоскость (в реальное поведение участников правоотношений), то более обоснованно признать правоприменение составной частью реализации субъективных прав и юридических обязанностей, которой может завершаться данный процесс независимо от его формы. С этой точки зрения правоприменение является факультативной подстадией правореализации, а соответствующий ей элемент – организационно-исполнительный акт.

В доктрине также встречаются мнения о наличии в механизме правового регулирования еще одной стадии – защиты нарушенного субъективного права, которая носит дополнительный характер, поскольку возникает лишь при конфликтах, когда субъект совершил правонарушение либо уклонился от исполнения возложенной на него обязанности [8, с. 731–732; 12]. Особенность данного этапа в том, что применять право в форме его защиты могут только уполномоченные на то должностные лица и государственные органы (как правило, суды) и в строго установленной законом процессуальной форме. «Она вступает в действие... когда на помощь неудовлетворенному интересу должна прийти соответствующая правоприменительная деятельность» [8, с. 731]. В таких случаях возникают правоохранительные правоотношения, а реализация прав и обязанностей осуществляется посредством принятия охранительного правоприменительного акта, который и является элементом механизма правового регулирования на рассматриваемой стадии [8, с. 732]. Исходя из целеполагания субъективного права – достижение его обладателем заложенного в нем интереса, которая в случае нарушения права, не может быть достигнута иным путем, кроме как, через обращение в компетентное государственное учреждение, защиту субъективного права, также как и правоприменение, необходимо признать частью процесса правореализации, которой могут, но не обязательно, завершаться соблюдение, исполнение или использование.

Заключение

Понимание механизма правового регулирования, несмотря на высокую частоту использования данного термина в научном обиходе, на сегодняшний день остается весьма дискуссионным. Позиции ученых главным образом расходятся относительно роли и места в структуре механизма правового регулирования правоприменения и защиты субъективного права, а также возможности выделения

в качестве самостоятельного его элемента юридического факта (состава). И такая полемика вызвана прежде всего тем, что дефиниции и характеристики, относящиеся к механизму правового регулирования, являются исключительно доктринальными, что само по себе означает их вариативность и спорность.

Эффективность правового регулирования представляет собой соотношение между результатом реализации правовых норм и стоящими перед ними целями. Если установленные законодательством предписания реализовались в правомерном поведении, то тогда можно говорить, что механизм правового регулирования сработал эффективно. При этом условиями его эффективности являются устойчивость системы правового регулирования, ее относительная непротиворечивость и беспробельность, рациональность структуры механизма правового регулирования, его гибкость и слаженность действия, а также качество отдельных его элементов [10, с. 378].

Для выявления и устранения пробелов, коллизий, анахронизмов и иных недостатков в правовом регулировании, которые естественным образом снижают или вовсе нивелируют эффективность воздействия права на общественные отношения, требуется детальное рассмотрение всех структурных элементов механизма правового регулирования: нормы права, юридического факта (или фактического состава), правоотношения, акта реализации прав и обязанностей, правоприменительного акта (организационно-исполнительного или охранительного) в состоянии динамики, т.е. в процессе последовательно сменяющих друг друга стадий, каждой из которых характерен свой набор правовых средств. При этом основными научными подходами для исследования механизма правового регулирования, как наиболее общей правовой категории, являются системный и диалектический, позволяющие рассматривать его стадии и элементы в развитии, взаимосвязи и взаимообусловленности.

Пристатейный библиографический список

1. *Тарасов Н. Н.* Механизм правового регулирования: становление понятия // Российский юридический журнал. 2020. № 5 (134).
2. *Александров Н. Г.* Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М. : Госюриздат, 1961.
3. *Горшенев В. М.* Участие общественных организаций в правовом регулировании. М. : Госюриздат, 1963.
4. *Шейндлин Б. В.* Сущность советского права. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1959.
5. *Явич Л. С.* Новая книга по общей теории советского права // Советское государство и право. 1962. № 4.
6. *Алексеев С. С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М. : Юрид. лит., 1966.
7. *Семитко А. П.* Механизм правового регулирования С. С. Алексеева как реализация системного подхода // Вестник гуманитарного университета. 2019. № 4 (27).
8. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М. : Юрист, 2006.

9. Кулапов В. Л. Проблемы теории государства и права : учебное пособие. Саратов : Саратовская гос. академия права, 2009.
10. Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Норма ; ИНФРА-М, 2024.
11. Социология права : учебник / под ред. В. М. Сырых. М. : Юстицинформ, 2004.
12. Кущенко А. А. Механизм правового регулирования: понятие, признаки и элементы // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 2.
13. Алексеев С. С. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 3 : Проблемы теории права : курс лекций. М. : Статут, 2010.
14. Перевалов В. Д. Теория государства и права : учебник для бакалавров. М. : Юрайт, 2012.
15. Рассказов Л. П. Теория государства и права: углубленный курс : учебник. М. : РИОР ; ИНФРА-М, 2015.
16. Груздев В. В. Автономное гражданско-правовое регулирование : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Курск, 2022.

References

1. Tarasov N. N. The Mechanism of Legal Regulation: The Formation of the Concept. *Russian Law Journal*, 2020, no. 5 (134). (In Russ.)
2. Aleksandrov N. G. Law and Legality in the Period of Extensive Construction of Communism. Moscow: Gosiurizdat, 1961. (In Russ.)
3. Gorshenev V. M. Participation of Public Organizations in Legal Regulation. Moscow: Gosiurizdat, 1963. (In Russ.)
4. Sheindlin B. V. The Essence of Soviet Law. Leningrad: Leningrad University Publishing House, 1959. (In Russ.)
5. Iavich L. S. New Book on the General Theory of Soviet Law. *Soviet State and Law*, 1962, no. 4. (In Russ.)
6. Alekseev S. S. The Mechanism of Legal Regulation in a Socialist State. Moscow: Iuridicheskaya literatura, 1966. (In Russ.)
7. Semitko A. P. The Mechanism of Legal Regulation of S. S. Alekseev as the Implementation of a Systems Approach. *Bulletin of Humanitarian University*, 2019, no. 4 (27). (In Russ.)
8. Matuzov N. I., Malko A. V. (eds.). Theory of State and Law: Course of Lectures. Moscow: Iurist, 2006. (In Russ.)
9. Kulapov V. L. Problems of the Theory of State and Law: Textbook. Saratov: Saratov State Academy of Law, 2009. (In Russ.)
10. Morozova L. A. Theory of State and Law: Textbook. 6th ed. Moscow: Norma; Infra-M, 2024. (In Russ.)
11. Syrykh V. M. (ed.). Sociology of Law: Textbook. Moscow: Iustitsinform, 2004. (In Russ.)
12. Kushchenko A. A. Mechanism of Legal Regulation: Concept, Features and Elements. *State Power and Local Self-Government*, 2024, no. 2. (In Russ.)
13. Alekseev S. S. Collected Works. In 10 vols. Vol. 3: Problems of the Theory of Law: Lecture Course. Moscow: Statut, 2010. (In Russ.)

14. *Perevalov V. D.* Theory of State and Law: Textbook for Bachelors. Moscow: Iurait, 2012. (In Russ.)
15. *Rasskazov L. P.* Theory of State and Law: Advanced Course: Textbook. Moscow: Rior; Infra-M, 2015. (In Russ.)
16. *Gruzdev V. V.* Autonomous Civil-Law Regulation: Synopsis of a Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Kursk, 2022. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Е. Ю. Усольцев – кандидат юридических наук, мировой судья.

Information about the author:

E. Yu. Usoltsev – PhD in Law, Justice of the Peace.

Статья поступила в редакцию 12.11.2024; одобрена после рецензирования 23.12.2024; принята к публикации 19.03.2025.

The article was submitted to the editorial office 12.11.2024; approved after reviewing 23.12.2024; accepted for publication 04.02.2025.

Научная статья

УДК 340+304.4

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-131-139>

ТРАДИЦИОННЫЕ РОССИЙСКИЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Яна Константиновна Чепенко¹

Александра Игоревна Галактионова²

^{1,2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)

Университета прокуратуры РФ, 191104, Россия, г. Санкт-Петербург,
Литейный проспект, д. 44

¹ chepenko55@mail.ru

² galalexandra@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена проблеме определения национальной идеи Российской Федерации как идеологической основы ее государственности. Целью настоящей статьи является раскрытие понятия «национальная идея» применительно к Российской Федерации, определение значения традиционных российских духовно-нравственных ценностей для российской государственности. При проведении исследования были использованы формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы. Новизна статьи заключается в установлении связи традиционных российских духовно-нравственных ценностей с «национальной идеей» государства, подтверждении объективности существования идеологических основ общества с помощью примеров их практической реализации. В результате исследования была подчеркнута важность традиционных российских духовно-культурных ценностей как составляющих российскую национальную идею и раскрыт аспект ее реализации в форме национальных проектов Российской Федерации.

Ключевые слова: идеология; национальная идея; традиционные российские духовно-нравственные ценности; национальные проекты.

Для цитирования: Чепенко Я. К., Галактионова А. И. Традиционные российские духовно-нравственные ценности как национальная идея Российской Федерации // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 2. С. 131–139. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-131-139>

Research Article

TRADITIONAL RUSSIAN SPIRITUAL AND MORAL VALUES AS THE NATIONAL IDEA OF THE RUSSIAN FEDERATION

Yana K. Chepenko¹

Alexandra I. Galaktionova²

^{1,2} St. Petersburg Law Institute (Branch) of University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 44 Liteynyi Ave., St. Petersburg, 191104, Russia

¹ chepenko55@mail.ru

² galalexandra@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the problem of defining the national idea of the Russian Federation as the ideological basis of its statehood. The purpose of this article is to reveal the concept of “national idea” in relation to the Russian Federation, to determine the importance of traditional Russian spiritual and moral values for the Russian state. During the research, formal legal, systemic and comparative legal methods were used. The novelty of the article lies in establishing the connection of traditional Russian spiritual and moral values with the “national idea” of the state, confirming the objectivity of the existence of the ideological foundations of society with the help of examples of their practical implementation. As a result of the research, the importance of traditional Russian spiritual and cultural values as components of the Russian national idea was emphasized and the aspect of its implementation in the form of national projects of the Russian Federation was revealed.

Keywords: ideology; national idea; traditional Russian spiritual and moral values; national projects.

For citation: Chepenko Ya. K., Galaktionova A. I. Traditional Russian Spiritual and Moral Values as the National Idea of the Russian Federation. *Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 2, pp. 131–139. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-131-139>

Введение

Идеология – это система взглядов и убеждений, отражающих восприятие конкретной группой людей окружающей социальной действительности, их отношение к ней, а также интересы, цели и намерения относительно устройства этой действительности. Соответственно, государственная идеология моделирует такой общественный и государственный порядок, достижение которого является целью политики данного государства. Статья 13 Конституции РФ гласит, что в нашей стране признается идеологическое многообразие и никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной [1]. Это означает юридическое отсутствие государственной идеологии, но может ли государство фактически обходиться без нее? Так, например, М. В. Грицюк отмечает, что «государство не может существовать без некоторой совокупности идей, которые определяют вектор его развития. Именно совокупность идей и ценностей, составляет приоритеты государственного развития и вытекающие из них цели и задачи» [2, с. 28]. Эта мысль раскрывается А. М. Цалиевым, который констатирует, что из признания идеологического многообразия не следует вывод о запрете государственной идеологии [3, с. 84]. Оно скорее означает отрицание единственной обязательной официальной идеологии как инструмента принуждения [3, с. 86].

1. Объективность существования «национальной идеи» в российском обществе и ее закрепление в Конституции РФ

История России доказывает, что наша страна никогда не развивалась в отрыве от национальных идей, которые задавали направления внутренней и внешней политики. Например, теории «Москва – третий Рим», «православие, самодержавие, народность», славянофильство, затем – коммунизм. Следует учесть, что Конституция 1993 г. принималась в условиях жесточайшего политического кризиса. Сегодня, когда прочность федеральной власти не ставится под сомнение, остро стоит вопрос о необходимости государственной идеологии в России. Сегодня ставится под сомнение целесообразность запрета идеологии [4], поскольку без основополагающей идеи государственное единство неизбежно должно разрушиться, а само государство – попасть в зависимость от пагубного влияния извне. Тем не менее Российская Федерация на данный момент успешно справляется со стоящими перед ней задачами, и это обусловлено тем, что в любом обществе так или иначе существует некая совокупность ценностей, служащих ориентиром для принятия стратегических и тактических решений, при этом не ущемляющих права и свободы отдельных социальных групп, а выражающих стремление к общему благу. Поэтому важно отграничить понятие идеологии как классовой категории (коммунизм, фашизм и др.) и понятие идеологии как «национальной идеи», выражающей общечеловеческие ценности. Национальная идея, по мнению В. А. Тихоновой, – это «консолидирующая духовная сила, способствующая гармонизации интересов народа и государства»; ее источник кроется в культурно-исторических основах общества, определяющих самосознание народа, целостность его духовной среды и составляющих особенности его менталитета [5, с. 8].

Несмотря на отсутствие прямого нормативного указания, большинство ученых склоняются к признанию основным источником закрепления национальной идеи

Конституцию РФ. «Не возникает сомнений в том, что идеология является основой построения всей системы конституционных принципов и норм, она производит определяющее воздействие на организацию и функционирование взаимодействия важнейших институтов государства и общества» [6, с. 48]. Так, Е. Б. Абакумова характеризует некоторые положения отечественной Конституции как идеологические. Присутствие определенных постулатов в основном законе «демонстрирует идеальные для конкретной страны модели системы общественных отношений, форм «сцепления» устоев социума и устройства государства» [7, с. 52]. Анализируя преамбулу Конституции, можно назвать те идеалы, во имя которых она принималась, а значит, во имя которых было начато строительство новой российской государственности: «права и свободы человека», «гражданский мир и согласие», «государственное единство», «любовь и уважение к Отечеству», «вера в добро и справедливость» [1]. Эти категории и являются «фундаментом» российской национальной идеи и получают свое развитие уже в следующих главах Конституции.

Глава об основах конституционного строя составляет «каркас» национальной идеи, так как содержит совершенную модель государства, к которой необходимо стремиться. То, что содержащиеся в ней статьи не отражают фактическое положение, а декларируют принципы, цели государственного развития, подтверждает формулировка о том, что Россия – правовое государство. Как известно, в мире еще ни одно государство не сумело осуществить на практике все положения теории правового государства, но многие закрепили это в основных законах как идейное начало, «базис» для определения направлений их развития. К тому же большинство конституций, включая российскую, всегда принимаются на перспективу. Парадоксально, но запрет официальной идеологии – это тоже идеология; идеология «отсутствия идеологии» [2, с. 26]. Это один из принципов, составляющих национальную идею, так же, как и демократизм, разделение властей, социальное государство, светское государство, единство экономического пространства и другие.

Определяющей смысл и содержание всех российских законов считается статья 2 Конституции РФ, провозглашающая человека, его права и свободы высшей ценностью. Не случайно глава Конституции о правах и свободах следует сразу за первой (об основах конституционного строя), что подчеркивает важное значение прав и свобод в российском обществе. Закрепление прав и свобод – не просто детерминация меры возможного поведения, но и способ выражения конкретных ценностей.

Особую роль в формировании современной российской национальной идеи сыграла конституционная реформа 2020 г. Так, А. А. Романов относит к идеологическим поправкам положения ст. 67.1–70, 75.1, 79.1 [8, с. 37]. Анализ указанных положений позволяет выделить следующие принципы, составляющие национальную идею: незыблемость суверенитета Российской Федерации, защита исторической правды, почтение памяти защитников Отечества, приоритет защиты и всестороннего развития детей, приоритет семейного воспитания, сохранение родного языка, вера в Бога [1]. Их можно объединить понятием «традиционные ценности», сохранение которых в последнее время является важнейшим аспектом идеологической политики. Некоторые ученые полагают, «традиционные ценности как раз и составля-

ют основу официальной идеологии нашего государства» [6, с. 50]. Вышеупомянутые поправки были приняты более чем тремя четвертями голосов на общероссийском референдуме, и это свидетельствует о том, что «данные идеи являются консенсусными и опираются на поддержку большинства населения страны» [8, с. 38]. А. А. Романов подчеркивает, что вышеназванные поправки подчинены национальной идее патриотизма, которую он называет основой государственной идеологии [8, с. 37]. С этим трудно не согласиться, так как, несмотря на разнообразие в нормах Конституции РФ принципов, на сегодняшний день на первый план выдвигается именно патриотизм как противостояние враждебному давлению со стороны недружественных стран. Патриотизм должен служить укреплению и росту экономического, политического, социального, военного потенциала страны [8, с. 35]. Конечно, в зависимости от исторических, политических и других предпосылок, разные идейные принципы могут становиться более или менее приоритетными.

2. Развитие конституционных положений о ценностях в законодательстве Российской Федерации и их практическая реализация

Следует отметить, что нормы Конституции РФ в свою очередь находят свое развитие в других нормативных правовых актах. Это касается и ценностей, так как «важно инкорпорировать традиционные духовно-нравственные ценности в государственную политику, программные документы партий, общественных движений и объединений, законодательство России» [6, с. 59]. Базовым документом, определяющим национальные интересы и приоритеты, является Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Она носит всеобъемлющий характер и обеспечивает в том числе идеологическую безопасность [9, с. 11]. В частности, в п. 91 Стратегии определен перечень традиционных духовно-нравственных ценностей, которые дублируют ранее названные идеи, отраженные в Конституции РФ. Отдельно в п. 87, 93 Стратегии сказано о защите традиционных ценностей и об угрозах их стабильности [10]. Очевидно, что подобный перечень не может относиться к конкретному классу, социальному слою, социальной группе, а касается всех граждан Российской Федерации и задача государства состоит в сохранении и укреплении этих ценностей, объединяющих нашу многонациональную и многоконфессиональную страну. Из чего следует, что у России есть своя совокупная национальная идея, обеспечивающая государственное единство.

В развитие положений, закрепленных в Стратегии национальной безопасности, указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 (далее – Указ Президента РФ № 809) были утверждены Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [11]. Задачами государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей являются: укрепление гражданского единства, сохранение исторической памяти, укрепление семейных ценностей, охрана объектов культурного наследия, защита русского языка и другие. Таким образом, поставленные задачи коррелируют с перечнем традиционных ценностей и тесно связаны с реализацией мер по их популяризации среди современного российского общества. В Указе Президента РФ № 809 также обозначены инструменты реализации данной поли-

тики, а именно правовые, организационные, научно-аналитические и информационные. Анализируя п. 31, посвященный ожидаемым результатам реализации названной политики, несложно прийти к выводам, что настоящий Указ Президента направлен в большей мере на защиту России от деструктивного влияния западных европейских стран и США, развитие общероссийской гражданской идентичности, чего, конечно, можно добиться только с помощью объективации национальной идеи в виде традиционных ценностей среди населения.

Самой эффективной формой объективации национальной идеи на сегодняшний день являются национальные проекты Российской Федерации. Цели и задачи большинства из них вытекают напрямую из содержания традиционных российских духовно-культурных ценностей. Так, семейные ценности поддерживаются и охраняются благодаря национальному проекту «Демография» [12]. В рамках национального проекта семьям, в которых рождаются первый и последующие дети, выплачивается материнский капитал, сумма которого позволяет существенно улучшить жилищные условия семьи или вложить средства в будущее образование ребенка. Особое внимание уделяется старшему поколению, поскольку забота о нем – важная черта российского менталитета: организуется проведение диспансеризации, строятся пансионаты, создаются различные клубы и секции для поддержания активности у граждан зрелого возраста [13]. Значительная роль в сохранении исторической правды и защиты культурных ценностей принадлежит национальному проекту «Культура». В частности, создаются новые и реконструируются старые музеи, концертные залы, дома творчества, организуются культурные мероприятия [14] – все эти меры помогают сохранить и приумножить многогранную российскую культуру. Отдельного внимания заслуживает патриотическое воспитание, которое способствует формированию гражданской ответственности и чувства любви и уважения к Отечеству у молодого поколения [15].

Заключение

Таким образом, закрепление идеологического многообразия в ст. 13 Конституции РФ не отменяет государственную идеологию, выраженную в национальной идее, состоящей из важнейших для российского общества ценностей. При этом такая идеология не является единственной или обязательной, но существует наряду с другими и не ущемляет право каждого на собственное мнение, особое мировоззрение и распространение своих идей, не нарушающих права других. Идеология – это объективно существующее явление, без которого общество в любом случае обречено на гибель. Она «конститутивна», т.е. необходима для нормального функционирования общества и государства; если общество и государство находятся в относительно стабильном состоянии, это свидетельствует о наличии внутри его идейного стержня, объединяющего индивидов в сильную нацию. Следует подчеркнуть, что идеологию – «национальную идею» надо отделять от идеологии – классовой «философии», направленной на защиту интересов определенной социальной категории. Национальная идея Российской Федерации отражена в статьях Конституции, а также иных нормативных правовых актов стратегического характера и определяется путем системного и исторического толкования конкретных

норм, а выражается национальная идея Российской Федерации в ее традиционных духовно-нравственных ценностях. Реализация государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей осуществляется в рамках национальных проектов Российской Федерации, способствующих поддержке и улучшению условий жизни населения во всех регионах страны. Как отмечают современные исследователи, «в качестве национальной идеи практически невозможно определить какую-либо одну цель развития такого уникального государства, как Россия, являющегося самобытной цивилизацией. Только совокупность таких ценностных ориентиров, как патриотизм, гражданственность, государственное единство, сбережение народа, многодетность, обязанность защищать Отечество, составляют духовно-нравственный фундамент Конституции и развития России» [6, с. 64]. Национальная идея есть совокупность общенародных идеалов, понятных и близких каждому гражданину, и в зависимости от социально-политических и экономических условий в ту или иную эпоху на первый план выдвигается из них какой-то один, приоритетный на настоящем этапе развития, но неизменно связанный с другими национальными ценностями. Для России сегодня это патриотизм, объединяющий в сложное время все население страны в одно целое.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> (дата обращения: 30.09.2024).
2. Грицюк М. В. К вопросу об идеологии российской государственности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2022. № 3.
3. Цалиев А. М. О государственной идеологии в контексте статьи 13 Конституции Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 4 (54).
4. Бастрыкин предложил сформулировать национальную идеологию и закрепить ее в конституции // ТАСС : сайт. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19349549> (дата обращения: 30.09.2024).
5. Тихонова В. А. Национальная идея в системе государственной идеологии // Вестник МГУКИ. 2019. № 5 (91).
6. Гуманитарный потенциал Конституции Российской Федерации : монография / под ред. Г. Н. Чеботарева. Тюмень : ТюмГУ-Press, 2024.
7. Абакумова Е. Б. К вопросу правового значения государственной идеологии в Российской Федерации // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2.
8. Романов А. А. К вопросу о государственной идеологии в контексте поправок к конституции российской федерации // Вестник УЮИ. 2020. № 4 (90).
9. Гончаренко Л. Н., Авакова Э. Б. К вопросу о государственной идеологии современной России // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2020. Т. 31.

10. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001> (дата обращения: 30.09.2024).

11. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения: 30.09.2024).

12. Демография // Национальный проект России, инициативы нацпроекта и возможности для граждан : сайт. URL: <https://национальныепроекты.рф/projects/demografiya/> (дата обращения: 30.09.2024).

13. В России объявлен прием заявок на отбор лучших практик активного долголетия // Национальные проекты России : сайт. URL: <https://национальныепроекты.рф/news/v-rossii-obyavlen-priem-zayavok-na-otbor-luchshikh-praktik-aktivnogo-dolgoletiya/> (дата обращения: 30.09.2024).

14. В Самарской области прошел межрегиональный фестиваль «Время читать» // Национальные проекты России : сайт. URL: <https://национальныепроекты.рф/news/v-samarskoy-oblasti-proshel-mezhregionalnyy-festival-vremya-chitat/> (дата обращения: 30.09.2024).

15. Федеральный проект «Патриотическое воспитание» // Национальные проекты России : сайт. URL: <https://национальныепроекты.рф/projects/obrazovanie/patrioticheskoe-vozpitanie/> (дата обращения: 30.09.2024).

References

1. Constitution of the Russian Federation. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> (date of the application: 30.09.2024). (In Russ.)
2. Gritsiuk M. V. On the Ideology of Russian Statehood. *Scientific Notes of Crimean Federal University Named After V. I. Vernadskii. Legal Sciences*, 2022, no. 3. (In Russ.)
3. Tsaliyev A. M. On State Ideology in the Context of Article 13 of the Constitution of the Russian Federation. *Leningrad Law Journal*, 2018, no. 4 (54). (In Russ.)
4. Bastrykin Proposed to Formulate a National Ideology and Enshrine It in the Constitution. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19349549> (date of the application: 30.09.2024). (In Russ.)
5. Tikhonova V. A. National Idea in the System of State Ideology. *Bulletin of MGUKI*, 2019, no. 5 (91). (In Russ.)
6. Chebotarev G. N. (ed.). Humanitarian Potential of the Constitution of the Russian Federation: Monograph. Tyumen: Tyumgu-Press, 2024. (In Russ.)
7. Abakumova E. B. On the Legal Significance of State Ideology in the Russian Federation. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, 2018, no. 2. (In Russ.)
8. Romanov A. A. On the State Ideology in the Context of Amendments to the Constitution of the Russian Federation. *Bulletin of ULI*, 2020, no. 4 (90). (In Russ.)

9. Goncharenko L. N., Avakova E. B. On the State Ideology of Modern Russia. *Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious Studies*, 2020, vol. 31. (In Russ.)

10. Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation". URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001> (date of the application: 30.09.2024). (In Russ.)

11. Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809 "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values". URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (date of the application: 30.09.2024). (In Russ.)

12. Demography. URL: <https://национальныепроекты.пф/projects/demografiya/> (date of the application: 30.09.2024). (In Russ.)

13. Russia Announces Call for Applications for Selection of Best Practices of Active Longevity. URL: <https://национальныепроекты.пф/news/v-rossii-obyavlen-priem-zayavok-na-otbor-luchshikh-praktik-aktivnogo-dolgoletiya/> (date of the application: 30.09.2024). (In Russ.)

14. The Interregional Festival "Time to Read" Was Held in the Samara Region. URL: <https://национальныепроекты.пф/news/v-samarskoy-oblasti-proshel-mezhregionalnyy-festival-vremya-chitat/> (date of the application: 30.09.2024). (In Russ.)

15. Federal Project "Patriotic Education". URL: <https://национальныепроекты.пф/projects/obrazovanie/patrioticheskoe-voospitanie/> (date of the application: 30.09.2024). (In Russ.)

Сведения об авторах:

Я. К. Чепенко – кандидат юридических наук.

А. И. Галактионова – студентка 2-го курса.

Information about the authors:

Ya. K. Chepenko – PhD in Law.

A. I. Galaktionova – Second-Year Student.

Статья поступила в редакцию 12.11.2024; одобрена после рецензирования 09.12.2024; принята к публикации 19.03.2025.

The article was submitted to the editorial office 12.11.2024; approved after reviewing 09.12.2024; accepted for publication 19.03.2025.

Научная статья

УДК 347.441

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-140-149>

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ СУЩНОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО КРЕДИТА

Вячеслав Евгеньевич Карнушин

Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 344000, Россия,
г. Ростов-на-Дону, ул. Советская, д. 2/32

karnushinV@gmail.com

Аннотация

В статье рассмотрены понятие системы социального кредита и его гражданско-правовая сущность. Актуальность исследования обусловлена расширением средств автоматического контроля за поведением в России и за рубежом, появление виртуальных технологий, наделенных технической возможностью контролировать и учитывать поведение людей. Целью статьи является обозначение гражданско-правовой природы социального кредита. Для достижения цели были использованы формально-логические методы анализа, синтеза, абстрагирования, сравнения, а специальные правовые методы исследования: сравнительно-правовой и историко-правовой, а также методы системного и буквального толкования норм права. В результате сделан вывод о том, что понятие кредитоспособности должно включаться в понятие правоспособности как общей и частной предпосылки правоотношений, ограничивающей участие в отдельных гражданских правоотношениях. Система социального кредита является системой ограничений и расширений гражданской правоспособности, а также средством для введения положительной гражданско-правовой ответственности.

Ключевые слова: гражданская правоспособность; ограничение гражданской правоспособности; кредитоспособность; социальный кредит; гражданско-правовая ответственность; положительная ответственность; гражданское право; гражданское законодательство; отрасль права; отрасль законодательства.

Для цитирования: Карнушин В. Е. Гражданско-правовая сущность социального кредита // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 2. С. 140–149. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-140-149>

Research Article

CIVIL-LAW ESSENCE OF SOCIAL CREDIT

Vyacheslav E. Karnushin

Rostov Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice,
2/32 Sovetskaia St., Rostov-on-Don, 344000, Russia
karnushinV@gmail.com

Abstract

The article examines the concept of the social credit system and its civil-law essence. The relevance of the study is provided by the expansion of automatic behavior control tools in Russia and abroad, and it is also urged by the emergence of virtual technologies endowed with the technical ability to control and take into account current people's behavior. The purpose of the article is to underline the civil-law nature of social credit. In order to achieve this purpose, formal-logical methods of analysis, synthesis, abstraction, comparison were used, and special legal research methods were used, such as comparative and historical law methods, as well as methods of systemic and literal interpretation of legal norms. As a result, it was concluded that the concept of creditworthiness should be included in the concept of legal capacity as a general and private prerequisite of law relations, limiting the participation in individual civil law relations. The social credit system is a system of restrictions and expansions of civil legal capacity. This system also helps introduce a positive civil liability.

Keywords: civil law capacity; limitation of civil law capacity; creditworthiness; social credit; civil liability; positive liability; civil law; civil legislation; branch of law; branch of legislation.

For citation: Karnushin V. E. Civil-Law Essence of Social Credit. *Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 2, pp. 140–149. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-140-149>

Введение

В новейших гражданско-правовых исследованиях все больше и больше обозначается социальное назначение гражданского права, указывается, что гражданское право приобретает социальные функции.

Такая тенденция вызвана тем, что нормы гражданского права сами по себе признаются имеющими социальную цель [1, с. 72, 334].

Социальное назначение гражданского права выступает как реактивная теория, противопоставленная теории гражданского права как права частного интереса.

Такая теория основана на ряде философских течений, предполагающих существование в праве вообще и в гражданском праве, в частности, лишь обязанностей, закрепляющих социальные функции, а также полное отрицание субъективного права как меры свободного поведения [2, с. 9–10].

Представляется, что социальное назначение гражданского права можно обозреть в том случае, если отождествлять гражданское законодательство и гражданское право, полагая, что любое внесение социально-ориентированных норм права в тексты актов гражданского законодательства является расширением предмета и метода гражданского права.

Высказывается воззрение о том, что гражданский кодекс не должен быть чисто частноправовым, потому что он должен быть удобен и прост для применения и не требовать постоянного обращения и поиска нужных публично-правовых норм [3, с. 44–50]. В этом случае всякое законодательство будет в той или иной мере иметь социальную роль и цель.

Однако следует полагать, что никакое из законодательств не может иметь исключительной отраслевой чистоты и содержать нормы только одной отрасли права. Любое законодательство является примером межотраслевого взаимодействия норм права. Межотраслевое взаимодействие и привнесение в законодательство норм различной отраслевой принадлежности не должно само по себе свидетельствовать об изменении роли самой отрасли права. Не следует полагать, что меняется само гражданское право как отрасль и что оно начинает включать в себя социальные и публично-правовые элементы.

1. Место социального кредита в системе законодательства

Учение и предложение о социальном кредите также касается в большей мере развития законодательства, а не права. Гражданское законодательство наполняется нормами о социальном рейтинге и социальном кредите, которые по своей отраслевой принадлежности являются публично-правовыми. Изначально социальное и философское течение о социальном кредите в объективное право проецирует как межотраслевое явление, не имеющее строгой отраслевой принадлежности. Система социального кредита, получающая закрепление, именно в гражданских законах, неизбежным образом привносит в текст таких законов все больше и больше несвойственных гражданскому праву регулятивных и охранительных норм, которые не становятся гражданско-правовыми, но выступают ограничением большого количества истинно гражданско-правовых норм, основанных на предмете, методе гражданско-правового регулирования, а также частном интересе, который предшествует всему гражданскому праву.

Понятие социального кредита не разрабатывается в российской правовой науке, в особенности, не имеется работ, посвященных его гражданско-правовой сущности.

Изначально система социального кредита получила развитие на западе и законодательно воплощена в Китае в качестве эксперимента на различных его территориях [4, с. 72–88]. Китайская система социального кредита объединяет в себе идеи социального надзора за каждым гражданином, автоматизацию многих действий за счет машин, работающих на принципах обработки больших данных, размытие границ морали и права и «морализацией» права и сопутствующим снижением роли права, система социального кредита выполняет служебную роль по отношению к системе государственного управления, предполагает строгость наказаний за выход за рамки автоматически выведенного «социально значимого и полезного поведения», социальный рейтинг каждого индивида, систему круговой поруки, автономного надзора и самоуправления, опору на финансовый сектор экономики и контроль со стороны финансовых учреждений страны [Там же].

Как указывается в исследованиях, в настоящее время в новом Гражданском кодексе (далее – ГК) КНР лишь две статьи посвящены социальному кредиту [5, с. 20–24]. В ст. 1029 ГК КНР указано, что лицо гражданского права может проверить свой собственный кредитный отчет в соответствии с законом и имеет право подать заявление и потребовать исправления, удаления или других необходимых мер, которые должны быть приняты, если он обнаружит, что кредитный отчет неверен. Оценщики его кредитоспособности должны изучить отчет и своевременно принять необходимые меры, если будет установлено, что он является ложным.

В ст. 1030 ГК КНР указано, что положения этой Книги о защите личной информации и соответствующие положения других законов и административных постановлений применяются к отношениям между лицами гражданского права и обработчиками кредитной информации, такими как агентство кредитной отчетности [6].

Из данных статей вытекают следующие важные теоретические положения.

Кредитный отчет представляет собой документ, который ведется компетентными лицами и по своему свойству представляет собой публичный реестр.

Ведение кредитного отчета по своему существу является административно-правовой разрешительной деятельностью государства, подобно всякой другой разрешительной деятельности государства [7]. Данная разрешительная деятельность является новой разновидностью разрешительной деятельности, потому что касается субъектов – физических лиц. В Китае такая деятельность в настоящее время ведется крупными ритейлерами, лидерами сектора высоких технологий, владельцами развитых платежных систем и крупных агрегаторов данных. То есть административные государственные функции фактически делегированы частным субъектам.

Из статей вытекает, что между обработчиками кредитной информации, которыми выступают крупные корпорации, и физическими лицами возникают административно-правовые отношения, регулируемые не положениями ГК КНР, а специальными административными законами.

Таким образом, теоретически следует полагать, что чем более развитым становится административное законодательство, тем более влиятельным и ограни-

чивающим субъективные гражданские права оно явится для системы гражданского права.

Помимо административных норм и правоотношений, ограничивающих гражданские права, в ГК КНР можно выделить и нормы, которые являются такими же ограничениями, как и система кредитных отчетов. В ст. 1024 ГК КНР указано, что гражданское лицо имеет право на репутацию. Никакая организация или частное лицо не может нарушать право других на репутацию путем оскорбления, диффамации и т.п.

Репутация – это социальная оценка моральных качеств, престижа, таланта и кредита лица гражданского права.

Данная статья еще больше раскрывает гражданско-правовую сущность социального кредита, используя понятие «кредита». Сам кредит в этом случае понимается как «доверие». Такое доверие представляет собой предпосылку участия в правоотношениях, которая существует наряду с правоспособностью.

Китайское гражданское законодательное регулирование показывает, каким образом система социального кредита может развиваться из ограничений в конкретных правоотношениях в общегражданские правовые нормы, касающиеся правоспособности.

2. Социальный кредит как ограничение гражданской правоспособности

В российской истории такого рода глобальных реестров или отчетов в отношении физических лиц не велось [8, с. 18–21]. Не существует и системы социальной репутации и рейтинга, которые получали бы закрепление на уровне законодательства.

Формально на конституционном и законодательном уровне закреплён принцип равенства всех граждан перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ), в то же время сама же Конституция РФ предполагает необъятно широкие возможности по ограничению прав на уровне любого отраслевого законодательства (ст. 55 Конституции РФ).

Ограничения могут касаться как отдельных правоотношений, так и общегражданских правовых норм. Последние из указанных ограничений заслуживают особого внимания, так как именно в общих нормах ГК РФ может закрепляться общее регулирование кредитоспособности.

В первую очередь такие общие нормы касаются правоспособности физических и юридических лиц. В настоящее время в российском гражданском законодательстве можно выделить три основные формы ограничения правоспособности. Данные ограничения касаются ограничения правоспособности юридических лиц:

1) возможно самоограничение правоспособности юридического лица путем специального корпоративного регулирования деятельности юридического лица собственными учредительными документами;

2) возможно ограничение за счет дополнительных требований со стороны публичных отраслей права, куда можно относить в настоящее время лицензирование отдельных видов деятельности;

3) возможно ограничение за счет дополнительных требований со стороны самого гражданского права: требование о членстве в рамках саморегулируемых ор-

ганизаций, а также требования о допуске со стороны саморегулируемых организаций к определенным работам.

К этой же группе можно относить ограничение участия юридических лиц в отдельных гражданских правоотношениях (например, юридическое лицо не может быть потребителем по смыслу Закона РФ «О защите прав потребителей») [9].

В отношении физических лиц таких общих форм ограничений правоспособности не имеется, имеется лишь общее указание об их общей правоспособности (ст. 17 ГК РФ). В то же время в некоторых отношениях граждане также могут участвовать только либо в определенном статусе (индивидуальная предпринимательская деятельность) или вовсе не могут участвовать (к примеру, гражданин не может получить лицензию на осуществление банковской деятельности и участвовать в отношениях банковского вклада, кредита как кредитная организация, потому что в таких отношениях прямо указан субъектный состав (ст. 834, 819 ГК РФ).

Теоретически суть форм ограничений правоспособности физических лиц может быть заимствована от форм ограничения правоспособности юридических лиц с той оговоркой, что физическое лицо не может «самоограничить» правоспособность путем принятия некоторого внутреннего акта.

Следовательно, к физическим лицам применимы, по сути, любые формы внешнего ограничения правоспособности со стороны как общих, так и специальных норм права.

Система социального кредита предполагает именно такое ограничение правоспособности, которое по своему правовому смыслу должно получить закрепление на уровне общих норм о правоспособности граждан.

За счет ограничений правоспособности образуется конструктивная правоспособность подобная римской правоспособности, состоящей из статуса свободы, гражданства и семейного статуса [10, с. 125–126].

В Китае в настоящее время в первую очередь само понятие кредитоспособности закреплено как правоспособность к участию в кредитных отношениях в качестве заемщика (должника). Чем выше кредитоспособность, тем разнообразней сами кредитные отношения могут быть для граждан. Степень кредитоспособности обеспечивается именно при помощи автоматизированных систем, подсчитывающих социальный рейтинг граждан.

То есть на практике кредитоспособность является в настоящее время лишь специальной правоспособностью, позволяющей или не позволяющей вступать в отношения из кредитного договора.

Аналогично в настоящее время в России на уровне Федерального закона «О кредитных историях» заложены нормы, ограничивающие возможность заключения договора потребительского кредита, которая в конечном счете содержится в ч. 5 ст. 7 Федерального закона «О потребительском кредите (займе)» как возможность кредитора отказать заемщику в заключении договора потребительского кредита.

Соответственно теоретически данная система ограничений может быть распространена на различные правоотношения, к примеру, возможно введение запрета на участие в правоотношениях купли-продажи.

Подобное ограничительное регулирование содержится, в частности, и в ст. 104 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, ус-

луг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», которой подробно урегулировано ведение реестра недобросовестных поставщиков [11]. Нахождение в данном реестре означает невозможность участия в отношениях поставки товаров, выполнения работ и оказания услуг для государственных и муниципальных нужд, что означает собой ограничение правоспособности предпринимателей физических лиц.

В современном российском гражданском праве получили закрепление и богатую правоприменительную практику нормы о добросовестности поведения при участии в гражданских правоотношениях. Недобросовестное поведение является основанием для лишения субъективного права на защиту (п. 2 ст. 10 ГК РФ) или иные последствия, которые предусмотрены специальными нормами ГК РФ.

Данная норма права не свидетельствует еще о вмешательстве понятия «добросовестности» в понятие «правоспособности», поскольку касается уже самого поведения в рамках уже существующих возникших правоотношений, однако впоследствии правовое регулирование путем введения систем автоматизации контроля за поведением субъектов отношений может вводить нормы, которые бы ограничивали правоспособность изначально в некоторых отношениях, а затем и правоспособность в целом применительно к отдельным категориям лиц, обладающими низким социальным рейтингом.

3. Кредитоспособность как предпосылка существования положительной гражданско-правовой ответственности

Система социального кредита может так же рассматриваться и как мера гражданско-правовой ответственности, состоящая в ограничении правоспособности физических лиц. Гражданско-правовая ответственность в этом смысле будет состоять в лишении возможности обладания определенными правами или возложении дополнительных обязанностей на ограниченно кредитоспособного субъекта.

С одной стороны, данная система в публицистике обозначается как проявление диктатуры и своеобразного цифрового концлагеря, с другой стороны, автоматизация системы и ее работа не только в публичных, но и частных интересах может иметь позитивные проявления [12, с. 108–118].

Так, в российском гражданском праве не развито ни регулирование, ни применение позитивной ответственности – позитивных санкций и поощрений за поведение, признаваемое общественно желательным [13, с. 32–44; 14, с. 8–11]. Система социального кредита может быть встроена в качестве органической части в систему позитивной ответственности, что может распространяться на гражданское право. Социальный кредит может способствовать развитию позитивной гражданской ответственности.

В настоящее время позитивная ответственность предусмотрена в рамках административного, служебного и трудового права, в виде, как правило, имущественных положительных мер поощрений. В гражданском праве позитивная ответственность не представлена, но могла бы представлять собой предоставление определенных дополнительных субъективных прав или освобождение от некоторых регулятивных обязанностей. К примеру, в рамках кредитных отношений,

лицо с высоким социальным рейтингом может претендовать на получение кредита в банке с пониженной ставкой или без обеспечения.

В этой части социальный рейтинг предстанет не как ограничение правоспособности, а как некоторое ее расширение – наделение субъектов определенными преимущественными правами, привилегиями и освобождением от обязанностей.

Введение системы социального кредита в законодательство позволяет по-другому взглянуть на категорию гражданской правоспособности вообще. Актуальным становится взгляд на правоспособность как на динамическую категорию, учение о которой предложено М. М. Агарковым [15, с. 72]. И если идеи М. М. Агаркова получили развитие в учении о секундарных правах и динамическая правоспособность выражалась как набор постоянно меняющегося набора прав, то система социального кредита позволяет рассматривать правоспособность не только как динамичную категорию правообладания, но и как динамически меняющийся набор ограничений прав и обязанностей.

Вместе с тем в любом случае динамизм правоспособности так или иначе не будет иметь исключительно гражданско-правового значения, а представит собой межотраслевое регулирование гражданской правоспособности.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданское право социального государства : сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А. Л. Маковского (1930–2020) / отв. ред. В. В. Витрянский, Е. А. Суханов. М. : Статут, 2020.
2. Дюжи Л. Общие преобразования гражданского права со времени Кодекса Наполеона / пер. с фр. ; под ред. и с предисл.: А. Г. Гойхбарг ; пер.: М. М. Сиверс. М. : Гос. изд-во, 1919.
3. Толстой Ю. К. Проблемы совершенствования гражданского законодательства и пути их решения // Вестник экономического правосудия РФ. 2015. № 5.
4. Рувинский Р. З., Тарасов А. А. «Система социального кредита»: исторические предпосылки и доктринальные основания феномена // Национальная безопасность / nota bene. 2020. № 3.
5. Конопий А. С. Система социального кредитного рейтинга в КНР: закон и практика // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2021. Т. 8. № 1.
6. China Justice Observer : сайт. URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/civil-code-of-china-part-iv-personality-rights-20200528> (дата обращения: 28.10.2023).
7. Разрешительная система в Российской Федерации : научно-практическое пособие / отв. ред. А. Ф. Ноздрачев. М. : ИЗиСП ; ИНФРА-М, 2015.
8. Субанова Н. В. Публичная разрешительная деятельность в России: историко-правовой аспект // История государства и права. 2012. № 5.
9. Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 (ред. от 5 декабря 2022 г.) «О защите прав потребителей» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 766.
10. Римское частное право : учебник / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М. : Юристъ, 2004.

11. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (ред. от 28 декабря 2022 г.) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.10.2023).
12. Трахтенберг А. Д. Китайская система социального кредита: взгляд снаружи и изнутри // Дискурс-Пи. 2019. № 4 (37).
13. Кокурина О. Ю. Дискуссионные проблемы наградного права: «позитивная ответственность» и «позитивные санкции» как юридические понятия // Административное право и процесс. 2020. № 6.
14. Соколов А. Ю., Лакаев О. А. К вопросу о позитивных санкциях в административном праве // Административное право и процесс. 2015. № 5.
15. Азарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву // Ученые труды ВЮОН. Вып. 3. М., 1940.

References

1. Vitrianskii V. V., Sukhanov E. A. (eds.). Civil Law of the Social State: Collection of Articles Dedicated to the 90th Anniversary of the Birth of Professor A. L. Makovsky (1930–2020). Moscow: Statut, 2020. (In Russ.)
2. Duguit L.; Goykhbarg A. G. (ed.). General Transformations of Civil Law Since the Napoleonic Code. Moscow: State Publishing House, 1919. (In Russ.)
3. Tolstoy Iu. K. Problems of Improving Civil Legislation and Ways to Solve Them. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*, 2015, no. 5. (In Russ.)
4. Ruvinskii R. Z., Tarasov A. A. "Social Credit System": Historical Prerequisites and Doctrinal Foundations of the Phenomenon. *National Security / Nota Bene*, 2020, no. 3. (In Russ.)
5. Konopii A. S. Social Credit Rating System in the PRC: Law and Practice. *Bulletin of the Law Faculty of Southern Federal University*, 2021, vol. 8, no. 1. (In Russ.)
6. URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/civil-code-of-china-part-iv-personality-rights-20200528> (date of the application: 28.10.2023).
7. Nozdrachev A. F. (ed.). Permitting System in the Russian Federation: Scientific and Practical Guide. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Infra-M, 2015. (In Russ.)
8. Subanova N. V. Public Permitting Activities in Russia: Historical and Legal Aspect. *History of the State and Law*, 2012, no. 5. (In Russ.)
9. Law of the Russian Federation of February 7, 1992 No. 2300-I (as amended on December 5, 2022) "On the Protection of Consumer Rights". *Gazette of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Soviet of the Russian Federation*, 1992, no. 15, art. 766. (In Russ.)
10. Novitskii I. B., Pereterskii I. S. (ed.). Roman Private Law: Textbook. Moscow: Iurist, 2004.
11. Federal Law of April 5, 2013 No. 44-FZ (as amended on December 28, 2022) "On the Contract System in the Sphere of Procurement of Goods, Works, Services to

Meet State and Municipal Needs". URL: <http://pravo.gov.ru> (date of the application: 28.10.2023). (In Russ.)

12. Trakhtenberg A. D. China's Social Credit System: A View from the Outside and Inside. *Discourse-Pi*, 2019, no. 4 (37). (In Russ.)

13. Kokurina O. Iu. Controversial Issues of Award Law: "Positive Liability" and "Positive Sanctions" as Legal Concepts. *Administrative Law and Process*, 2020, no. 6. (In Russ.)

14. Sokolov A. Iu., Lakaev O. A. On Positive Sanctions in Administrative Law. *Administrative Law and Process*, 2015, no. 5. (In Russ.)

15. Agarkov M. M. Obligation Under Soviet Civil Law. In Scientific Works of VIYUN. Issue 3. Moscow, 1940. (In Russ.)

Сведения об авторе:

В. Е. Карнушин – кандидат юридических наук.

Information about the author:

V. E. Karnushin – PhD in Law.

Статья поступила в редакцию 04.02.2025; одобрена после рецензирования 11.03.2025; принята к публикации 19.03.2025.

The article was submitted to the editorial office 04.02.2025; approved after reviewing 11.03.2025; accepted for publication 19.03.2025.

Научная статья

УДК 343.1

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-150-165>

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПЕРЕДАЧИ ПРАВ НА ИНФОРМАЦИОННУЮ ТЕХНОЛОГИЮ

Алексей Анатольевич Максуров

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова,
150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14

maxurov78@yandex.ru

Аннотация

Актуальность работы вызвана отсутствием в науке определенности относительно существенных вопросов перехода прав на информационные технологии, неполным учетом гражданским законодательством специфики информационных технологий как разновидности единых технологий. Цель работы – предложить пути разрешения имеющихся противоречий в правовом регулировании передачи прав на технологии в части определения алгоритма передачи прав на технологии. В результате в работе сделан анализ проблемных аспектов предлагаемых в законе способов перехода прав на единые технологии. Рассмотрены особенности передачи прав при их «расщеплении». Необходимое внимание уделено ситуации принадлежности прав на части технологии разным лицам. Подробно описана проблема принятия общего решения правообладателями; предложены пути ее решения. Автором сконструированы возможные эффективные алгоритмы передачи прав на части технологии. Впервые исследованы проблемные вопросы законодательной регламентации передачи прав на технологию, совместно принадлежащих субъектам частного и публичного права.

Ключевые слова: информационные технологии; информационное правоотношение; информация; типология; категории; дуализм регулирования.

Для цитирования: Максуров А. А. Некоторые аспекты регламентации передачи прав на информационную технологию // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 2. С. 150–165. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-150-165>

Research Article

SOME ASPECTS OF REGULATION OF THE TRANSFER OF RIGHTS TO INFORMATION TECHNOLOGY

Alexey A. Maksurov

Yaroslavl State University named after P. G. Demidov, 14 Sovetskaia St.,
Yaroslavl, 150003, Russia
maxurov78@yandex.ru

Abstract

The relevance of the work is caused by the lack of certainty in science regarding the essential issues of transfer of rights to information technologies, incomplete consideration by civil legislation of the specifics of information technologies as a type of unified technologies. The purpose of the work is to propose ways to resolve existing contradictions in the legal regulation of the transfer of rights to technologies in terms of determining the algorithm for transferring rights to technologies. As a result, the work analyzes the problematic aspects of the methods of transferring rights to unified technologies proposed in the law. The features of the transfer of rights in their "splitting" are considered. The necessary attention is paid to the situation of ownership of rights to parts of the technology by different persons. The problem of making a common decision by copyright holders is described in detail; ways to solve it are proposed. The author has constructed possible effective algorithms for transferring rights to parts of the technology. For the first time, problematic issues of legislative regulation of the transfer of rights to technology jointly owned by subjects of private and public law are studied.

Keywords: information technology; information legal relationship; information; typology; categories; dualism of regulation.

For citation: Maksurov A. A. Some Aspects of Regulation of the Transfer of Rights to Information Technology. *Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 2, pp. 150–165. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-150-165>

Введение

Передача прав на информационные, как и любые иные, технологии опосредует динамику гражданско-правового оборота и представляет собой важную экономическую предпосылку для научно-технического прогресса, поскольку без легальной возможности их передачи научно-технические разработки были бы значительно менее актуальны.

Именно возможность отчуждения информационных технологий является тем фактором, который способствует развитию экономики в связи с целенаправленным движением капитала в научную сферу. Законодательные и иные ограничения такому движению являются жестким препятствием не просто для экономического роста, но и для элементарного поддержания национальной (отраслевой, местной) экономикой конкурентоспособности.

В современном мире, в том числе в рамках международного права и законодательства Российской Федерации, не существует единого подхода к определению способов перехода прав на единые технологии [1, с. 53], что представляет собой проблему, имеющую как теоретическое, так и сугубо практическое значение, снижающую эффективность правового регулирования гражданского оборота технологий как объекта права [2, с. 110].

Отсутствие в законе доступного описания алгоритма передачи прав на технологии и их части, который бы учитывал интересы, как всех обладателей права на технологии при множественности таких обладателей, так и потребности лиц, приобретающих право на технологию или ее часть, затрудняет согласование интересов участников рынка технологий [3, с. 89] и порождает потенциальные правовые конфликты [4, с. 62].

Материалы и методы. В качестве основного метода выступил системный подход. Также были использованы методы формальной логики, анализа юридической практики и норм права.

1. Обсуждение. Способы перехода прав на единые технологии: общий подход

Передача прав на объекты гражданского права возможна различными способами. Совокупность способов передачи права понимается в юридической доктрине как разновидность договорной юридической тактики, которая применима к тем или иным объектам права или к тем или иным договорным отношениям по передаче права [5, с. 52]. Результатом реализации способа передачи права выступает правовой акт, в котором находит отражение согласованное мнение сторон договора по поводу существенных и иных условий передачи права [6, с. 55]. Между тем не во всех случаях такая договорная юридическая тактика будет правомерной.

Законодателем большинства стран, в том числе и российским, предусмотрено не только право на отчуждение технологий, но и в самом общем виде определены способы такого действий, которые, правда, не перечислены непосредственно в законе и формируются иным путем. При отсутствии указания в национальном законе на приемлемые способы передачи права на технологии, затрудненность «классических» способов передачи права на часть технологии посредством, например, продажи права, стороны применяют те способы передачи, которые выработаны ими в рамках переговорного процесса участников рынка [7, с. 35; 8, с. 31; 9, с. 92]. Например, сторонами может быть применена уступка права требования, а также схема, связанная с учреждением юридического лица, в уставный капитал которого учредителем вносится в качестве вклада право на технологию, с последующей продажей долей (акций) в данном юридическом лице другому участнику,

либо введением нового участника в данное юридическое лицо и выходом из состава участников его прежнего учредителя.

Таким образом, недостатки законодательного урегулирования указанного вопроса, отсутствие четкого и понятного механизма передачи прав на технологию, иногда могут привести стороны к заключению отдельных фиктивных сделок, либо комплекса таких сделок.

Прежде всего отметим, что Гражданский кодекс РФ [10] (далее – ГК РФ) лишь упоминает о способах перехода прав на объекты права, однако какой-либо конкретики в этой связи нормы Кодекса не содержат, оставляя вопрос на откуп специальному законодательству и самим сторонам соответствующих отношений.

Мы полагаем, что из норм гражданского права усматриваются три основания перехода прав на информационные технологии к третьим лицам: на основании сделки, в порядке правопреемства или на ином законном основании, например, в рамках исполнительного производства при оставлении информационной технологии – имущества должника – за собой взыскателем в счет уплаты долга [11, с. 190].

Вопросы правопреемства в целом понятны и очевидны: здесь имеется два основных способа перехода прав. Это переход прав на информационные технологии в порядке наследственного правопреемства и в процессе реорганизации юридического лица. Сюда же следует отнести и наделение права на информационную технологию вновь создаваемого юридического лица его учредителями [12, с. 78].

Понятие иных законных оснований применительно к данному случаю не сформулировано ни в законе, ни судебной практикой и остается неким законодательным «резервом». К числу таких оснований можно отнести, например, переход прав на информационные технологии в силу судебного акта, акта органа власти, на основании положений брачного контракта и т.п.

Основным способом отчуждения информационных технологий следует все же считать сделку, однако какого-либо перечня такого рода сделок закон нам не предлагает. Мы полагаем, что наиболее распространенным способом отчуждения информационных технологий следует считать все же продажу (куплю-продажу) технологии, а остальные способы, вроде дарения, внесения прав на технологии в уставный капитал хозяйственного общества, мены и т.п., – дополнительными (вспомогательными), но не запрещенными.

Очевидно, что в результате сделки по отчуждению прав на информационную технологию, данные права в полном объеме переходят от правообладателя к приобретателю. Договор отчуждения подразумевает обязанность правообладателя по передаче прав на технологию приобретателю в полном объеме, а само право переходит в момент заключения договора.

Данный договор консенсуальный. По нашему мнению, для договора указанного вида требуется соблюдение письменной формы сделки, в противном случае он может быть признан недействительным. Так как сама информационная технология не регистрируется государством как объект, переход прав на нее по общему правилу также не подлежит государственной регистрации.

Между тем возможна передача прав на информационную технологию и без полного перехода прав, в частности, путем предоставления правомочия пользования информационной технологией в рамках лицензионного договора.

Здесь уже стороны должны договориться не только о предмете (пределах использования единой информационной технологии), но и о вознаграждении за использование технологии, а также о способах такого использования, если технология по своей сущности подразумевает различие таких способов, причем, в той ситуации, когда сами те или иные способы использования не определены в договоре, то такое использование можно считать нарушением права на информационную технологию.

При отчуждении информационной технологии, на которую заключен лицензионный договор, права по нему следуют за технологией в силу п. 7 ст. 1235 ГК РФ, т.е. права лицензиата по лицензионному соглашению выступают обременением по аналогии с ограниченными вещными правами относительно права собственности.

На практике не исключается и сублицензионный договор, однако он во всех случаях требует согласия лицензиара, а объем передаваемых по сублицензионному договору правомочий в отношении информационной технологии не может превышать объема правомочий по лицензионному договору, причем срок сублицензионного договора не может превышать срок договора лицензионного. Мы полагаем, что в тех случаях, когда по тем или иным причинам в сублицензионном договоре указан срок, превышающий срок действия лицензионного договора, то это не влечет недействительности самого сублицензионного договора, а указанный в нем срок истекает в момент прекращения срока действия лицензионного договора.

Полагаем, что в целях единообразного понимания указанного вопроса судами об этом мог бы высказаться и Пленум Верховного Суда РФ по результатам анализа дел данной категории.

В литературе подчеркивается, что лицензиат несет ответственность перед лицензиаром за действия сублицензиата [13, с. 20]. Это положение, безусловно, верно и основано на законе, подтверждается контрольно-надзорной практикой [14, с. 65], однако нуждается в некотором уточнении.

В частности, полагаем, что лицензиат может нести ответственность перед лицензиаром за действия сублицензиата лишь в тех пределах, в которых сублицензиату передан соответствующий объем правомочий.

Например, в ситуации, когда по лицензионному договору лицензиату передано X правомочий, а сам лицензиат передал сублицензиату X-2 правомочий и, при этом, сублицензиат начал реализовывать, в числе прочих, и два не переданных ему правомочия, то он вышел за пределы сублицензионного договора и за нарушение прав на результаты интеллектуальной деятельности должен отвечать перед лицензиаром, а не «по цепочке»: сублицензиат отвечает перед лицензиатом, а лицензиат уже перед лицензиаром. Данное правило тем более очевидно в случаях, когда сублицензиат осуществляет правомочия, не только не переданные ему по сублицензионному договору лицензиатом, но и не предоставленные лицензиаром самому лицензиату по первоначальному лицензионному договору.

Аналогично и в ситуации использования сублицензиатом правомочий за пределом срока действия сублицензионного договора.

Мы полагаем также, что, по аналогии договора аренды с правом выкупа, вполне возможна конструкция, допускающая смешение передачи прав на информаци-

онную технологию во временное пользование с последующим отчуждением прав на технологию в целом.

По общему правилу законодатель не вмешивается в вопросы отчуждения прав на информационные технологии, полагая возможным полноценное применение в данном случае принципа свободы договора, диспозитивного правового регулирования, кроме трех особых случаев, которые могут иметь место, как по отдельности, так и в совокупности.

2. Особенности передачи прав при их «расщеплении»

Прежде всего законодатель особым образом регулирует ситуации, когда право на информационную технологию может быть «расщеплено» в виде прав на отдельные части информационной технологии, имеющие самостоятельное значение, а именно когда часть информационной технологии может быть использована независимо от иных частей этой технологии.

В таком случае возможны две ситуации.

Если право на информационную технологию, способное к «расщеплению» на части, принадлежит одному лицу, то данное лицо может сделать отчуждение как каждой отдельной части информационной технологии, так, в одном случае, и информационной технологии целиком различным лицам, по крайней мере запрета на такие действия закон не содержит.

Однако может сложиться следующая ситуация: допустим, информационная технология состоит из трех возможных к самостоятельному отчуждению частей – X, Y, и Z. Правообладатель в результате сделки передает права на часть X лицу А, на часть Y – лицу Б и на часть Z – лицу В. Саму же технологию в целом продает лицу Г. В дальнейшем, лицо А – обладатель права на часть X – приобретает у лиц Б и В права на части Y и Z соответственно, становясь, если это возможно технически, обладателем информационной технологии в целом.

Между тем может иметь место (а зачастую это как раз вполне возможно на практике) ситуация, когда именно использование информационной технологии одним конкретным лицом создает для данного лица экономические выгоды и конкурентные преимущества в силу неизвестности (недоступности) данной информационной технологии для третьих лиц. Мы же видим, как лица А и Г становятся полноправными обладателями единой информационной технологии и их права (при наличии в договорах указания на эксклюзивность продажи технологии) могут быть нарушены (в первую очередь нарушаются права лица Г).

Мы полагаем, что данный вопрос может быть решен (помимо указаний в договорах на осведомленность приобретателя информационной технологии или ее части об отчуждении части технологии или технологии целиком иному лицу) двумя путями.

Так, можно указать в законе, что правообладатель, в случае отчуждения единой информационной технологии одному лицу, не должен допустить при последующем отчуждении технологии по частям отчуждения «последней» самостоятельной части, необходимой для образования у третьих, помимо приобретателя единой информационной технологии, лиц совокупности прав на все самостоятельные части информационной технологии.

Вторым путем может быть указание в законе на обязательность обременения «последней» самостоятельной части, необходимой для образования у третьих, помимо приобретателя единой информационной технологии, лиц совокупности прав на все самостоятельные части технологии запретом на дальнейшее отчуждение и использование данной части в составе единой информационной технологии.

Второй путь представляется нам более предпочтительным, в том числе, в отношении любых видов единых технологий, а не только лишь технологии информационной.

В соответствии с изложенным предлагаем дополнить ГК РФ положениями следующего содержания:

«В случае передачи различным лицам права на часть технологии, имеющую самостоятельное значение, с одновременной передачей права на технологию в целом, лицо, обладающее правом на технологию (правообладатель) не вправе передавать последнюю самостоятельную часть, необходимую для использования технологии в целом, без обременения передачи этой части запретом на дальнейшее отчуждение и использование данной части в составе единой технологии.

В случае нарушения обязанности, предусмотренной частью третьей настоящей статьи, такого рода сделка может быть признана судом недействительной по иску заинтересованного лица».

Эти положения могут быть отражены в нормах вновь формируемой гл. 77 Кодекса, которая в настоящее время в прежней редакции утратила силу.

3. Ситуация принадлежности прав на части технологии разным лицам

Права на информационную технологию, позволяющую самостоятельно использовать ее части как результаты интеллектуальной деятельности, могут принадлежать и нескольким лицам.

По общему правилу распоряжение правом на технологию, принадлежащим совместно нескольким лицам, осуществляется ими по общему согласию.

Вместе с тем в законе не указано, каким образом должны действовать правообладатели одной технологии и, одновременно, ее различных самостоятельных частей, при отсутствии такого согласия.

В действовавшем ранее абз. 1 п. 5 ст. 1549 ГК РФ определено, что правообладатели в таких ситуациях прямо решают собственным соглашением кому из них и какая именно самостоятельная часть технологии принадлежит, поскольку предполагается возможность самостоятельного использования данной части технологии одним из правообладателей (абз. 2 п. 5 ст. 1549 ГК РФ) и получение им доходов от пользования данной самостоятельной частью (абз. 3 п. 5 ст. 1549 ГК РФ). Сейчас эти нормы не действуют.

Тем не менее порядок действий правообладателей при отсутствии такого согласия (не достижении согласия) вновь никак не определен.

Мы полагаем, что в таких случаях можно действовать по аналогии с авторским правом соавторов на одно общее произведение: правообладатели должны установить свое право на конкретную самостоятельную часть информационной технологии в судебном порядке, предложения по законодательной регламентации которого выскажем чуть позже.

Здесь же рассмотрим вторую возможную ситуацию, когда право на информационную технологию не может быть «расщеплено» в виде прав на отдельные части технологии, имеющие самостоятельное значение.

В указанных случаях какие-либо действия, связанные с распоряжением единой информационной технологией, получением от нее дохода возможны только по достижении правообладателями единого мнения по указанному вопросу.

Так, по принципиальному правилу общего согласия требует распоряжение правом на технологию, доходы от распоряжения правом на технологию также распределяются по соглашению сторон, а право на технологию в целом, а также распоряжение правом на нее осуществляется совместно всеми правообладателями.

Между тем механизмы решения вопроса при отсутствии общего согласия по данным вопросам законом не предложены.

На практике нередки случаи, когда от лица правообладателей в отношениях с третьими лицами выступает какой-либо конкретный правообладатель, в связи с чем с его стороны потенциально возможно злоупотребление правом или прямое нарушение прав и охраняемых законом интересов иных обладателей прав на данную информационную технологию.

Законодателем в качестве меры защиты предусмотрена недействительность сделки по распоряжению технологией одним из правообладателей технологией вопреки интересам иных ее владельцев.

Очевидно, что здесь мы имеем дело с презумпцией, связанной с действительностью сделок [15, с. 20]. Эта презумпция, наряду со специальными нормами об интеллектуальных правах, заложена и в первой части ГК РФ [16, с. 48]. Поэтому презумпции такого рода будут проявлять свое действие всякий раз, когда обнаружится неопределенность в наличии того или иного условия действительности сделки, прежде всего в части способности лиц к совершению тех или иных сделок (в случаях возникновения сомнений в вопросах обладания интеллектуальными правами либо наличия необходимых согласований), а также в связи с оценкой соотношения между волей и волеизъявлением участников сделки (в части объема передаваемых интеллектуальных прав) [17, с. 22], что также отличает презумпцию от фикции [18, с. 9].

Тем не менее исследуемая норма сформулирована явно некорректно.

Во-первых, непонятно о какой именно недействительной сделке, оспоримой или ничтожной, законодатель ведет речь. Из толкования закона, однако, усматривается, что, скорее, речь идет о признании такой сделки недействительной ввиду ее оспоримости, нежели о применении последствий недействительности ничтожной сделки. Мы полагаем, что это связано не только с указанным в законе механизмом судебной защиты права, но и с тем, что лицо, совершившее сделку, не является для объекта права лицом сторонним, у него также есть права на конкретную технологию, просто они осуществлены им вопреки правам и интересам иных лиц.

Во-вторых, в законе не определены основания оспоримости сделки. Мы считаем, что в данном случае применима ст. 173.1 ГК РФ «Недействительность сделки, совершенной без необходимого в силу закона согласия третьего лица, органа юридического лица или государственного органа либо органа местного самоуправления».

В-третьих, положения ГК РФ сформулированы нечетко в части определения управомоченного на обращение в суд лица: указано, что сделка может быть признана недействительной по требованию остальных правообладателей, что, в силу буквального толкования, подразумевает обращение в суд всех остальных правообладателей (коллективный иск). Это, разумеется, не так: для инициации судебного иска вполне достаточно нарушения интересов хотя бы одного из правообладателей, что и должно быть во избежание возможного иного толкования, прямо отражено в законе.

В-четвертых, правильнее все же вести речь не об отсутствии у лица, совершившего сделку, необходимых полномочий как основания для недействительности сделки, а об отсутствии согласия иных правообладателей на заключение сделки с конкретным лицом и на конкретных условиях.

В-пятых, ущербной, по нашему мнению, является и формулировка данной нормы в части указания на то, что такая сделка может быть признана недействительной лишь в случае, если будет доказано, что другая сторона сделки знала или заведомо должна была знать об отсутствии этих полномочий. Такая «суровая» формулировка представляется нам излишней.

В частности, на практике будет непросто определить заведомость такого рода знания, поскольку в законе не предусмотрено создание действенного механизма государственной регистрации прав на единые технологии во всех случаях их создания и во всех их видах, нет указания на то, каким образом контрагент правообладателей – владельцев единой технологии может узнать об их числе и отсутствии между ними согласия и т.п.

Также мы полагаем данную норму недостаточно полноценным регулятором еще вот по какой причине: по нашему мнению, существенно нарушить интересы лиц, совместно «владеющих» технологией возможно не только при противоправном распоряжении ею, но и при противоправном ее использовании одним из правообладателей вопреки интересам иных обладателей права.

Например, лицензионный договор может быть заключен на заведомо невыгодных для правообладателей условиях, лицензиату может быть передан излишний объем прав, допущена ненужная «свобода действий» лицензиата при заключении сублицензионного договора, лицензионный договор заключен на срок, в течение которого, как заведомо предполагается, оригинальность и новизна технологии померкнут, она изживет себя и ее использование уже не будет приносить прежних выгод и преимущество, т.е. можно говорить об ее содержательном исчерпании в пределах лицензионного срока, тогда как для правообладателей было бы интереснее продать права на технологию, а не получать незначительный доход по кабальному лицензионному договору и т.п.

При этом интересы правообладателей могут быть нарушены не только при передаче прав на технологию в целом или распоряжение ею, но и на передачу (распоряжение) прав на ее несамостоятельную часть.

Соответственно, названная норма в указанной части также нуждается в уточнении.

Таким образом, предлагаем дополнить положения ГК РФ указанием на правило следующего содержания:

«Сделка по распоряжению правом на технологию (ее несамостоятельную часть) или иной передаче прав на технологию (ее несамостоятельную часть), совершенная одним из лиц, которым совместно принадлежит право на технологию, может быть признана судом недействительной (оспоримой) по основаниям, предусмотренным статьей 173.1 настоящего Кодекса, по требованию любого из правообладателя вследствие отсутствия согласия (решения) правообладателей на совершение сделки на данных условиях, если будет доказано, что другая сторона сделки очевидно знала об отсутствии такого согласия (решения)».

4. Проблема принятия общего решения правообладателями

Ранее автором уже указывалось на существенный недостаток закона: отсутствие алгоритма принятия правообладателями общего решения при отсутствии единства мнений по тому или иному вопросу [19, с. 32].

По всей видимости, оставление такого вопроса на откуп правообладателям при существующем уровне правовой культуры типичных субъектов частного права, с учетом самой сложности объекта правового интереса в данном случае не всегда возможно. Должен быть допущен минимум государственного вмешательства, который тем не менее не нарушал бы общих начал диспозитивности гражданско-правовых отношений.

В соответствии с изложенным предлагаем дополнить положения ГК РФ указанием на правило следующего содержания в виде отдельной статьи:

«Судом по заявлению любого из обладателей правом на отдельные части единой технологии, исходя из творческого вклада указанных лиц в создание единой технологии и учитывая иные заслуживающие внимания обстоятельства (финансирование создания единой технологии, организацию работ по созданию единой технологии и т.п.), могут быть установлены:

- наличие у обладателей прав на технологию в целом, особых прав на конкретные самостоятельные части технологии;
- значение (в процентном или долевым соотношении) вклада каждого обладателя права в создание единой технологии как основания для последующего решения общих вопросов использования и распоряжения технологией или ее общей неделимой частью путем голосования по спорным вопросам, осуществляемым исходя из имеющегося объема прав у конкретного лица;
- иные обстоятельства использования правообладателями единой технологии и распоряжения ею (ее частью).

При отсутствии согласия правообладателей данные вопросы решаются ими в порядке голосования пропорционально установленным судом количеством голосов в процентном или долевым отношении».

Иными словами, суд, например, может установить наличие у лица А права на самостоятельную долю в единой информационной технологии в виде части X, у лица Б – в виде части Y, у лица В – в виде части Z и у лица Г – отсутствие пригодного для самостоятельного использования результата интеллектуальной деятельности – части единой информационной технологии. Одновременно суд может указать, что при решении общих вопросов и не достижении по ним единства мнений у право-

обладателей единой информационной технологии, данный вопрос, исходя из указанных выше обстоятельств (оценки вклада в создание единой информационной технологии и проч.) должен быть решен в порядке голосования, в условиях которого А имеет 34% голосов, Б – 12% голосов, В – 32% и Г – 22 % голосов.

5. Передача прав на технологию, совместно принадлежащих субъектам частного и публичного права

В качестве особой ситуации вмешательства законодателя в правомочия обладателей прав на технологию и ее части следует указать вариант, когда информационная технология создана с привлечением бюджетных средств: право на такую технологию может принадлежать одновременно Российской Федерации, субъекту Российской Федерации, другим инвесторам проекта, в результате осуществления которого создана технология, исполнителю и иным правообладателям.

Гражданский кодекс РФ в указанной части не определил критерии определения того обстоятельства, что технология создана на бюджетные средства, не указал, в каком объеме в общих затратах на создание технологии были использованы бюджетные средства (например, «преимущественно с помощью бюджетных средств»), не отметил публичную значимость данной технологии и т.п. В указанной связи в качестве правообладателей названы Российская Федерация и субъект Российской Федерации, но такого рода регулирование не распространено на участие в проектах по созданию технологии муниципальными образованияами за счет средств местных бюджетов. Законодатель не указал также причины, по которым его участие в создании технологии ограничено именно направлением бюджетных средств, а не использованием государственного или муниципального имущества, переданного разработчикам технологии и «потребленного» при ее разработке (например, предоставление на льготных началах или бесплатно недвижимого имущества, находящегося в государственной или муниципальной собственности, в целях практической организации работ по созданию технологии, информационных ресурсов, государственных средств коммуникации и т.п.).

Видимо, предполагалось, что данные вопросы будут решены специальным законодательством.

В качестве такого акта следует указать прежде всего Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 284-ФЗ «О передаче прав на единые технологии» [20], согласно ст. 1 которого данный Закон регулирует отношения по распоряжению правами на единые технологии гражданского, военного, специального или двойного назначения, которые принадлежат Российской Федерации или субъекту Российской Федерации либо совместно Российской Федерации или субъекту Российской Федерации и иным лицам, путем их передачи на основе проведения конкурсов или аукционов, а также порядок передачи прав на единые технологии без проведения конкурсов или аукционов.

Если в качестве правообладателей выступают Российская Федерация или субъект Российской Федерации, передача права на технологию является их обязанностью. Причем в нормативном порядке установлен срок ее исполнения. Право на технологию должно быть передано в течение шести месяцев с момента приобретения

Российской Федерацией или субъектом Российской Федерации прав на результаты интеллектуальной деятельности, входящие в состав технологии. Именно с этого момента у государства и возникает право на технологию. В свою очередь право на технологию, связанную с обеспечением обороны и безопасности Российской Федерации, должно быть отчуждено незамедлительно после того, как правообладатель утратит необходимость сохранения права за собой [21, с. 118].

Распоряжение правом на технологию осуществляется в особом порядке путем проведения торгов. Приоритетной формой признается конкурс, поскольку позволяет заключить договор с лицом, предложившим правообладателю наилучшие условия. И лишь в случае невозможности отчуждения права на конкурсной основе (например, в связи с признанием конкурса несостоявшимся) оно может быть передано по результатам проведения аукциона. В этом случае право на технологию передается лицу, предложившему правообладателю наибольшее вознаграждение. Порядок проведения торгов, а также возможные случаи передачи права на технологию без проведения конкурса или аукциона определяются законом о передаче технологий.

По общему правилу право на технологию передается на возмездной основе. В то же время законодатель допускает возможность его безвозмездного предоставления в ряде случаев, перечень которых определяется Правительством РФ. Внедрение некоторых технологий имеет важное социально-экономическое значение либо необходимо для обеспечения обороны и безопасности Российской Федерации. Однако оно может оказаться слишком затратным, в связи с чем расходы на приобретение права на технологию, а также на ее внедрение могут превысить ожидаемую от ее использования прибыль. В этих случаях Российская Федерация или субъект Российской Федерации могут передать право на единую технологию безвозмездно.

Право на технологию должно быть передано лицу, заинтересованному во внедрении технологии и обладающему для этого реальными возможностями. Данное требование, предъявляемое к приобретателю права на технологию, предусмотрено законодателем для того, чтобы единая технология нашла практическое применение. При этом лицо, организовавшее создание единой технологии, пользуется преимущественным правом ее приобретения перед третьими лицами.

В целях развития наукоемких технологий государство вкладывает свои средства в их разработку, в связи с чем оно заинтересовано во внедрении технологий преимущественно на территории Российской Федерации.

Правообладатель может передать право для использования единой технологии на территории иностранных государств только с согласия государственного заказчика или распорядителя бюджетных средств. Передача права в данном случае должна соответствовать требованиям законодательства о внешнеэкономической деятельности, в частности федеральным законам от 8 декабря 2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» [22], от 19 июля 1998 г. № 114-ФЗ «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами» [23], от 18 июля 1999 г. № 183-ФЗ «Об экспортном контроле» [24] и т.п.

Сделки, предусматривающие использование единой информационной технологии за рубежом, подлежат государственной регистрации в федеральном органе исполнительной власти по интеллектуальной собственности. Причем несоблюдение требования о государственной регистрации влечет недействительность сделки.

Полагаем, что такого рода подход не противоречит каким-либо принципам и нормам международного права, делегирующего решение данных вопросов национальным законодателям.

Заключение

Таким образом, в работе сделан анализ предусмотренных законом способов передачи прав на информационные технологии. Изучена процедура передачи прав. Сделана оценка на предмет соответствия положений российского законодательства логике его применения в реальной экономике.

В ходе исследования установлены отдельные недостатки законодательной регламентации передачи прав на информационные технологии (и единые технологии в целом) в России, в связи с чем сделаны предложения по уточнению, изменению и дополнению норм гражданского законодательства Российской Федерации.

В результате следует законодательно уточнить особенности передачи прав при их «расщеплении» между отдельными лицами, когда каждая часть единой технологии может использоваться самостоятельно.

В целом, предложены пути действия в ситуации принадлежности прав на части технологии разным лицам, в том числе, в части проблемы принятия общего решения правообладателями. По мнению автора, здесь возможно допустить отдельные элементы государственного вмешательства в частноправовые отношения, что не нарушит общего принципа их диспозитивности.

Отдельно дана оценка правовому регулированию вопросов передачи прав на технологию, совместно принадлежащих субъектам частного и публичного права. Предложенный законодателем и реализуемый на практике подход в этой сфере представляется разумным и обоснованным.

Пристатейный библиографический список

1. *Максуров А. А.* Актуальные проблемы реализации субъективных гражданских прав в сети Интернет : монография. М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2023.
2. *Таланова М. В.* Эффективность норм частного права // Частноправовые отношения в условиях глобализации. Ч. 1. Saarbrüchen: Lambert academic publishing, 2012.
3. *Макаров И. И.* Координация в праве. Ярославль : ЯФ МФЮА, 2012.
4. *Фролов С. Е.* Принципы координационной деятельности // Актуальные проблемы юриспруденции : сборник научных трудов. Владимир, 2002.
5. *Карташов В. Н.* К вопросу о понятии координационной юридической тактики // Развитие молодежной юридической науки в современном мире : сборник научных трудов по материалам VIII Международной научно-практической интернет-конференции 15 мая 2011 года. Тамбов, 2011.

6. *Кивленок Т. В.* Правовой акт как внешняя форма координационной деятельности // Актуальные проблемы юриспруденции : сборник научных трудов. Вып. 3. Владимир : ВГПУ, 2002.
7. *Таланова М. В.* К вопросу о классификации функций медиативной юридической практики // Современное право. 2012. № 10.
8. *Таланова М. В.* Медиация в праве: юридическая технология медиативных процедур. М. : ЭкОонис, 2013.
9. *Чернецов В. Ю.* Психологический подход к изучению проблем координационной юридической практики // Законодательство и правоприменение в Российской Федерации : доклады и сообщения VII международной научной конференции, Москва, 17 апреля 2007 г. М. : РГГУ, 2007.
10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
11. Гражданское исполнительное право : учебник / под ред. А. А. Власова. М. : Экзамен, 2004.
12. *Максуров А. А.* Регистрация и ликвидация юридических лиц : монография. М. : Русайнс, 2023.
13. *Мозолин В. П., Белова Д. А.* Право использования результатов интеллектуальной деятельности в составе единой технологии // Право и экономика. 2008. № 9.
14. *Постнов А. С.* Контроль и надзор как факторы повышения эффективности координационной практики // Российское право в период социальных реформ : материалы конференции студентов, аспирантов, соискателей и молодых ученых-юристов (г. Нижний Новгород, 26–27 ноября 2004 г.). Вып. 6. Ч. 1. Нижний Новгород, 2005.
15. *Булаевский Б. А.* Классификация правовых презумпций // Журнал российского права. 2010. № 11.
16. *Булаевский Б. А.* Применение презумпций в регулировании отношений по поводу результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации // Журнал российского права. 2012. № 5.
17. *Булаевский Б. А.* Функции правовых презумпций // Журнал российского права. 2011. № 3.
18. *Зацепина О. Е.* Правовые презумпции и правовые фикции: соотношение и развитие: дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2022.
19. *Максуров А. А.* Особенности правоотношений в сфере информационных технологий // Вестник Юридического института МИИТ. 2024. № 1 (45).
20. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 284-ФЗ «О передаче прав на единые технологии» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. I). Ст. 6239.
21. *Городов О. А.* Правовая охрана и использование единых технологий, созданных за счет или с привлечением бюджетных средств. М. : Волтерс Клувер, 2019.
22. Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4850.
23. Федеральный закон от 19 июля 1998 г. № 114-ФЗ «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами» // СЗ РФ. 1998. № 30. Ст. 3610.

24. Федеральный закон от 18 июля 1999 г. № 183-ФЗ «Об экспортном контроле» // СЗ РФ. 1999. № 30. Ст. 3774.

References

1. *Maksurov A. A.* Actual Problems of Realization of Subjective Civil Rights on the Internet: Monograph. Moscow: Publishing and Trading Corporation "Dashkov and Co", 2023. (In Russ.)
2. *Talanova M. V.* Effectiveness of Private Law Norms. In Private Law Relations in the Context of Globalization. Part 1. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2012. (In Russ.)
3. *Makarov I. I.* Coordination in Law. Yaroslavl: Yaroslavl Branch of the Moscow Financial Law University, 2012. (In Russ.)
4. *Frolov S. E.* Principles of Coordination Activities. In Actual Problems of Jurisprudence: Collection of Scientific Papers. Vladimir, 2002. (In Russ.)
5. *Kartashov V. N.* On the Concept of Coordination Legal Tactics. In Development of Youth Legal Science in the Modern World: Collection of Scientific Papers Based on the Materials of the VIII International Scientific and Practical Internet Conference on May 15, 2011. Tambov, 2011. (In Russ.)
6. *Kivlenok T. V.* Legal Act as an External Form of Coordination Activity. In Actual Problems of Jurisprudence: Collection of Scientific Papers. Issue 3. Vladimir: VSPU, 2002. (In Russ.)
7. *Talanova M. V.* On the Classification of Functions of Mediation Legal Practice. *Modern Law*, 2012, no. 10. (In Russ.)
8. *Talanova M. V.* Mediation in Law: Legal Technology of Mediation Procedures. Moscow: Ekoonis, 2013. (In Russ.)
9. *Chernetsov V. Iu.* Psychological Approach to the Study of Problems of Coordination Legal Practice. In Legislation and Law Enforcement in the Russian Federation: Reports and Communications of the VII International Scientific Conference, Moscow, April 17, 2007. Moscow: RSUH, 2007. (In Russ.)
10. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of January 26, 1996 No. 14-FZ. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1994, no. 32, art. 3301. (In Russ.)
11. *Vlasov A. A. (ed.).* Civil Executive Law: Textbook. Moscow: Exam, 2004. (In Russ.)
12. *Maksurov A. A.* Registration and Liquidation of Legal Entities: Monograph. Moscow: Rusains, 2023. (In Russ.)
13. *Mozolin V. P., Belova D. A.* Right to Use the Results of Intellectual Activity as Part of a Single Technology. *Law and Economics*, 2008, no. 9. (In Russ.)
14. *Postnov A. S.* Control and Supervision as Factors in Increasing the Efficiency of Coordination Practice. In Russian Law in the Period of Social Reforms: Materials of the Conference of Students, Graduate Students, Applicants and Young Legal Scholars (Nizhny Novgorod, November 26–27, 2004). Issue 6. Part 1. Nizhny Novgorod, 2005. (In Russ.)
15. *Bulaevskii B. A.* Classification of Legal Presumptions. *Journal of Russian Law*, 2010, no. 11. (In Russ.)

16. *Bulaevskii B. A.* Application of Presumptions in Regulating Relations Regarding the Results of Intellectual Activity and Means of Individualization. *Journal of Russian Law*, 2012, no. 5. (In Russ.)
17. *Bulaevskii B. A.* Functions of Legal Presumptions. *Journal of Russian Law*, 2011, no. 3. (In Russ.)
18. *Zatsepina O. E.* Legal Presumptions and Legal Fictions: Correlation and Development: Thesis for a Candidate Degree in Historical Sciences. Belgorod, 2022. (In Russ.)
19. *Maksurov A. A.* Features of Legal Relations in the Field of Information Technology. *Bulletin of the Law Institute of MIIT*, 2024, no. 1 (45). (In Russ.)
20. Federal Law of December 25, 2008 No. 284-FZ "On the Transfer of Rights to Unified Technologies". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2008, no. 52 (part I), art. 6239. (In Russ.)
21. *Gorodov O. A.* Legal Protection and Use of Unified Technologies Created at the Expense of or With the Involvement of Budgetary Funds. Moscow: Wolters Kluwer, 2019. (In Russ.)
22. Federal Law of December 8, 2003 No. 164-FZ "On the Fundamentals of State Regulation of Foreign Trade Activity". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2003, no. 50, art. 4850. (In Russ.)
23. Federal Law of July 19, 1998 No. 114-FZ "On Military-Technical Cooperation of the Russian Federation with Foreign States". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1998, no. 30, art. 3610. (In Russ.)
24. Federal Law of July 18, 1999 No. 183-FZ "On Export Control". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1999, no. 30, art. 3774. (In Russ.)

Сведения об авторе:

А. А. Максуров – кандидат юридических наук.

Information about the author:

A. A. Maksurov – PhD in Law.

Статья поступила в редакцию 16.12.2024; одобрена после рецензирования 10.03.2025; принята к публикации 19.03.2025.

The article was submitted to the editorial office 16.12.2024; approved after reviewing 10.03.2025; accepted for publication 19.03.2025.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-166-182>

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Анастасия Васильевна Малешина¹

Анна Сергеевна Озерова²

^{1,2} МГУ им. М. В. Ломоносова, 119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, д. 1

¹ anastasia.gololobova@gmail.com

² annaozerova55@mail.ru

Аннотация

Цель исследования – анализ новеллы уголовного закона в части установления уголовной ответственности за незаконные использование и (или) передачу, сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные. В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу об ошибочном определении объекта новых составов преступления и, соответственно, их места в системе УК РФ. Видовым объектом рассматриваемых преступлений, по мысли законодателя, выступают общественные отношения, гарантирующие безопасность компьютерной информации. В статье обосновывается, что уголовно-правовыми мерами защищать необходимо не информацию саму по себе в отрыве от контекста ее функционирования, а непосредственно те общественные отношения, которые претерпевают негативные изменения, причиняемые преступлением. Наряду с этим в статье поднимаются и иные проблемы, решение которых позволит более эффективно защищать уголовно-правовыми средствами безопасность персональных данных субъектов. Так, рассматриваются следующие вопросы: терминологические недостатки нового состава преступления, разграничение состава преступления, предлагаемого в законопроекте, с иными смежными составами преступлений, а также с правонарушениями.

Ключевые слова: персональные данные; неприкосновенность частной жизни; компьютерная информация; информационные технологии; информационная безопасность; личная тайна; незаконный доступ к компьютерной информации.

Для цитирования: Малешина А. В., Озерова А. С. Новые подходы к уголовно-правовой охране персональных данных // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 2. С. 166–182. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-166-182>

Research Article

THE NEW APPROACHES TOWARD CRIMINAL LAW PROTECTION OF PERSONAL DATA

Anastasia V. Maleshina¹

Anna S. Ozerova²

^{1,2} Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia

¹ anastasia.gololobova@gmail.com

² annaozerova55@mail.ru

Abstract

The purpose of the study is conducting analysis of the new law, which provides for amendments to the Criminal Code of the Russian Federation in terms of establishing liability for the illegal use and transfer, collection and storage of computer information containing personal data. The conducted research shows that the corpus delict of the new offence is misplaced in the system of the Criminal Code of the Russian Federation. According to the legislator, the specific object of the crime is public relations that guarantee the security of computer information. Apparently, the information should be criminally protected not in itself but in a broader social context and the concept of social harm caused by the crime. Along with this, the article raises other problems, the solution of which, in the authors' opinion, will make it possible to more effectively protect the security of personal data of subjects by criminal legal means. Thus, the following issues are considered: terminological shortcomings of the new offence, the differentiation of the offence proposed with the related offences, as well as with the torts.

Keywords: personal data; privacy; computer information; information technologies; information security; personal secrets; illegal access to computer information.

For citation: *Maleshina A.V., Ozerova A. S. The New Approaches Toward Criminal Law Protection of Personal Data. Herald of the Russian Law Academy, 2025, no. 2, pp. 166–182. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-166-182>

Введение

К моменту принятия рассматриваемой новеллы в научных кругах сложилось устойчивое понимание необходимости уголовно-правовой охраны информационной безопасности личности, правоприменительная практика в свою очередь выработала подходы как к определению категории персональных данных, так и к реализации уголовно-правовой охраны. Несмотря на очевидный вывод о неоднородности судебной практики, ее анализ позволяет выделить ряд составов преступных посягательств (ст. 137, 138, 173.2, 183, 272, 320 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ)), которые до введения новой ст. 272.1 УК РФ чаще всего вменялись в случае совершения посягательств на персональные данные. Зачастую при этом имело место расширительное толкование признаков, характеризующих предмет преступления. В частности, по ст. 137 УК РФ суды квалифицировали в качестве посягательства на личную тайну случаи незаконного использования следующих категорий персональных данных, не подпадающих под правовой режим «тайны»:

1) паспортные данные, сведения о месте регистрации, дата рождения, фамилия, имя и отчество [1; 2; 3]; фамилия, имя, отчество, номер мобильного телефона, место работы, адрес проживания, фотография потерпевшего, позволяющие персонализировать его личность [4];

2) номера абонентов, с которыми у потерпевшего были соединения, ставшие известными виновному в связи с исполнением им служебных обязанностей (по совокупности со ст. 138 УК РФ) [5];

3) фотография лица, анкетные данные, адрес регистрации, сведения о судимости. Так, виновный имел доступ к информационной базе данных ГУ МВД России по Новосибирской области, который был предоставлен на основании занимаемой им должности оперуполномоченного. Указанные сведения были предоставлены виновным его приятелю по просьбе последнего [6];

4) личный абонентский номер потерпевшего, фотография с его изображением, а также фотография его водительского удостоверения и паспорта гражданина РФ [7];

5) сведения о жителях, содержащиеся в электронной базе данных органа муниципального образования (администрации города N), а именно: фамилия, имя, отчество, год и место рождения, регистрация, паспортные данные, семейное положение, данные о коммунальных платежах. Доступ к указанной информации виновный имел в силу своего служебного положения, распространяя ее в систематизированном виде за денежное вознаграждение третьим лицам [8];

6) информация об адресе местожительства потерпевшего [9; 10].

Даже на примере анализа судебной практики по одной приведенной статье очевидно, что такая квалификация небесспорна и требует переосмысления. Безусловно, личная или семейная тайна, составляющие предмет преступления ст. 137 УК РФ, могут быть представлены персональными данными лица, в том числе биометрически-

ми, но отождествлять рассматриваемые категории представляется неверным. Вместе с тем, несмотря на очевидное расширение судебного толкования термина «личная и семейная тайна», подобный подход объясним преимущественной направленностью таких посягательств на неприкосновенность частной жизни лица. Именно по этой причине одним из возможных путей реформирования ответственности за незаконный оборот персональных данных выступало уточнение предмета ч. 1 ст. 137 УК РФ, с тем чтобы он включал в себя, в том числе, и персональные данные.

1. Анализ законодательной новеллы. Определение объекта состава преступления

Несмотря на то, что в литературе зачастую поддерживался сложившийся *de lege lata* подход к квалификации деяний, нарушающих Федеральный закон «О персональных данных», ряд правоведов [11, с. 21; 12, с. 107–116; 13, с. 29] указывали в своих работах на необходимость самостоятельной уголовно-правовой охраны персональных данных. Впервые в отечественном законодательстве Федеральным законом от 30 ноября 2024 г. № 421-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» криминализованы незаконные действия в отношении персональных данных. Согласно указанному закону, УК РФ дополнен ст. 272.1, которой устанавливается ответственность за «незаконные использование и (или) передачу, сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, а равно создание и (или) обеспечение функционирования информационных ресурсов, предназначенных для ее незаконного хранения и (или) распространения» [14].

Следует сказать, что в научной литературе [15, с. 93–103] положения новеллы уголовного закона в период его рассмотрения в Государственной Думе уже подвергались критике, которая во многом представляется обоснованной. Выскажем и мы свои соображения, проанализировав объективные и субъективные признаки нового состава преступления.

В пояснительной записке данного закона отмечается: «для целей уголовного законодательства конкретизирован объект преступного посягательства (компьютерная информация), который содержит персональные данные, полученные незаконным путем» [14].

Не вызывает сомнений, что ошибочно считать компьютерную информацию, а именно *персональные данные в форме компьютерной информации* объектом преступления. Посредством компьютерной информации, содержащей персональные данные, как предмета преступления преступник главным образом причиняет ущерб информационной приватности личности. В противном случае нарушается фундаментальное правило разграничения объекта преступления и его факультативного признака предмета.

Переходя к вопросу определения объекта, отметим, что место рассматриваемого состава преступления в системе УК РФ определено в разд. IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», а именно в гл. 28 «Преступления в сфере компьютерной информации». Отсюда родовым объектом указанного преступления, по мысли законодателя, выступает общественная безопасность, а видовым объектом – общественные отношения, гарантирующие безо-

пасность компьютерной информации. Представляется спорным решение о месте нового состава преступления в системе уголовного законодательства.

По нашему мнению, уголовно-правовая охрана должна предоставляться не информации как таковой, в отрыве от ее содержания, а общественным отношениям, претерпевающим негативные изменения в результате совершения преступления. Например, при разглашении сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении должностного лица, страдает нормальная деятельность государственных органов; при незаконном сборении личной тайны или персональных данных – неприкосновенность частной жизни и т.д. Данное представление основано и на тексте Федерального закона «О персональных данных», в ст. 2 которого определена цель обеспечения прав и свобод человека и гражданина, помимо прочего, посредством обеспечения неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны.

На связь персональных данных и неприкосновенности личной жизни неоднократно указывал и Конституционный Суд РФ (далее – КС РФ). Так, в определении КС РФ от 26 марта 2019 г. № 849-О [16] право на защиту персональных данных было выведено из прав, гарантированных ст. 23 и ч. 1 ст. 24 Конституции РФ. В других определениях КС РФ персональные данные представлены как разновидность [17] информации о частной жизни лица, а природа персональных данных обусловлена конституционными требованиями уважения частной жизни лица [18]. К сведениям о частной жизни лица КС РФ относит и персональные данные медицинского работника, «публикуемые на интернет-сайте, а равно отзывы о его профессиональной деятельности, размещаемые на сайте пользователями» [19].

В правовой доктрине институт персональных данных рассматривается как результат исторического развития права на неприкосновенность частной жизни [20, с. 669–672; 21; 22, с. 26; 23, с. 43–82]. Главной целью рассматриваемого института является, прежде всего, недопущение манипулирования любой информацией, относящейся к физическому лицу. Преступные посяательства на персональные данные приводят к нарушению права лица контролировать сбор, распространение и использование персональных данных, а также вступать в различные общественные отношения от своего имени. Именно по этой причине ряд авторов исключает возможность исчерпывающего определения категории «частная жизнь» [24, с. 103–118].

Кроме того, представляется, что предлагаемое законодателем место нового состава преступления в системе УК РФ оставляет вне уголовно-правовой защиты большой массив персональных данных, которые хранятся на бумажных носителях, а не в форме компьютерной информации.

Например, можно переписать от руки или сфотографировать персональные данные, которые используются в служебных целях и хранятся на бумажных носителях (например, анкета при поступлении на работу, личный листок по учету кадров, трудовая книжка, паспорт, свидетельство о рождении, налоговые справки (2-НДФЛ, 3-НДФЛ и иные), диплом о высшем образовании, ИНН, СНИЛС, ОМС, аттестат, свидетельство о заключении брака, свидетельство о расторжении брака, гражданско-правовые и трудовые договоры, расписки, служебные удостоверения, временная регистрация и иные материальные (бумажные) носители персональных данных).

Таким образом, выходит, что в ряде случаев компьютерная информация не только не является объектом, но и не выступает предметом подобного преступления.

Представляется, что специфика совершения посягательств на персональные данные в виде «неправомерного доступа к компьютерной информации» или «использования информационных технологий» может быть отражена при описании способа совершения преступления, например, путем указания на соответствующий квалифицирующий признак.

Следует отметить и тот факт, что исторически, до внесения рассматриваемого законопроекта в Государственную Думу, высказывались иные идеи относительно правовой сути категории «персональные данные».

Так, в 2021 г. в верхней палате российского парламента прошли парламентские слушания на тему «Неприкосновенность частной жизни в условиях цифровизации и ответственность за ее нарушение» [25], где обсуждались вопросы защиты прав субъектов персональных данных в свете защиты неприкосновенности частной жизни.

Один из докладчиков совершенно справедливо отметил: «частные данные принадлежат тому лицу, которое, собственно говоря, является носителем этих данных, – это прежде всего. И это право, право неприкосновенности частной жизни, и право на защиту этих данных – это права конкретного индивидуального лица» [25].

Кроме того, на указанных слушаниях приводились результаты социологического опроса, согласно которому люди в большей степени обеспокоены возможностью совершения мошеннических и иных преступных действий с использованием персональных данных. «Другими словами, речь идет о том, насколько распространение и использование цифровых технологий обеспечивает соблюдение конституционных прав каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени» [25].

В связи с вышеуказанным сложно согласиться с законодателем относительно определения объекта нового состава преступления. Полагаем, что *de lege ferenda* видо-вым объектом посягательств на персональные данные должны выступать *общественные отношения в сфере реализации конституционных прав и свобод личности*.

Непосредственным объектом посягательств на персональную информацию, по нашему мнению, выступают общественные отношения по охране неприкосновенности частной жизни.

Дополнительным объектом преступлений, предметом которых выступает персональная информация, *de lege ferenda* выступает психическая неприкосновенность личности. Факультативным объектом рассматриваемых преступлений могут выступать честь и достоинство личности. Одной из распространенных преступных целей совершения преступных посягательств в отношении общедоступной персональной информации является желание виновного унижить, оскорбить и умалить репутацию потерпевшего [26; 27]. Стремление представить лицо в невыгодном свете в настоящее время реализуется злоумышленниками не посредством раскрытия личных тайн потерпевшего, а путем, например, распространения той или иной дискредитирующей информации от его имени в интернете с использованием персональных данных.

Предметом рассматриваемого преступления является полученная незаконным путем компьютерная информация, содержащая как общие (ФИО, дата и место рождения, адрес, контактные данные, профессиональная деятельность, место работы и т.д.), так и специальные (касающиеся расовой, национальной принадлежности, политических взглядов, религиозных или философских убеждений, состояния здоровья, интимной жизни, а также биометрические персональные данные) персональные данные [14].

Следует отметить, что в первой редакции законопроект не выделял каких-либо специальных категорий потерпевших. Однако при подготовке редакции законопроекта ко второму чтению в ч. 2 ст. 272.1 УК РФ была закреплена ответственность за незаконные действия в отношении компьютерной информации, содержащей персональные данные несовершеннолетних лиц. С таким шагом законодателя следует согласиться, поскольку посягательства на персональную информацию о несовершеннолетнем характеризуются повышенной общественной опасностью в силу психофизиологических особенностей [28; 29, с. 3–4; 30, с. 165–169] такой группы потерпевших, а также в связи с интенсивным развитием цифровых технологий и социальных сетей. В частности, в Концепции информационной безопасности детей в Российской Федерации [31] защищенность персональных данных несовершеннолетних, размещенных в сети Интернет, отнесена к приоритетным задачам государства. В Концепции также указывается на риски размещения несовершеннолетними личной информации в силу открытости и доступности такого рода информации для использования злоумышленниками в противоправных целях [31]. Кроме того, несовершеннолетние в меньшей степени осознают риски, последствия, соответствующие гарантии и права при обработке данных [32].

2. Объективная сторона состава преступления

Если обратиться к анализу объективной стороны нового состава преступления, то следует отметить, что в законе действия, посягающие на персональные данные, описаны как «использование и (или) передача (распространение, предоставление, доступ), сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные» [14]. Если сопоставить данный текст со ст. 3 Федерального закона «О персональных данных», которая определяет действия, направленные на обработку персональных данных, то можно прийти к выводу, что в тексте закона не нашли отражения такие действия, как запись, систематизация, накопление, уточнение (обновление, изменение), извлечение, обезличивание, блокирование, удаление, уничтожение персональных данных.

Если подробно характеризовать каждый из способов совершаемого преступления, то следует отметить, что «незаконное собирание» (в редакции закона «сбор») охватывает и такие способы обработки, как *накопление* и *запись*.

Каждый из перечисленных терминов имеет свою специфику согласно Федеральному закону «О персональных данных», которая не является существенной в уголовно-правовом значении, а потому не требуется их перечисление в норме закона.

Полагаем, что термин «*использование*» персональных данных в уголовно-правовом смысле включает в себя *систематизацию, уточнение (обновление, измене-*

ние), а также *извлечение*. Например, к *систематизации* данных следует относить любой вид обработки таковых по качественным критериям. В процессе *уточнения персональных данных* могут быть устранены какие-либо неточности или внесены дополнения, конкретизирующие данные по какому-либо критерию. *Извлечение* в свою очередь – это «совокупность алгоритмов и компьютерных методов обработки информации, используемых для выборки данных из специальных хранилищ или баз данных» [21].

В связи с этим следует согласиться с отсутствием выделения в ст. 272.1 УК РФ в качестве альтернативных признаков объективной стороны вышеназванных действий, установленных в отраслевом законодательстве, содержание которых полностью охватывается термином «использование» и «собираение».

В то же время *незаконные обезличивание, блокирование, удаление и уничтожение персональных данных*, определенные в Законе, по нашему мнению, причиняют вред не информационной автономии личности, а компьютерной безопасности. В связи с этим в случае совершения таких действий возможна квалификация по ст. 272 УК РФ, объективная сторона которой включает в себя такие преступные последствия, как *уничтожение и блокирование компьютерной информации*. Например, в ситуации обезличивания персональных данных без дополнительной информации невозможно определить ее принадлежность конкретному субъекту и, соответственно, причинить вред личным правам. Сказанное справедливо и в отношении *блокирования, удаления и уничтожения персональных данных*.

Следует согласиться с предлагаемым в новой ст. 272.1 УК РФ разграничением *незаконного распространения персональных данных* и их *незаконного использования*.

Незаконное использование персональных данных может быть выражено в следующих действиях:

- 1) создание фэйковой страницы потерпевшего в социальных сетях и дальнейшая переписка от его имени;
- 2) использование персональных данных в целях получения гражданско-правовых услуг от имени потерпевшего (например, каршеринга или медицинских услуг);
- 3) создание с использованием технологии *deepfake* недействительного видео- или фотоизображения потерпевшего посредством компиляции различных фотографий лица из интернета и иных источников (например, лицо потерпевшего используется в неприличном видео в целях причинения ему репутационного ущерба);
- 4) продажа персональных данных на черном рынке;
- 5) подмена личности в цифровом пространстве и иное.

Под *распространением информации*, толкуя указанный термин строго и нерасширительно, необходимо понимать исключительно процесс передачи определенных сведений от одного лица другому. Ошибочно включать в понятие распространения персональных данных различные способы их незаконного использования, а именно: применение указанных сведений в процессе противозаконной деятельности и иное распоряжение таковой злоумышленником.

Наряду с названными действиями, согласно положениям ст. 272.1 УК РФ, уголовная ответственность альтернативно установлена и за *передачу* персональных

данных. Вряд ли можно согласиться с использованием термина «передача» данных, избыточным видится и указание в уголовном законе на её формы – распространение, предоставление, доступ. Отраслевое законодательство [34] различает такие формы передачи персональных данных в зависимости от категории адресата. В случае распространения речь идет о неопределенном круге адресатов, а при предоставлении всегда можно указать таковых. В уголовно-правовой доктрине, а также судебной практике [35] под распространением сведений понимается их *сообщение (разглашение) даже одному лицу*. В связи с этим, с нашей точки зрения, указанные незаконные действия обоснованно в рамках предлагаемой криминализации определять как незаконное распространение.

Кроме того, применительно к информации как нематериальному благу в иных составах преступлений используется термин «распространение» (ст. 128.1, 163 УК РФ и иные). В целях терминологического единства уголовного закона более обоснованным будет именование указанного преступного действия как «распространение», в содержание которого входят передача, предоставление и доступ. Как уже было указано выше, обоснован такой вывод и в отношении термина «сбор». В УК РФ устоявшимся термином, который используется для обозначения указанного действия, выступает «собираание» информации (например, ст. 137, 183, 276 УК РФ).

В соответствии со ст. 272.1 УК РФ последним альтернативным признаком объективной стороны преступления выступает «хранение» персональных данных.

Представляется, что с учетом стремительного развития информационных технологий решение о криминализации незаконного хранения персональных данных является обоснованным. Так, если незаконная деятельность в отношении персональных данных осуществляется, например, организованной группой, то один из членов такой группы может осуществлять исключительно хранение незаконно собираемых данных. Указанная позиция поддерживается также и в уголовно-правовой доктрине [36, с. 135; 37, с. 110].

Обращаясь к понятию «неправомерный доступ» к средствам обработки компьютерной информации, ее хранения или иного вмешательства в их функционирование, следует упомянуть об отсутствии единообразного подхода к его сущностному определению в уголовно-правовой доктрине. В частности, ряд правоведов [38, с. 12; 39; 40, с. 8.] называет в качестве ключевого признака рассматриваемого термина отсутствие у лица, получившего доступ, законного права на него.

Вместе с тем в научной литературе сформулирован и широкий подход к определению неправомерного доступа, согласно которому «доступ будет являться неправомерным, если лицо не имеет права на доступ к данной информации, либо лицо имеет право на доступ к данной информации, однако осуществляет его помимо установленного порядка, с нарушением правил ее защиты» [41, с. 251].

Соглашаясь с широким подходом к пониманию «неправомерного доступа», отметим, что иное толкование термина будет оставлять за рамками уголовно-правового запрета последующие незаконные действия в отношении данных, полученных лицом без нарушения закона или, другими словами, имеющим законное право на доступ к ним.

3. Разграничение смежных составов преступлений и правонарушений

Прежде всего необходимо определить соотношение ст. 272.1 и 272 УК РФ.

На первый взгляд может показаться, что рассматриваемые нормы соотносятся как общая и специальная по признаку предмета преступления. Так, если предметом преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ, выступает любая охраняемая законом компьютерная информация, то, согласно ст. 272.1 УК РФ, предмет сужается до «компьютерной информации, содержащей персональные данные» [14].

Однако, обращаясь к анализу объективной стороны исследуемых составов преступлений, можно отметить отсутствие в диспозиции предлагаемой нормы последствий, указанных в ст. 272 УК РФ: «уничтожения, блокирования, модификации либо копирования компьютерной информации». В таком случае возникает закономерный вопрос: как следует квалифицировать содеянное в том случае, когда лицо осуществляет незаконное собирание персональных данных, а после этого уничтожает собранную информацию? Вменение совокупности преступлений в таком случае не видится справедливым решением вопроса.

Наряду с этим, остается открытым вопрос о квалификации незаконных действий в отношении той категории персональных данных, которые одновременно подпадают под режим охраняемой законом тайны. И если в отношении тех данных, посягательство на которые нарушает неприкосновенность частной жизни, проблема решена законодателем за счет внесения изменений в диспозицию ч. 1 ст. 137 УК РФ, то в отношении других видов охраняемой законом тайны, в частности коммерческой, налоговой или банковской (ст. 183 УК РФ), такого уточнения нет.

Кроме того, не представляется возможным разграничить рассматриваемый состав преступления и правонарушение, предусмотренное ст. 13.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Если проанализировать названную норму, то можно прийти к заключению, что объективная сторона исследуемых норм частично совпадает, так как понятие «обработка данных», предусмотренное ст. 13.11 КоАП РФ, включает в себя все альтернативные признаки объективной стороны ст. 272.1 УК РФ. При этом отсутствует в диспозиции статьи и указание на преступные последствия, наличие которых позволило бы решить проблему разграничения норм. К аналогичному заключению пришел и Верховный Суд РФ в официальном отзыве на проект федерального закона [42].

До внесения соответствующих изменений в УК РФ разумным выглядело предложение, в соответствии с которым преступные посягательства в отношении персональных данных разграничивать с административными правонарушениями следует именно по признаку преступных последствий. Ввиду того, что такие последствия могут быть крайне разнообразными, обоснованным, с нашей точки зрения, было бы указание на *«причинение вреда правам и законным интересам граждан»*.

4. Субъективные признаки состава преступления

Субъектом рассматриваемого состава преступления по ч. 1 выступает физическое вменяемое лицо, которому ко времени совершения преступления исполнилось 16 лет. Вместе с тем определяется и возможность совершения указанного преступления специальным субъектом. Так, ст. 272.1 УК РФ предусматривает такой

квалифицирующий признак в ч. 3, как «использование своего служебного положения» субъектом преступления [14]. В практическом аспекте это означает, что уголовной ответственности будут подлежать как лица, которые выступают создателями или администраторами информационных ресурсов, предоставляющих доступ к незаконно полученным базам персональных данных, так и потребители подобных незаконных услуг, а равно другие лица, так или иначе вовлеченные в незаконный оборот персональных данных – пользователи персональных данных, распространяющие их или допускающие распространение, лица, осуществляющие сбор персональных данных для последующего распространения или иного незаконного использования, и т.д.

Формально-логический анализ признаков рассматриваемого преступления позволяет сделать вывод, что оно не может быть совершено с неосторожной формой вины или косвенным умыслом.

Отметим также, что новая норма уголовного закона содержит два примечания. Отдельное внимание обратим на примечание первое, согласно которому «действие настоящей статьи не распространяется на случаи обработки персональных данных физическими лицами исключительно для личных и семейных нужд» [14].

По нашему мнению, рассматриваемое примечание выступает вторым «ограничительным критерием» (как было рассмотрено выше, предмет преступления в виде компьютерной информации – первый критерий), который существенно сужает сферу применения рассматриваемого уголовно-правового запрета. Кроме того, считаем, что отсутствует правовая определенность в изложении указанного положения. Непонятно, что предлагается понимать под «обработкой персональных данных физическими лицами исключительно для личных и семейных нужд» для целей применения уголовного закона. Какие случаи в соответствии с предложенной логикой не будут подпадать под действие нормы? Например, повлекут ли уголовную ответственность действия ревливой женщины, которая целенаправленно собирает персональные данные коллеги своего супруга (или создает фейковую страницу в социальных сетях с целью общения от ее имени и получения конфиденциальной информации)?

Важно обратить внимание, что в ст. 1 Федерального закона «О персональных данных» указывается, что его действие не распространяется на отношения, возникающие при обработке персональных данных физическими лицами исключительно для личных и семейных нужд, если при этом не нарушаются права субъектов персональных данных. Соответственно, законодатель обращает внимание на то, что такая обработка может быть допустима только в том случае, если отсутствует нарушение прав субъектов персональных данных.

Заключение

Таким образом, анализ новых норм уголовного закона в части установления уголовной ответственности за «незаконное использование и передачу, сбор и хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные» [14], позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Определенный в законе объект состава преступления в виде общественных отношений, гарантирующих безопасность компьютерной информации, оставля-

ет вне уголовно-правовой защиты большой массив персональных данных, которые существуют не в форме компьютерной информации (на бумажном (материальном) носителе).

2. Нарушают терминологическое единство уголовного закона термины «передача» и «сбор», которые используются при описании альтернативных признаков объективной стороны преступления.

3. Следует положительно оценить выделение несовершеннолетних как специальной категории потерпевших, поскольку посягательства на их персональные данные характеризуются повышенной общественной опасностью в силу психофизиологических особенностей указанной группы.

4. Сформулированное в примечании первом к ст. 272.1 УК РФ условие об исключении уголовной ответственности в случае обработки персональных данных для личных и семейных нужд является неопределенным и повлечет трудности в применении нормы. Указанное примечание выступает «ограничительным критерием», который существенно сужает сферу применения рассматриваемого уголовно-правового запрета.

5. Неразрешенными остались вопросы разграничения нового состава преступления с правонарушением, предусмотренным ст. 13.11 КоАП РФ.

Анализируемая норма уголовного закона стала справедливым ответом на непрерывно возникающие угрозы незаконного оборота персональных данных, однако в рамках проведенного исследования было продемонстрировано, что существует потребность в поиске иных подходов к установлению уголовного запрета за совершение рассматриваемых деяний, способных качественно защитить неприкосновенность частной жизни потерпевших от посягательств на персональные данные.

Пристатейный библиографический список

1. Приговор Фрунзенского районного суда г. Владимира от 18 мая 2020 г. по делу № 1-77/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Приговор Ковровского городского суда Владимирской области от 6 августа 2020 г. № 1-257/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Центрального районного суда г. Челябинска от 27 января 2020 г. № 1-166/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Приговор мирового судьи судебного участка № 42 Узловского судебного района от 21 июня 2019 г. № 1-10/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Приговор Приморского районного суда г. Санкт-Петербурга от 15 апреля 2021 г. по делу № 1-482/2021// СПС «КонсультантПлюс».
6. Приговор Центрального районного суда г. Новосибирска от 1 февраля 2021 г. по делу № 1-13/2021// СПС «КонсультантПлюс».
7. Приговор Ново-Савиновского районного суда г. Казани от 1 июля 2019 г. № 1-198/2019// СПС «КонсультантПлюс».
8. Приговор Курганского городского суда Курганской области от 28 декабря 2018 г. по делу № 1-709/18// СПС «КонсультантПлюс».

9. Апелляционное постановление Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 1 декабря 2020 г. по делу № 22-1827/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Приговор Мегино-Кангаласского районного суда Республики Саха (Якутия) от 29 сентября 2020 г. № 1-75/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
11. *Кадников Б. Н.* Уголовно-правовая охрана неприкосновенности частной жизни : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
12. *Чукреев В. А.* Персональные данные, в том числе биометрические данные, как предметы уголовно-правовой охраны // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 3.
13. *Просветова О. Б.* Защита персональных данных : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2005.
14. Система обеспечения законодательной деятельности: сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/502113-8> (дата обращения: 01.03.2024).
15. *Хохлова Е. В.* Вопросы криминализации деяний в отношении персональных данных в контексте законопроекта № 502113-8 // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14. № 1.
16. Определение Конституционного Суда РФ от 26 марта 2019 г. № 849-О // СПС «КонсультантПлюс».
17. Определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 1253-О // СПС «КонсультантПлюс».
18. Постановление Конституционного Суда РФ от 13 января 2020 г. № 1-П // СПС «КонсультантПлюс».
19. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 мая 2021 г. № 22-П «По делу о проверке конституционности пункта 8 части 1 статьи 6 Федерального закона «О персональных данных» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «МедРейтинг» // СПС «КонсультантПлюс».
20. *Авакьян С. А.* Конституционное право России : учебное пособие : в 2 т. М., 2014.
21. *Савельев А. И.* Научно-практический постатейный комментарий к Федеральному закону «О персональных данных». М., 2017.
22. *Бундин М. В.* Персональные данные в системе информации ограниченного доступа : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.
23. *Дмитрик Н. А.* История, смысл и перспективы института персональных данных // Вестник гражданского права. 2020. № 3.
24. *Ромашов П. А.* К вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни в цифровой век / под ред. О. А. Кузнецовой, В. Г. Голубцова, Г. Я. Борисевич, Л. В. Боровых, Ю. В. Васильевой, С. Г. Михайлова, С. Б. Полякова, А. С. Телегина, Т. В. Шершень // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. 2019. № 1.
25. Комитет Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству : сайт. URL: <http://legislation.council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/127610/> (дата обращения: 15.03.2024).
26. Приговор мирового судьи судебного участка № 1 Фрунзенского района г. Владимира от 15 марта 2021 г. по делу № 1-2/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

27. Приговор мирового судьи судебного участка № 1 Ртищевского района от 8 мая 2018 г. по делу № 1-19/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
28. Риски интернет-коммуникации детей и молодежи : учебное пособие / Т. Н. Владимирова и др. М., 2019.
29. Буданов С. А. Правовое обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2006.
30. Буданов С. А., Гаврилов С. Т. Информационная безопасность несовершеннолетних: правовой аспект // Территория науки. 2015. № 2.
31. Распоряжение Правительства РФ от 28 апреля 2023 г. № 1105-р «Об утверждении Концепции информационной безопасности детей в Российской Федерации и признании утратившим силу Распоряжения Правительства РФ от 02.12.2015 № 2471-р» // СПС «КонсультантПлюс».
32. Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2016/679 от 27 апреля 2016 г. о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий Регламент о защите персональных данных) // СПС «Гарант».
33. Власенко М. С. Обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних в сети Интернет: современное состояние и совершенствование правового регулирования // Вестник ВУиТ. 2019. № 3.
34. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс».
35. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // СПС «КонсультантПлюс».
36. Калашникова Е. Е. Уголовно-правовое обеспечение неприкосновенности информации о частной жизни : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.
37. Жеребкин В. П. Уголовно-правовая охрана частной жизни : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003.
38. Доронин А. М. Уголовная ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
39. Воробьев В. В. Преступления в сфере компьютерной информации: Юридическая характеристика составов и квалификация : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000.
40. Копырюлин А. Н. Преступления в сфере компьютерной информации: уголовно-правовой и криминологический аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2007.
41. Ефремова М. А. Уголовно-правовая охрана информационной безопасности. М., 2018.
42. Официальный отзыв Верховного Суда РФ от 11 января 2023 г. № 4-вс-79/23 // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Verdict of the Frunzensky District Court of the city of Vladimir of May 18, 2020 in case No. 1-77/2020 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
2. Verdict of the Kovrov City Court of the Vladimir Region of June 8, 2020 No. 1-257/2020 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
3. Resolution of the Central District Court of the City of Chelyabinsk of January 27, 2020 No. 1-166/2020 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
4. Verdict of the Justice of the Peace of the Judicial District No. 42 of the Uzlovsky Judicial District of June 21, 2019 No. 1-10/2019 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
5. Verdict of the Primorsky District Court of St. Petersburg of April 15, 2021 in case No. 1-482/2021 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
6. Verdict of the Central District Court of Novosibirsk of February 1, 2021 in case No. 1-13/2021 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
7. Verdict of the Novo-Savinovsky District Court of Kazan of July 1, 2019 No. 1-198/2019 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
8. Verdict of the Kurgan City Court of the Kurgan Region of December 28, 2018 in case No. 1-709/18 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
9. Appeal Decision of the Supreme Court of the Republic of Sakha (Yakutia) of December 1, 2020 in case No. 22-1827/2020 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
10. Verdict of the Megino-Kangalassky District Court of the Republic of Sakha (Yakutia) of September 29, 2020 No. 1-75/2020 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
11. *Kadnikov B. N.* Criminal Law Protection of Privacy: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2008. (In Russ.)
12. *Chukreev V. A.* Personal Data, Including Biometric Data, as Subjects of Criminal Law Protection. *Bulletin of the O.E. Kutafin University (MSAL)*, 2022, no. 3. (In Russ.)
13. *Prosvetova O. B.* Protection of Personal Data: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Voronezh, 2005. (In Russ.)
14. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/502113-8> (date of application: 01.03.2024). (In Russ.)
15. *Khokhlova E. V.* Issues of Criminalization of Acts in Relation to Personal Data in the Context of Draft Law No. 502113-8. *News of South-West State University. Series: History and Law*, 2024, vol. 14, no. 1. (In Russ.)
16. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 26, 2019 No. 849-O (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
17. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 28, 2012 No. 1253-O (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
18. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 13, 2020 No. 1-P (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
19. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 25, 2021 No. 22-P "In the Case of Checking the Constitutionality of Paragraph 8 of Part 1 of Article 6 of the Federal Law 'On Personal Data' in Connection with the Complaint of the Limited Liability Company 'Medreyting'" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
20. *Avakian S. A.* Constitutional Law of Russia: Textbook. In 2 vols. Moscow, 2014 (In Russ.)

21. *Saveliev A. I.* Scientific and Practical Article-by-Article Commentary on the Federal Law "On Personal Data". Moscow, 2017. (In Russ.)
22. *Bundin M. V.* Personal Data in the Restricted Access Information System: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2017. (In Russ.)
23. *Dmitrik N. A.* History, Meaning and Prospects of the Institute of Personal Data. *Bulletin of Civil Law*, 2020, no 3. (In Russ.)
24. *Romashov P. A.; Kuznetsova O. A., Golubtsov V. G., Borisevich G. Ia., Borovykh L. V., Vasilieva Iu. V., Mikhailov S. G., Poliakov S. B., Telegina A. S., Shershen T. V. (eds.).* On the Right to Privacy in the Digital Age. *Perm Law Almanac: An Annual Scientific Journal*, 2019, no. 1. (In Russ.)
25. URL: <http://legislation.council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/127610/> (date of application: 15.03.2024). (In Russ.)
26. Verdict of the Justice of the Peace of the Judicial District No. 1 of the Frunzensky District of Vladimir of March 15, 2021 in case No. 1-2/2021 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
27. Verdict of the Justice of the Peace of the Judicial District No. 1 of the Rtischevsky District of May 8, 2018 in case No. 1-19/2018. (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
28. *Vladimirova T. N. et al.* Risks of Internet Communication of Children and Youth: Textbook. Moscow, 2019. (In Russ.)
29. *Budanov S. A.* Legal Provision of Information Security of Minors: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Voronezh, 2006. (In Russ.)
30. *Budanov S. A., Gavrilov S. T.* Information Security of Minors: Legal Aspect. *The Territory of Science*, 2015, no. 2. (In Russ.)
31. Decree of the Government of the Russian Federation of April 28, 2023 No. 1105-R "On Approval of the Concept of Information Security of Children in the Russian Federation and Invalidation of the Decree of the Government of the Russian Federation of 22 December 2015 No. 2471-R" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
32. Regulation of the European Parliament and of the Council of the European Union 2016/679 of April 27, 2016 on the protection of individuals in the processing of personal data and on the free circulation of such data, as well as on the repeal of Directive 95/46/EC (General Regulation on the Protection of Personal Data) (SPS "Garant"). (In Russ.)
33. *Vlasenko M. S.* Ensuring the Information Security of Minors on the Internet: The Current State and Improvement of Legal Regulation. *Bulletin of VUiT*, 2019, no. 3. (In Russ.)
34. Federal Law No. 152-FZ of July 27, 2006 "On Personal Data" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
35. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 25, 2018 No. 46 "On Certain Issues of Judicial Practice in Cases of Crimes Against the Constitutional Rights and Freedoms of Man and Citizen (Articles 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
36. *Kalashnikova E. E.* Criminal Law Enforcement of the Inviolability of Information About Private Life: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2001. (In Russ.)

37. *Zherebkin V. P.* Criminal Law Protection of Private Life: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Saratov, 2003. (In Russ.)

38. *Doronin A. M.* Criminal Liability for Unlawful Access to Computer Information: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2003. (In Russ.)

39. *Vorobiev V. V.* Crimes in the Field of Computer Information: Legal Characteristics of Compositions and Qualifications: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Nizhny Novgorod, 2000. (In Russ.)

40. *Kopyriulin A. N.* Crimes in the Field of Computer Information: Criminal Law and Criminological Aspects: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Tambov, 2007. (In Russ.)

41. *Efremova M. A.* Criminal Law Protection of Information Security. Moscow, 2018. (In Russ.)

42. Official Review of the Supreme Court of the Russian Federation of January 11, 2023 n 4-vs-79/23 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

Сведения об авторах:

А. В. Малешина – кандидат юридических наук.

А. С. Озерова – аспирант.

Information about the authors:

A. V. Maleshina – PhD in Law.

A. S. Ozerova – Postgraduate Student.

Статья поступила в редакцию 24.12.2024; одобрена после рецензирования 14.01.2025; принята к публикации 19.03.2025.

The article was submitted to the editorial office 24.12.2024; approved after reviewing 14.01.2025; accepted for publication 19.03.2025.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-183-196>

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ УСЛОВИЙ ПЕРЕДАЧИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В ИНОСТРАННОЕ ГОСУДАРСТВО

Вадим Михайлович Пашин¹

Владислав Александрович Шестов²

^{1,2} Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

¹ paschin@mail.ru

² shestoff.v@yandex.ru

Аннотация

Актуальность исследования обусловлена осложнением выработки коллективных ответов различных стран на транснациональные вызовы и угрозы, в том числе транснациональной преступности, а также необходимостью совершенствования законодательной базы в данной сфере. Цель работы – обозначить проблемные аспекты правового регулирования передачи уголовного преследования в иностранное государство. Научная новизна настоящего исследования заключается в предпринятой попытке автора выявить концептуальные проблемы, связанные с несовершенством законодательных условий передачи уголовного преследования. Методологическую основу исследования составляют формально-юридический и сравнительно-правовой методы. Изучение показало, что действующее правовое регулирование передачи уголовного преследования характеризуется фрагментарностью, в связи с чем требуется дополнительная регламентация данной деятельности.

Ключевые слова: передача уголовного преследования; экстрадиция; гражданин РФ; иностранный гражданин; иностранное государство.

Для цитирования: Пашин В. М., Шестов В. А. Проблемы законодательного регулирования условий передачи уголовного преследования в иностранное госу-

дарство // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 2. С. 183–196. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-183-196>

Research Article

SOME ASPECTS OF IMPROVING THE LEGISLATIVE CONDITIONS FOR TRANSFERRING CRIMINAL PROSECUTION TO A FOREIGN STATE

Vadim M. Pashin¹

Vladislav A. Shestov²

^{1,2} All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia

¹ paschin@mail.ru

² shestoff.v@yandex.ru

Abstract

The relevance of the research is due to the complication of developing collective responses from various countries to transnational challenges and threats, including transnational crime, as well the need to improve the legislative framework in this area. The purpose of the work is to identify problematic aspects of the legal regulation of the transfer of criminal prosecution to a foreign state. related to the imperfection of the legislative conditions for the transfer of criminal prosecution. The methodological basis of the research consists of formal legal and comparative legal methods. The study showed that the current legal regulation of the transfer of criminal prosecution is characterized by fragmentation, which requires additional regulation of this activity.

Keywords: transfer of criminal prosecution; extradition; citizen of the Russian Federation; foreign citizen; foreign state.

For citation: Pashin V. M., Shestov V. A. Some Aspects of Improving the Legislative Conditions for Transferring Criminal Prosecution to a Foreign State. *Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 2, pp. 183–196. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-183-196>

Введение

Нередко лица, совершившие преступление на территории России, скрываются за рубежом. В таком случае зачастую применяется процедура выдачи (экстрадиция). В то же время могут отсутствовать основания для экстрадиции такого лица в Россию, конституция иностранного государства может прямо запрещать такое, как, например, ч. 1 ст. 61 Конституции РФ [1].

В таких условиях востребованной представляется передача уголовного преследования в иностранное государство, известная в российском уголовно-процессуальном законодательстве в ст. 458 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) как передача материалов уголовного дела для осуществления уголовного преследования [2].

Для применения данной нормы необходимо соблюдение условий, которые требуются для передачи уголовного преследования с точки зрения российского уголовно-процессуального законодательства. Такими условиями являются: совершение преступления на территории России; лицом, совершившим преступление, является иностранный гражданин; иностранный гражданин находится за рубежом; производством процессуальных действий с участием иностранного гражданина невозможно на территории России.

Стоит отметить, что передача уголовного преследования возможна лишь при наличии соответствующего международного договора либо на основании принципа взаимности, при которых могут устанавливаться дополнительные условия и порядок такой передачи [3, с. 5–12]. Однако данные условия прямо не вытекают из ст. 458 УПК РФ.

1. Основные аспекты совершенствования условий передачи уголовного преследования в иностранное государство

Действующая норма ст. 458 УПК РФ устанавливает в качестве одного из условий передачи совершение преступления на территории России и не учитывает положений ст. 12 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), предусматривающей действие уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление вне пределов России [4]. Исходя из положений последней нормы, преступление может быть совершено гражданином РФ, иностранным гражданином или лицом без гражданства за пределами территории России, но может быть направлено против интересов России либо гражданина РФ или постоянно проживающего в России лица без гражданства.

Формально ст. 458 УПК РФ не допускает возможности передачи уголовного преследования, если оно совершено за пределами РФ. Вместе с тем, по мнению правоприменителей, в случае совершения иностранным гражданином преступления в отношении гражданина РФ соответствующее уголовное дело возбуждается правоохранительными органами РФ, и по результатам расследования, при наличии предусмотренных законом оснований, может быть направлено в иностранное государство с целью привлечения виновного лица к ответственности [5].

Не исключено, что в практической деятельности данный вопрос нашел разрешение. Тем не менее, на наш взгляд, затронутый аспект нуждается в законодательной проработке.

Закон допускает передачу уголовного преследования лишь в отношении иностранного гражданина. Иностранном гражданином, согласно ст. 4 Федерального закона от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 138-ФЗ), признается лицо, не являющееся гражданином РФ и имеющее гражданство (подданство) иностранного государства [6].

Как справедливо отмечается в юридическом сообществе, «законодатель распространил действие ст. 458 УПК РФ только на деяния иностранных граждан, хотя потребность... может возникнуть также в связи с деяниями как лиц без гражданства, так и граждан Российской Федерации» [7, с. 865]. Данный вывод находит подтверждение в судебной практике, констатируя, например, в Апелляционном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16 июля 2019 г. № 66-АПУ19-12, что поручение правоохранительным органам другого государства уголовного преследования гражданина РФ, совершившего преступление на территории РФ, не предусмотрено уголовно-процессуальным законом [8].

В свою очередь лицом без гражданства является лицо, не являющееся гражданином РФ и не имеющее доказательств наличия гражданства (подданства) иностранного государства (ст. 4 Федерального закона № 138-ФЗ) [6]. На этот счет Кишиневская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 2002 г. (далее – Кишиневская конвенция 2002 г.) определяет, что уголовное преследование осуществляется также в отношении лиц без гражданства и иностранных граждан, находящихся на территории запрашиваемого государства СНГ, в случаях отказа в их выдаче [9].

В связи с этим обстоятельством В. К. Ивашуком высказывалось предложение привести положения рассматриваемой нормы в соответствие с положениями Европейской конвенции о передаче судопроизводства по уголовным делам 1972 г. «...в части распространения ее действия не только на иностранных граждан, но и граждан, имеющих обычное место проживания в другом государстве...» [10, с. 14].

Более того, потребность в уголовном преследовании за рубежом может возникнуть также и в отношении граждан РФ, в экстрадиции которых было отказано. Так, с учетом норм международных договоров, закрепляющих обязательство *aut dedere aut judicare* («или выдай, или суди»), А. Г. Волеводзом предлагалось внесение изменений в уголовно-процессуальный закон посредством дополнения ст. 458 УПК РФ частью второй, предусматривающей возможность передачи уголовного преследования в отношении гражданина РФ, скрывшегося за рубежом [11, с. 3–9].

Особую актуальность данным вопросам придает и то, что в августе 2024 г. в Государственную Думу был внесен законопроект № 687676-8, которым также предлагается расширить круг лиц, в отношении которых может быть осуществлена передача, заменив иностранцев на «лицо, совершившее преступление» [12]. Как отмечается в законопроекте, «...в действующей редакции... [ст. 458] ...не позволяет в надлежащей мере обеспечивать неотвратимость ответственности обвиняемых, скрывающихся за границей, в том числе постоянно проживающих там граждан РФ, ведущих антироссийскую деятельность, в выдаче которых России иностранным государством отказывается, зачастую по политическим мотивам...», но отмечается готовность их преследования за совершение общеуголовного преступления [12].

Приведенная в данном законопроекте формулировка ст. 458 УПК РФ также способствовала бы решению проблем с применением передачи уголовного преследования при совершении лицом преступления вне пределов территории России.

Нахождение лица, совершившего преступление, за рубежом как условие передачи уголовного преследования прежде всего отвечает тому, что в противном случае такое лицо привлекалось бы к уголовной ответственности на территории России.

Полагаем возможным заметить, что не всегда иностранный гражданин скрывается в государстве, гражданином которого он является. В таком случае вопрос о выдаче может решаться иностранным государством в соответствии с национальным законодательством либо международными договорами.

Для сравнения: ч. 2 ст. 13 УК РФ позволяет России выдавать иностранцев и лиц без гражданства другим странам для привлечения к уголовной ответственности. Между тем, согласно ч. 2 ст. 61 Конституции РФ, в России не допускается выдача другим государствам лиц, преследуемых за политические убеждения, а также за действия (или бездействие), не признаваемые в России преступлением. При таких обстоятельствах представляется, что передача уголовного преследования не зависит от того, в какой стране скрывается иностранец.

Тесная связь данного условия выражается в том, что закон под лицом, совершившим преступление, понимает иностранного гражданина, совершившего преступление на территории России и впоследствии оказавшегося за ее пределами. В таком случае данное условие может быть усовершенствовано лишь одновременно с расширением круга субъектов, в отношении которых будет производиться передача уголовного преследования.

2. Отсутствие возможности производства процессуальных действий на территории России с участием иностранного гражданина как условие передачи уголовного преследования и роль суда

В данном условии подразумевается возможность следователя (дознавателя) продолжать предварительное расследование в целом. В этом случае следователь (дознаватель) проводит все необходимые и возможные следственные и процессуальные действия, затем направляет материалы уголовного дела вместе с соответствующим постановлением в порядке ст. 458 УПК РФ прокурору. Вместе с тем на той или иной стадии производства по уголовному делу не исключается также вынесение следователем (дознавателем) на основании п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ постановления, предусматривающего приостановление предварительного расследования в случае, если место нахождения подозреваемого (обвиняемого) известно, однако реальная возможность его участия в уголовном деле отсутствует.

Необходимо заметить, что закон четко определяет, что все материалы возбужденного и расследуемого уголовного дела передаются в Генеральную прокуратуру. Указанное ставит под сомнение возможность участия суда в данной уголовно-процессуальной деятельности, что предопределяет необходимость уточнения процессуальной роли суда.

Судебной практике известны случаи отмены решений судов о передаче уголовного дела в порядке ст. 458 УПК РФ в Генеральную прокуратуру. Так, например,

в постановлении президиума Санкт-Петербургского городского суда от 26 ноября 2003 г. по делу № 44у-134/2003 указано: «действующее уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает возможности направления для осуществления уголовного преследования уголовного дела, находящегося в производстве суда Генеральному прокурору и предусматривает указанную процедуру лишь в отношении уголовного дела, находящегося в производстве органов предварительного следствия» [13]. Аналогичные позиции содержатся и в иных судебных решениях [14; 15; 16; 17; 18].

Вместе с тем существуют и другие судебные позиции. Так, согласно апелляционному постановлению Московского областного суда от 29 октября 2015 г. по делу № 22-7213/2015 суд первой инстанции пришел к правильному выводу о невозможности разрешения данного уголовного дела на территории России и по этой причине обоснованно возвратил дело прокурору для передачи его в порядке ст. 458 УПК РФ в Генеральную прокуратуру в целях решения вопроса о направлении дела в компетентные органы Республики Таджикистан для осуществления уголовного преследования [19].

Согласно следующему мнению суда, совершение преступления на территории России иностранным гражданином, впоследствии оказавшимся за ее пределами, обоснованно признано препятствием для рассмотрения уголовного дела судом, в связи с чем оно возвращено прокурору (ст. 237 УПК РФ) [20].

Между тем Кишиневская конвенция 2002 г. допускает такую возможность, определяя порядок передачи уголовных дел, находящихся в производстве судов. При этом передача уголовного преследования осуществляется в соответствии с положениями, предусмотренными для передачи уголовного преследования, как для органов предварительного следствия [9].

Необходимо заметить, что суд на всем протяжении предварительного расследования осуществляет судебный контроль.

В силу ч. 3 ст. 29 УПК РФ суд правомочен в ходе досудебного производства рассматривать жалобы на действия (бездействие) и решения прокурора, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя в случаях и порядке, которые предусмотрены ст. 125 УПК РФ. В свою очередь жалобы на суд рассматриваются вышестоящими судами в порядке, установленном ст. 127 УПК РФ.

Как указал Конституционный Суд РФ в Определении от 29 сентября 2020 г. № 2069-О, ч. 1 ст. 125 УПК РФ предусматривает возможность обжалования в суд не только постановлений органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, но и иных решений, действий (бездействия) дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию [21].

Интересной представляется ситуация, при которой образуется возможность участия суда в передаче уголовного преследования в ходе судебного контроля при поступлении уголовного дела в суд первой инстанции.

В качестве аналогии приведем разъяснения Конституционного Суда РФ, из которых следует, что в случае поступления уголовного дела в суд первой инстанции для рассмотрения по существу у участников уголовного процесса имеется возможность проверки законности и обоснованности решений и действий (бездействия) органов предварительного расследования при разрешении уголовного дела судом (определения от 24 октября 2013 г. № 1536-О, от 25 сентября 2014 г. № 2067-О, от 21 мая 2015 г. № 1050-О, от 28 января 2016 г. № 208-О, от 19 июля 2016 г. № 1607-О, от 19 декабря 2017 г. № 2814-О) [22; 23; 24; 25; 26; 27]. Такой судебный контроль, осуществляемый уже после завершения стадии предварительного расследования, сам по себе не может расцениваться как нарушающий право на судебную защиту (Постановление от 23 марта 1999 г. № 5-П; определения от 17 февраля 2000 г. № 84-О, от 23 января 2001 г. № 39-О, от 19 апреля 2001 г. № 106-О, от 02 июля 2009 г. № 1009-О-О, от 17 декабря 2009 г. № 1636-О-О, от 27 января 2011 г. № 50-О-О, от 20 апреля 2017 г. № 907-О) [28; 29; 30; 31; 32; 33; 34; 35].

Наряду с этим суд принимает также участие в избрании меры пресечения подозреваемому (обвиняемому) иностранному гражданину. Например, апелляционным постановлением Московского городского суда от 24 ноября 2021 г. по делу № 10-23508/2021 мера пресечения в виде заключения под стражу избрана заочно [36].

Заключение

Таким образом, передача уголовного преследования осуществляется при наличии определенных условий, предусмотренных ст. 458 УПК РФ. Вместе с тем уголовно-процессуальная регламентация данного направления международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства отличается наличием пробелов в правовом регулировании, связанных с некоторыми условиями передачи уголовного преследования, а именно ограниченной пространственной частью совершения преступления и ограниченным кругом лиц, имеющих отношение к совершенному преступлению.

В результате имеющейся фрагментарности в правовом регулировании передачи уголовного преследования формируются риски неэффективного применения данного направления в практической деятельности. Так, по мнению К. К. Клевцова, в основе некоторых ошибок следователей при передаче уголовного преследования «лежит законодательная недоработка положений УПК РФ, а также отсутствие детализирующих норм, содержащихся в ведомственных нормативно-правовых актах...» [37, с. 32]. С. И. Антимоновой отмечается, что данный институт «...находится в стадии формирования и требует дополнительной проработки на законодательном уровне...» [38, с. 188].

Отсутствие должного правового регулирования приводит к возникновению различных коллизий и означает необходимость совершенствования этого направления международного сотрудничества. Современные тенденции развития данного направления неоднократно являлись предметом исследования различных авторов, основные подходы которых сводились весьма справедливо к необходимости установления дополнительной правовой регламентации [39, с. 87; 40, с. 14; 41, с. 74].

Неоднозначным представляется также вопрос возможности участия суда в процессе передачи уголовного преследования, поскольку ст. 458 УПК РФ не содержит каких-либо предписаний для суда. При этом целесообразность участия суда в данной деятельности обуславливается наличием необходимости разрешения данного вопроса, в том числе на судебной стадии уголовного процесса.

Как представляется, следует внести соответствующие изменения в уголовно-процессуальное законодательство, направленные на детальную регламентацию условий передачи уголовного преследования, в том числе на расширение пространства совершенного преступления, в связи с которым осуществляется передача, круга субъектов, в отношении которых она применяется, а также определение органов и должностных лиц, принимающих участие в данной уголовно-процессуальной деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. (ред. от 28 декабря 2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. *Клевцов К. К.* Система принципов передачи уголовного преследования (судопроизводства) в рамках международного сотрудничества // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 5 (67).
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28 декабря 2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Подлежат ли уголовной ответственности иностранный гражданин или лицо без гражданства, не проживающие постоянно в Российской Федерации, совершившие преступление вне пределов Российской Федерации? // Прокуратура города Москвы: сайт. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_77/sections?section=4742988 (дата обращения: 09.01.2025).
6. Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 г.) «О гражданстве Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 18. Ст. 3215.
7. *Радченко В. И.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М.: Юрайт-Издат, 2006.
8. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 16 июля 2019 г. № 66-АПУ19-12 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в г. Кишиневе 7 октября 2002 г.) // СЗ РФ. 2023. № 30. Ст. 5501.
10. *Иващук В. К.* Расследование преступлений, совершаемых иностранными гражданами или с их участием: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
11. *Волеводз А. Г.* О некоторых проблемах реализации обязательства «aut dedere aut judicare» в международном антитеррористическом сотрудничестве // Международное уголовное право и международная юстиция. 2020. № 3.

12. Законопроект № 687676-8 // Система обеспечения законодательной деятельности : официальный сайт. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/687676-8#bh_note (дата обращения: 09.01.2025).

13. Апелляционное постановление Санкт-Петербургского городского суда от 8 сентября 2022 г. № 22-5850/2022 по делу № 1-506/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

14. Апелляционное постановление Санкт-Петербургского городского суда от 8 сентября 2022 г. № 22-5850/2022 по делу № 1-506/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

15. Апелляционное постановление Верховного суда Республики Калмыкия от 27 августа 2013 г. по делу № 22-318/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

16. Постановление Президиума Кемеровского областного суда от 10 сентября 2012 г. по делу № 44У-140/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

17. Кассационное определение Московского областного суда от 20 ноября 2012 г. по делу № 22-8310 // СПС «КонсультантПлюс».

18. Постановление Президиума Рязанского областного суда от 1 марта 2011 г. // СПС «КонсультантПлюс».

19. Апелляционное постановление Московского областного суда от 29 октября 2015 г. № 22-7213/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

20. Обзор судебной практики по уголовным делам за декабрь 2006 года (подготовлен Белгородским областным судом) // Информационный бюллетень Белгородского областного суда. № 1. 2007.

21. Определение Конституционного Суда РФ от 8 июля 2021 г. № 1369-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ильницкого Василия Григорьевича на нарушение его конституционных прав взаимосвязанными положениями пункта 1 части первой статьи 39 и статьи 152 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

22. Определение Конституционного Суда РФ от 24 октября 2013 г. № 1536-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Курдюкова Петра Геннадиевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

23. Определение Конституционного Суда РФ от 25 сентября 2014 г. № 2067-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сидоренкова Григория Николаевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

24. Определение Конституционного Суда РФ от 21 мая 2015 г. № 1050-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Грунина Анатолия Геннадьевича на нарушение его конституционных прав статьёй 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пунктом 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 года № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

25. Определение Конституционного Суда РФ от 28 января 2016 г. № 208-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Вождаева Кирилла Александровича на нарушение его конституционных прав положениями части второй

статьи 38 и статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

26. Определение Конституционного Суда РФ от 19 июля 2016 г. № 1607-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Курдюкова Петра Геннадиевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 125 и частью второй статьи 227 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

27. Определение Конституционного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. № 2814-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Барышевой Ирины Евгеньевны на нарушение ее конституционных прав статьями 125 и 128 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

28. Постановление Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В. К. Борисова, Б. А. Кехмана, В. И. Монастырецкого, Д. И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком» // СПС «КонсультантПлюс».

29. Определение Конституционного Суда РФ от 17 февраля 2000 г. № 84-О «По жалобе граждан Лазарева Андрея Викторовича, Русановой Елены Станиславовны и Эрнезакса Олега Владимировича на нарушение их конституционных прав рядом положений статей 201, 202, 218 и 220 УПК РСФСР» // СПС «КонсультантПлюс».

30. Определение Конституционного Суда РФ от 23 января 2001 г. № 39-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Карпинченко Александра Яковлевича на нарушение его конституционных прав статьей 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и статьей 129 Гражданского процессуального кодекса РСФСР» // СПС «КонсультантПлюс».

31. Определение Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2001 г. № 106-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зудова Игоря Михеевича на нарушение его конституционных прав статьей 218 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» // СПС «КонсультантПлюс».

32. Определение Конституционного Суда РФ от 2 июля 2009 г. № 1009-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Голубева Павла Борисовича на нарушение конституционных прав его несовершеннолетнего сына частью первой статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

33. Определение Конституционного Суда РФ от 17 декабря 2009 г. № 1636-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Яшина Владимира Борисовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 125 и частями первой и второй статьи 171 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

34. Определение Конституционного Суда РФ от 27 января 2011 г. № 50-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Куца Леонида Иосифовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

35. Определение Конституционного Суда РФ от 20 апреля 2017 г. № 907-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Хартовой Валентины Ива-

новны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 19, частью первой статьи 123, статьями 125 и 127, частью пятой статьи 165 и частью первой статьи 389.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

36. Апелляционное постановление Московского городского суда от 24 ноября 2021 г. по делу № 10-23508/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

37. Клевцов К. К. Следственные ошибки, допускаемые при направлении уголовного дела в иностранное государство: патогенез и курс лечения // Российский следователь. 2019. № 3.

38. Антимонова С. И. О некоторых проблемах направления материалов уголовного дела в иностранное государство // Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития : сб. науч. тр. Международной науч.-практ. конф. / под ред. О. В. Химичевой. М., 2022.

39. Абдуллоев П. С. Формирование института передачи уголовного судопроизводства в рамках международного сотрудничества на постсоветском пространстве // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2015. № 6.

40. Клевцов К. К. Понятие и правовая природа передачи уголовного преследования (судопроизводства) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2018. № 6.

41. Шестов В. А. Некоторые актуальные проблемы законодательного регулирования направления материалов уголовного дела для осуществления уголовного преследования в рамках международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства // Научный аспект. 2023. Т. 1. № 3.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
3. Klevtsov K. K. The System of Principles of Transfer of Criminal Prosecution (Legal Proceedings) in the Framework of International Cooperation. *Bulletin of University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*, 2018, no. 5 (67). (In Russ.)
4. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
5. Are Foreign Citizens or Stateless Persons Who Do Not Permanently Reside in the Russian Federation Who Have Committed a Crime Outside the Russian Federation Subject to Criminal Liability? URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_77/sections?section=4742988 (date of application: 09.01.2025). (In Russ.)
6. Federal Law No. 138-FZ of April 28, 2023 "On Citizenship of the Russian Federation". *Federal Law of the Russian Federation*, 2023, no. 18. Art. 3215. (In Russ.)
7. Radchenko V. I. Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (Article-by-Article). Moscow, 2006. (In Russ.)

8. Appellate Ruling of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of July 16, 2019 No. 66-APU19-12 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
9. Convention on Legal Assistance and Legal Relations in Civil, Family and Criminal Matters (concluded in Chisinau on October 7, 2002). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2023, no. 30. Art. 5501. (In Russ.)
10. Ivashchuk V. K. Investigation of Crimes Committed by Foreign Citizens or with Their Participation: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. M., 2008. (In Russ.)
11. Volevodz A. G. On Some Problems of the Implementation of the Obligation "Aut Dedere Aut Judicare" in International Anti-Terrorist Cooperation. *International Criminal Law and International Justice*, 2020, no. 3. (In Russ.)
12. Draft Law No. 687676-8. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/687676-8#bh_note (date of application: 09.01.2025). (In Russ.)
13. Appeal Decision of the St. Petersburg City Court of September 8, 2022 No. 22-5850/2022 in case No. 1-506/2022 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
14. Appeal Decision of the St. Petersburg City Court of September 8, 2022 No. 22-5850/2022 in case No. 1-506/2022 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
15. Appeal Decision of the Supreme Court of the Republic of Kalmykia of August 27, 2013 in case No. 22-318/2013 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
16. Resolution of the Presidium of the Kemerovo Regional Court of September 10, 2012 in case No. 44U-140/2012 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
17. Cassation Ruling of the Moscow Regional Court of November 20, 2012 in case No. 22-8310 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
18. Resolution of the Presidium of the Ryazan Regional Court of March 1, 2011 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
19. Appeal Decision of the Moscow Regional Court of October 29, 2015 No. 22-7213/2015 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
20. Review of Judicial Practice in Criminal Cases for December 2006. *Newsletter of the Belgorod Regional Court*, 2007, no. 1. (In Russ.)
21. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 8, 2021 No. 1369-O "On the Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Vasily Grigoryevich Ilnitsky for Violation of His Constitutional Rights by the Interrelated Provisions of Paragraph 1 of the First Part of Article 39 and Article 152 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
22. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 24, 2013 No. 1536-O "On the Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Kurdyukov Pyotr Gennadievich for Violation of His Constitutional Rights by Part One of Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
23. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of September 25, 2014 No. 2067-O "On the Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Sidorenkov Grigory Nikolaevich for Violation of His Constitutional Rights by Part Three of Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
24. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 21, 2015 No. 1050-O "On the Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Anatoly Gennadievich Grunin for Violation of His Constitutional Rights by Article 125 of the Code

of Criminal Procedure of the Russian Federation and Paragraph 9 of Resolution No. 1 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of February 10, 2009 'On the Practice of Judicial Review of Complaints in Accordance with Article 125 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation' (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

25. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 28, 2016 No. 208-O "On the Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Kirill Aleksandrovich Vozhdaev for Violation of His Constitutional Rights by the Provisions of Part Two of Article 38 and Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.).

26. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 19, 2016 No. 1607-O "On the Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Kurdyukov Pyotr Gennadievich for Violation of His Constitutional Rights by Part One of Article 125 and Part Two of Article 227 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.).

27. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 19, 2017 No. 2814-O "On the Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Irina Evgenievna Barysheva for Violation of Her Constitutional Rights by Articles 125 and 128 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.).

28. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 23, 1999 G. No. 5-P "In the Case of the Review of the Constitutionality of the Provisions of Article 133, Part One of Article 218 and Article 220 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR in Connection with the Complaints of Citizens V. K. Borisov, B. A. Kekhman, V. I. Monastyretskii, D. I. Fuflygin and the Limited Liability Company 'Monokom'" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.).

29. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 17, 2000 No. 84-O "On the Complaint of Citizens Lazarev Andrey Viktorovich, Rusanova Elena Stanislavovna and Ernezaks Oleg Vladimirovich for Violation of Their Constitutional Rights by a Number of Provisions of Articles 201, 202, 218 and 220 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.).

30. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 23, 2001 No. 39-O "On the Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Alexander Yakovlevich Karpinchenko for Violation of His Constitutional Rights by Article 220 of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR and Article 129 of the Code of Civil Procedure of the RSFSR" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.).

31. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 19, 2001 No. 106-O "On the Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Igor Mikheevich Zudov for Violation of His Constitutional Rights by Article 218 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.).

32. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 2, 2009 No. 1009-O-O "On the Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Pavel Borisovich Golubev About the Violation of the Constitutional Rights of His Minor Son by Part One of Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.).

33. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 17, 2009 No. 1636-O-O "On the Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen

Yashin Vladimir Borisovich for Violation of His Constitutional Rights by Part One of Article 125 and Parts One and Two of Article 171 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

34. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 27, 2011 No. 50-O-O "On the Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Leonid Iosifovich Kutsa for Violation of His Constitutional Rights by Part One of Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

35. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 20, 2017 No. 907-O "On the Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Khartova Valentina Ivanovna for Violation of Her Constitutional Rights by Part One of Article 19, Part One of Article 123, Articles 125 and 127, Part Five of Article 165 and Part One of Article 389.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

36. Appeal Decision of the Moscow City Court of November 24, 2021 in case No. 10-23508/2021 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

37. Klevtsov K. K. Investigative Mistakes Made When Sending a Criminal Case to a Foreign Country: Pathogenesis and Course of Treatment. *Russian Investigator*, 2019, no. 3. (In Russ.)

38. Antimonova S. I. On Some Problems of Sending Criminal Case Materials to a Foreign State. In Khimicheva O. V. (ed.). *Criminal Proceedings: Current State and Development Strategy: Collection of Scientific Papers of the International Scientific and Practical Conference*. Moscow, 2022. (In Russ.)

39. Abdulloev P. S. Formation of the Institute of Transfer of Criminal Proceedings in the Framework of International Cooperation in the Post-soviet Space. *Bulletin of Moscow University*, 2015, no. 6. (In Russ.)

40. Klevtsov K. K. The Concept and Legal Nature of the Transfer of Criminal Prosecution (Legal Proceedings). *International Criminal Law and International Justice*, 2018, no. 6. (In Russ.)

41. Shestov V. A. Some Actual Problems of Legislative Regulation of the Referral of Criminal Case Materials for Criminal Prosecution Within the Framework of International Cooperation in the Field of Criminal Proceedings. *Scientific Aspect*, 2023, vol. 1, no. 3. (In Russ.)

Сведения об авторах:

В. М. Пашин – доктор юридических наук, доцент.

В. А. Шестов – студент 3-го курса магистратуры.

Information about the authors:

V. M. Pashin – Doctor of Law, Associate Professor.

V. A. Shestov – Third-Year Master's Student.

Статья поступила в редакцию 08.02.2025; одобрена после рецензирования 11.03.2025; принята к публикации 19.03.2025.

The article was submitted to the editorial office 08.02.2025; approved after reviewing 11.03.2025; accepted for publication 19.03.2025.

Оказание бесплатной юридической помощи и правовое просвещение населения. Юридическое образование. Рекомендации практикующих юристов

Научная статья

УДК 342

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-197-205>

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В РАМКАХ РАЗМЕЩЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ В ФЕДРЕСУРСЕ

Денис Дмитриевич Цыганов^{1,2,3}

¹ Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

² АО «Информационное агентство Интерфакс», 127006, Россия, г. Москва, 1-я Тверская-Ямская ул., д. 2, стр. 1

³ АО «ИЦР», 127006, Россия, г. Москва, 1-я Тверская-Ямская ул., д. 2, стр. 1

^{1,2,3} tsyganovdenis97@gmail.com

Аннотация

В данной статье рассматриваются основные аспекты административной ответственности в рамках размещения информации о деятельности хозяйствующих субъектов в Федресурсе. Актуальность работы обусловлена существенным количеством нарушений при размещении информации при высокой интенсивности ежедневных публикаций. В ходе исследования использовались общие методы, методы анализа, синтеза, формально-юридический метод и системный метод. В качестве выводов автор приводит итоги анализа аспектов административной ответственности при размещении информации о деятельности хозяйствующих субъектов в Федресурсе, описывает ее признаки, выделяет и систематизирует основные административно-правовые нарушения.

Ключевые слова: реестр; размещение; информация; публикация; административная ответственность; персональные данные; Федресурс.

Для цитирования: Цыганов Д. Д. Административная ответственность в рамках размещения информации о деятельности хозяйствующих субъектов в Федре-

сурсе // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 2. С. 197–205. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-197-205>

Research Article

ADMINISTRATIVE LIABILITY IN THE CONTEXT OF POSTING INFORMATION ON THE ACTIVITIES OF BUSINESS ENTITIES IN FEDRESURS

Denis D. Tsyganov^{1,2,3}

¹ All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia

² AO "Interfax News Agency", 2, Bldg. 1 1st Tverskaia-lamskaia St., Moscow, 127006, Russia

³ ICR JSC, 2, Bldg. 1 1st Tverskaia-lamskaia St., Moscow, 127006, Russia

^{1,2,3} tsyganovdenis97@gmail.com

Abstract

This article examines the main aspects of administrative liability in the context of posting information on the activities of economic entities in the Fedresurs. The relevance of the work is due to the significant number of violations when posting information with a high intensity of daily publications. In the course of the study, general methods, methods of analysis, synthesis, formal-legal method and system method were used. As conclusions, the author provides the results of the analysis of aspects of administrative liability when posting information on the activities of economic entities in the Fedresurs, describes its features, identifies and systematizes the main administrative-legal violations.

Keywords: Register; posting; information; publication; administrative liability; personal data; Fedresurs.

For citation: *Tsyganov D. D. Administrative Liability in the Context of Posting Information on the Activities of Business Entities in Fedresurs. Herald of the Russian Law Academy, 2025, no. 2, pp. 197–205. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-197-205>

Введение

Размещение информации о деятельности хозяйствующих субъектов в Едином федеральном реестре сведений о фактах деятельности юридических лиц и в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве (далее – ЕФРСФДЮЛ / ЕФРСБ соответственно) можно подразделять на добровольное размещение информации и обязательное. Федресурс представляет собой совокупность ЕФРСФДЮЛ / ЕФРСБ.

На основе открытых данных, доступных на сайте Федресурса, среднее количество сообщений, публикуемых в день в ЕФРСФДЮЛ, составляет 27 533.

Среднее количество сообщений, публикуемых в день в ЕФРСБ, составляет 10 276.

При этом, по данным Федресурса, количество сообщений, опубликованных с возможным нарушением сроков в ЕФРСФДЮЛ, составляет 8618 за 2022 г., 7555 за 2023 г. и 8734 за 2024 г.

Количество сообщений, опубликованных с возможным нарушением сроков в ЕФРСБ, составляет 13 104 за 2022 г., 12 237 за 2023 г. и 12 114 за 2024 г. [1].

Подобная статистика подтверждает актуальность настоящего исследования и свидетельствует о том, что вопросы административной ответственности при размещении информации о деятельности хозяйствующих субъектов в Федресурсе нуждаются в определенном анализе.

1. Порядок размещения информации о деятельности хозяйствующих субъектов

В первом случае информация размещается лицом (юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем) о себе по своему усмотрению, за исключением сведений, доступ к которым ограничен в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Случаи же обязательного размещения информации в ЕФРСФДЮЛ и ЕФРСБ являются наиболее распространенными и регламентированными. Такое размещение обусловлено административно-правовым регулированием. Помимо предусмотренного порядка и сроков размещения сведений в реестрах, действующее регулирование устанавливает ответственное лицо, которое обязано разместить сведения, перечень раскрываемой информации и юридическую ответственность.

По общему правилу, сведения о фактах деятельности подлежат внесению (включению) в ЕФРСФДЮЛ / ЕФРСБ в течение трех рабочих дней с даты, когда пользователь узнал о возникновении соответствующего факта, за исключением случаев, предусмотренных законодательством РФ. Одновременно Приказом Минэкономразвития России от 5 апреля 2013 г. № 178 «Об утверждении Порядка формирования и ведения Единого федерального реестра сведений о фактах деятельности юридических лиц и Единого федерального реестра сведений о банкротстве и Перечня сведений, подлежащих включению в Единый федеральный реестр сведений о банкротстве» предусмотрены и дополнения / исключения для данного правила.

2. Основные составы административных правонарушений при раскрытии информации

В правовой доктрине под административной ответственностью понимается обязанность физического или юридического лица претерпевать меры государс-

твенного принуждения, предусмотренные Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) или законами субъектов РФ за совершение противоправного виновного действия (бездействия) (административного правонарушения) [2].

Рассматривая вопросы административной ответственности при размещении сведений в ЕФРСФДЮЛ / ЕФРСБ, необходимо обращаться к следующим положениям КоАП РФ.

Части 6, 7 и 8 ст. 14.25 КоАП РФ устанавливают следующее.

Несвоевременное представление сведений о юридическом лице или об индивидуальном предпринимателе в ЕФРСФДЮЛ в случаях, если такое представление предусмотрено законом, влечет предупреждение должностных лиц или наложение административного штрафа на должностных лиц в размере пяти тысяч рублей.

Непредставление или представление недостоверных сведений о юридическом лице или об индивидуальном предпринимателе в ЕФРСФДЮЛ в случаях, если такое внесение предусмотрено законом, влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от пяти тысяч до десяти тысяч рублей.

Повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 7 ст. 14.25, или внесение в ЕФРСФДЮЛ заведомо ложных сведений влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от 10 тысяч до 50 тысяч рублей или дисквалификацию на срок от одного года до трех лет [3].

В свою очередь ч. 3 и 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ предусматривают, что неисполнение арбитражным управляющим, реестродержателем, организатором торгов, оператором электронной площадки либо руководителем временной администрации кредитной или иной финансовой организации обязанностей, установленных законодательством о несостоятельности (банкротстве), если такое действие (бездействие) не содержит уголовно наказуемого деяния, влечет предупреждение или наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от 25 тысяч до 50 тысяч рублей; на юридических лиц – от 200 тысяч до 250 тысяч рублей.

Повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 14.13 КоАП РФ, если такое действие не содержит уголовно наказуемого деяния, влечет дисквалификацию должностных лиц на срок от шести месяцев до трех лет; наложение административного штрафа на юридических лиц в размере от 350 тысяч до 1 млн рублей [3].

3. Признаки административной ответственности в контексте раскрытия информации

В числе признаков административной ответственности выделяют следующие.

1. Основанием привлечения лица к административной ответственности является совершение лицом административного правонарушения из числа предусмотренных Особенной частью КоАП РФ или законом субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях (административной ответственности). При этом установленный КоАП РФ и названными законами перечень административных правонарушений является исчерпывающим.

2. Административная ответственность устанавливается законом (как федеральным законом, так и законами субъектов Российской Федерации).

3. Мерами административной ответственности обеспечивается охрана и защита общественных отношений, возникающих в административно-публичной сфере и в иных сферах функционирования государства и общества.

4. Административная ответственность может применяться как в отношении физических лиц, так и в отношении организаций, обладающих статусом юридического лица и зарегистрированных в качестве таковых в установленном законом порядке.

5. Административная ответственность применяется компетентными административно-публичными субъектами.

6. Содержание административной ответственности заключается в применении компетентными административно-публичными субъектами к лицам, совершившим административные правонарушения, предусмотренных мер административной ответственности, именуемых административными наказаниями и влекущих претерпевание указанными лицами негативных юридически значимых последствий [4].

Далее представляется целесообразным рассмотреть основные признаки административной ответственности на примере выделенных положений КоАП РФ.

Правонарушения, которые могут возникать при размещении информации в ЕФРСФДЮЛ / ЕФРСБ, прямо предусмотрены положениями Особенной части КоАП РФ. К таким правонарушениям относятся: несвоевременное представление сведений, непредставление или представление недостоверных сведений, а также повторное совершение перечисленных действий.

Реагирование на перечисленные правонарушения обусловлено необходимостью охраны общественных отношений в сфере функционирования государства и общества. В рассматриваемых случаях речь идет об отношениях в сфере осуществления предпринимательской деятельности, а также в сфере информации и связи.

Обязанность по раскрытию сведений о деятельности хозяйствующих субъектов в ЕФРСФДЮЛ возлагается на юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. К примеру, сведения о стоимости чистых активов юридического лица, являющегося акционерным обществом, на последнюю отчетную дату подлежат размещению таким акционерным обществом в ЕФРСФДЮЛ [5]. Примечательным является то, что ряд сведений в ЕФРСФДЮЛ вносятся ФНС России. К примеру, запись о том, что юридическое лицо находится в процессе реорганизации, подлежит включению в ЕФРСФДЮЛ в соответствии с подп. «б» п. 7 ст. 7.1 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [5].

В свою очередь Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» по общему правилу возлагает обязанность по размещению сведений о банкротстве на арбитражного управляющего [6].

Дела о перечисленных ранее административных правонарушениях рассматриваются Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии.

Негативные юридические последствия за ненадлежащее исполнение или неисполнение обязанности по раскрытию информации в ЕФРСФДЮЛ / ЕФРСБ

выражаются в предупреждении, наложении административного штрафа и дисквалификации.

4. Ответственность публикатора и роль оператора информационной системы

Зачастую в целях сбора материалов и рассмотрения в дальнейшем дела об административном правонарушении в адрес оператора ЕФРСФДЮЛ / ЕФРСБ поступают запросы о предоставлении информации. Такие запросы в основном направляются Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии, Федеральной службой судебных приставов, Федеральной налоговой службой, Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Также нередко случаи поступления запросов от Министерства внутренних дел, Следственного комитета, Прокуратуры РФ в случаях, когда в действиях (бездействии), связанных с размещением информации в ЕФРСФДЮЛ / ЕФРСБ, содержатся признаки уголовно наказуемого деяния.

Здесь же важно подчеркнуть характер роли оператора ЕФРСФДЮЛ / ЕФРСБ. В частности, действующее регулирование предусматривает, что ответственность за достоверность и корректность сведений, внесенных в ЕФРСФДЮЛ / ЕФРСБ и размещенных в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, несет лицо, внесшее соответствующие сведения в ЕФРСФДЮЛ / ЕФРСБ. В связи с этим на практике весьма распространены случаи, когда имело место нарушение при раскрытии сведений, и лицо, чьи права или интересы были нарушены, обращается именно к оператору реестров в целях предотвращения негативных последствий. Периодически подобная реакция происходит и у органов исполнительной власти, которые обязывают оператора предпринять соответствующие меры, направленные на внесение каких-либо изменений в размещенную информацию.

Здесь крайне важно отметить, что подобная практика является некорректной и в большинстве случаев подлежит успешному обжалованию. Данное обстоятельство продиктовано указанной ранее оговоркой об ответственности.

Для подробной иллюстрации целесообразно рассмотреть процесс неправомерного размещения сведений в ЕФРСФДЮЛ / ЕФРСБ на конкретных примерах. Предположим, Иванов Иван Иванович осуществил в ЕФРСФДЮЛ публикацию сообщения «о намерении кредитора обратиться в суд с заявлением о банкротстве» (в порядке, предусмотренном ст. 7 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)») [6]. В рамках данной публикации Иванов Иван Иванович указывает на то, что по истечении 15 дней с даты настоящей публикации он намерен обратиться в Арбитражный суд Московской области с заявлением о признании ООО «Ромашка» банкротом в связи с наличием у него соответствующих признаков банкротства. Данная публикация подписывается электронной подписью Иванова Ивана Ивановича и попадает в информационный ресурс в сети Интернет. Далее выясняется, что публикация была совершена неправомерно и безосновательно, так как ООО «Ромашка» не обладает соответствующими признаками.

Сразу рассмотрим пример, применимый для ЕФРСБ, в рамках которого арбитражный управляющий опубликовал сообщения «о судебном акте о введении наблюдения» в отношении должника ООО «Василек». При размещении сведений о банкротстве законодатель устанавливает перечень достаточных раскрываемых персональных данных, однако предположим, что арбитражный управляющий немного вышел за установленные рамки и в тексте публикации раскрыл сведений больше, чем требовалось (например, помимо данных о компании были также раскрыты данные сотрудников компании).

В обоих приведенных примерах есть четко идентифицируемое лицо-публикатор, которое вносило сведения, установило перечень необходимых раскрываемых сведений, подписало эти сведения своей подписью. Соответственно, оператор реестров, который в этой части обязан обеспечивать общий доступ к размещенным данным, не должен воздействовать на эти данные или вносить в них какие-то изменения или проверять их. В противном случае не может идти речи о целостности данных, размещаемых в реестре. Кроме того, допустима ситуация, при которой сведения все-таки были размещены правильно.

5. Нарушения в области защиты персональных данных при раскрытии информации

Теперь следует также немного развить мысль и о раскрываемых персональных данных. Ранее я уже упоминалось, что законодатель при размещении сведений в ЕФРСБДЮЛ / ЕФРСБ, как правило, устанавливает тот перечень данных, который подлежит раскрытию. Так, например, согласно ст. 213.7 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», идентификация гражданина в ЕФРСБ осуществляется по фамилии, имени и отчеству гражданина, по дате и месту рождения, страховому номеру индивидуального лицевого счета застрахованного лица в системе обязательного пенсионного страхования, идентификационному номеру налогоплательщика (при наличии), основному государственному регистрационному номеру налогоплательщика (для индивидуальных предпринимателей), месту жительства согласно документам о регистрации по месту жительства в пределах Российской Федерации [6]. Эти сведения подлежат обязательному раскрытию при банкротстве физических лиц, а соответственно, при каждом раскрытии банкротных сведений.

Обработка персональных данных, содержащихся в этих идентифицирующих сведениях, осуществляется в соответствии с п. 11 ч. 1 ст. 6 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [7]. В частности, устанавливается, что обработка персональных данных (без согласия субъекта персональных данных) допускается в отношении данных, подлежащих опубликованию или обязательному раскрытию в соответствии с федеральным законом.

За нарушение законодательства о персональных данных может наступить административная, гражданская и уголовная ответственность. Административная ответственность в рамках рассматриваемого вопроса обычно наступает за нарушение правил обработки персональных данных, неисполнение обязанностей при взаимодействии с субъектом персональных данных, невыполнение требований

по защите персональных данных, неисполнение обязанностей при взаимодействии с Роскомнадзором, нарушение установленных требований при размещении или обновлении в Единой биометрической системе биометрических персональных данных. В контексте размещения информации о деятельности хозяйствующих субъектов в ЕФРСФДЮЛ / ЕФРСБ наиболее распространенными случаями являются нарушение правил обработки персональных данных и неисполнение обязанностей при взаимодействии с Роскомнадзором. В случае подобных нарушений к нарушителю будет применен административный штраф, размер которого будет зависеть от конкретного нарушения (ст. 13.11 КоАП РФ).

Заключение

Подводя итоги, можно установить, что административная ответственность за ненадлежащее исполнение или неисполнение обязанности по размещению информации о деятельности хозяйствующих субъектов в ЕФРСФДЮЛ / ЕФРСБ устанавливается и регулируется ст. 14.13 и 14.25 КоАП РФ, а также ст. 13.11 в случае нарушения требований закона о персональных данных при размещении информации. Структура КоАП РФ предполагает, что нарушения в рамках данной темы могут возникать в области связи и информации, а также в области предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций.

Административными наказаниями в данной области являются предупреждение, наложение административного штрафа и дисквалификация.

К административной ответственности привлекается лицо, ответственное за размещение такой информации в ЕФРСФДЮЛ / ЕФРСБ.

Количество публикаций в Федресурсе на ежедневной основе является весьма существенным. Статистика, собранная на основе открытых данных, свидетельствует также и об определенном количестве административных нарушений, совершаемых в рамках раскрытия информации на регулярной основе. Перечень самих деяний, составляющих административное правонарушение, при раскрытии информации является крайне обширным (несвоевременное представление сведений, непредставление или представление недостоверных сведений, а также повторное совершение перечисленных действий).

Пристатейный библиографический список

1. Федресурс. Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности : сайт. URL: <https://fedresurs.ru> (дата обращения: 16.11.2024).
2. Воронцова А. А. Административная ответственность // СПС «Консультант-Плюс».
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.
4. Кононов П. И. Актуальные проблемы административного права : учебник. М. : КНОРУС, 2023.

5. Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // СЗ РФ. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3431.

6. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

7. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. The Unified Federal Register of Legally Significant Information on the Facts of the Activities of Legal Entities, Individual Entrepreneurs and Other Subjects of Economic Activity. URL: <https://fedresurs.ru> (date of application: 16.11.2024). (In Russ.)

2. Vorontsova A. A. Administrative Liability (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

3. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 No. 195-FZ. *Collected Legislation of the Russian Federation*, 2002, no. 1 (part I), art. 1. (In Russ.)

4. Kononov P. I. Actual Problems of Administrative Law: Textbook. Moscow, 2023. (In Russ.)

5. Federal Law of August 8, 2001 No. 129-FZ "On State Registration of Legal Entities and Individual Entrepreneurs". *Collected Legislation of the Russian Federation*, 2001, no. 33 (part I), art. 3431. (In Russ.)

6. Federal Law of October 26, 2002 No. 127-FZ "On Insolvency (Bankruptcy)". *Collected Legislation of the Russian Federation*, 2002, no. 43, art. 4190. (In Russ.)

7. Federal Law No. 152-FZ of July 27, 2006 "On Personal Data" (SPS "Consultant-Plus"). (In Russ.)

Сведения об авторе:

Д. Д. Цыганов – аспирант; юрисконсульт; аналитик.

Information about the author:

D. D. Tsyganov – Postgraduate Student; Legal Adviser; Analyst.

Статья поступила в редакцию 06.11.2024; одобрена после рецензирования 27.01.2025; принята к публикации 19.03.2025.

The article was submitted to the editorial office 06.11.2024; approved after reviewing 27.01.2025; accepted for publication 19.03.2025.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-206-215>

ВКЛАД М. С. СТРОГОВИЧА В СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ИСТИНЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Егор Александрович Веревошников

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

egorverev@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается вклад доктора юридических наук, профессора Михаила Соломоновича Строговича в становление и развитие института истины в уголовном процессе. Актуальность данного вопроса заключается в непрерывной работе по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, а также связанной с ней научно-практической деятельности. В ходе проведенного исследования автором были применены общенаучные (анализ, синтез, описание, аналогия) и частнонаучные методы (сравнительно-правовой, формально-юридический, исторический). Цель настоящей работы – комплексное историко-правовое изучение института истины в уголовном процессе, влияние трудов М. С. Строговича на данный институт, а также на современную нормотворческую деятельность. Новизна статьи заключается в предложении и обосновании необходимости дополнения принципов уголовного судопроизводства указанием на принцип всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела. Данный вывод находит свое объективное подтверждение в законодательстве прошлых лет, а также современной правотворческой и научно-практической деятельности. Введение в систему действующего уголовно-процессуального права указанного принципа способно оказать благотворное влияние как на систему в целом, так и на конкретные уголовно-процессуальные правоотношения.

Ключевые слова: право; уголовный процесс; уголовное судопроизводство; совершенствование законодательства; материальная истина; объективная истина.

Для цитирования: *Веревошников Е. А.* Вклад М. С. Строговича в становление и развитие института истины в уголовном процессе // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 2. С. 206-215. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-206-215>

Research Article

M. S. STROGOVICH'S CONTRIBUTION TO THE ESTABLISHMENT AND DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF TRUTH IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Egor A. Verevoshnikov

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow,
117638, Russia
egorverev@gmail.com

Abstract

The article examines the contribution of Doctor of Law, Professor Mikhail Solomonovich Strogovich to the establishment and development of the institute of truth in criminal proceedings. The relevance of this issue lies in the continuous work on improving criminal procedure legislation, as well as related scientific and practical activities. In the course of the research, the author applied general scientific (analysis, synthesis, description, analogy) and private scientific methods (comparative law, formal law, historical). The purpose of this work is a comprehensive historical and legal study of the institution of truth in criminal proceedings, the influence of M. S. Strogovich's works on this institution, as well as on modern rule-making activities. The novelty of the article lies in the proposal and justification of the need to supplement the principles of criminal proceedings by pointing to the principle of comprehensiveness, completeness and objectivity of the investigation of the circumstances of the case. This conclusion finds its objective confirmation in the legislation of previous years, as well as modern law-making and scientific and practical activities. The introduction of this principle into the system of current criminal procedure law can have a beneficial effect both on the system as a whole and on specific criminal procedural legal relations.

Keywords: law; criminal procedure; criminal proceedings; improvement of legislation; material truth; objective truth.

For citation: Verevoshnikov E. A. M. S. Strogovich's Contribution to the Establishment and Development of the Institute of Truth in Criminal Proceedings. *Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 2, pp. 206–215. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-206-215>

Введение

Михаил Соломонович Строгович внес существенный вклад в развитие уголовного процесса по целому ряду направлений, однако в рамках данной статьи будут рассмотрены его труды по вопросу истины в уголовном процессе, среди которых особого внимания заслуживают «Учение о материальной истине в уголовном процессе» и «Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе». Данные научные работы не утратили своей актуальности и по сей день в связи с проводимой работой по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства. Вопрос установления истины также остается важной теоретической и практической проблемой. По мере эволюции права термин «истина» в рамках уголовного судопроизводства претерпел ряд изменений и преобразований. Однако на современном этапе развития уголовно-процессуального законодательства России институт установления истины в уголовном судопроизводстве, как и само понятие истины, не получило законодательного закрепления. В связи с этим представляется целесообразным обратиться к опыту предыдущих лет, а также законопроектной и научной деятельности.

1. Краткая характеристика становления института истины в уголовном судопроизводстве (дореволюционный период)

Впервые упоминание института истины в российском уголовном процессе появилось в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. [1] (далее – УУС). Хотя она и не была закреплена в рамках общих положений, однако присутствовала в ряде статей, регламентирующих этап как предварительного расследования, так и судебного разбирательства.

Так, ст. 294 УУС допускала производство следственных действий в других участках и уездах в целях открытия истины. Статья 333 УУС предписывала сведущим людям при производстве освидетельствования указывать также признаки, на которые следователь не обратил внимание, но исследование которых может привести к открытию истины. Статья 613 УУС предписывала председателю суда направлять ход дела к тому порядку, который наиболее способствует раскрытию истины.

В книге «Судебные Уставы 20-го ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны», изданной Государственной канцелярией, излагается следующая точка зрения: «Задача уголовного суда есть открытие в каждом деле безусловной истины. В стремлении к этой цели суд уголовный не может принимать в уважение желание сторон, ни того, что сам подсудимый не хочет оправдывать свою невиновность, ни того, что сам обвинитель потворствует ему. Поэтому если стороны не предъявили всех тех сведений, которые должны служить данными для основательного разрешения дела, то суд не может удовлетвориться одними их заявлениями, но обязан потребовать дополнительных сведений» [2].

А. Ф. Кони во введении к систематическому комментарию Устава уголовного судопроизводства отмечал следующее: «Система формальных, предустановленных доказательств... дает в руки суда готовый рецепт, где установлены заранее виды и дозы доказательственных средств, необходимых для излечения подсудимого от недуга, называемого преступлением. Задача сводится к механическому сложению и вычитанию доказательств, вес и взаимная сила которых заранее определены, причем даже и для сомнения есть определенные формальные правила... Следственное производство поступало затем в суд и подлежало рассмотрению и разрешению в строгих и узких рамках правил о формальных доказательствах... Устав уголовного судопроизводства возвестил решительную отмену старого уголовного суда... Новое время дает, наконец, надлежащую свободу убеждению судьи...» [3].

2. Развитие института истины в системе уголовно-процессуального права (советский период)

Следующей ступенью развития уголовно-процессуального права стало принятие в 1922 г. Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (далее – УПК РСФСР), в котором также присутствовали нормы, регламентирующие вопрос установления истины в уголовном судопроизводстве, которые, аналогично УУС, не раскрывались в рамках общих положений. В частности, к ним относятся: ст. 114, которая предписывала следователю направлять предварительное расследование в сторону наиболее полного и всестороннего рассмотрения дела; ст. 150, 161, 162 обращали внимание на возможность обвиняемого препятствовать раскрытию истины, что учитывалось при разрешении вопроса о применяемых мерах пресечения. УПК РСФСР 1923 г. содержал аналогичные положения. Изменения, затрагивающие вопросы рассматриваемого института, отсутствовали.

М. С. Строгович в своих трудах так описывал цель советского уголовного процесса: «Целью советского уголовного процесса является обнаружение истины по уголовному делу, установление виновности и справедливое наказание лица, совершившего преступление, ограждение от неосновательного обвинения невиновного человека и оказание воспитательного воздействия на граждан» [4, с. 24]. Истина, устанавливаемая в уголовном процессе по расследуемому и разрешаемому судом делу, есть «объективная истина», называемая «материальной истиной».

Под материальной истиной он понимал «Полное и точное соответствие объективной действительности выводов следствия и суда об обстоятельствах расследуемого и разрешаемого судом дела, о виновности или невиновности привлеченных к уголовной ответственности лиц» [5, с. 19]. При этом она была связана с марксистско-ленинской теорией познания, т.е. «Соответствие мысли о предмете реальной действительности самому этому предмету в том виде, как он существует независимо от познающей его мысли» [6, с. 133].

В 1958 г. был принят Закон СССР «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» [7] (далее – Основы), который закреплял основные задачи и принципы уголовного судопроизводства, на основе которого был принят Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г. [8].

Главной новеллой Основ, затрагивающей институт истины в уголовном процессе, являлась ст. 14, которая закрепила в рамках общих положений принцип

всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела. Также в ст. 17 Основ «Оценка доказательств» было закреплено следующее положение: «Суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием» [7].

При этом М. С. Строгович подчеркивает, что принцип объективной, материальной истины носит ключевой характер во всей системе советского уголовного процесса, при этом отмечая, что данный принцип находит выражение в ст. 2 Основ, устанавливающей: «Задачами советского уголовного судопроизводства являются быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый, совершивший преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден» [7].

Одновременно с этим в научной среде присутствовали и иные взгляды по рассматриваемому вопросу. Так, М. А. Чельцов в своих трудах указывает: «Проблема истины в советском уголовном процессе в настоящее время вообще не существует» [9, с. 61] и «Сейчас законодатель не случайно исключил из текста соответствующих статей Основ слово «истина» [9, с. 61]. Аналогичную точку зрения выражал С. А. Голунский, при этом отмечая следующее: «Установление истины не является целью уголовного процесса. Процесс – не научно-исследовательская деятельность. Цели процесса перечислены в статье 2 Основ уголовного судопроизводства и не случайно установление истины среди них не названо» [10, с. 122].

3. Современная нормотворческая и научно-практическая деятельность, связанная с институтом истины в уголовном процессе

Принятие Конституции РФ в 1993 г. обусловило существенное обновление законодательства. Стратегическое направление развития уголовного судопроизводства также было определено Концепцией судебной реформы, принятой Постановлением Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1. В ходе судебной реформы были подготовлены два основных проекта Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Первый проект был представлен государственно-правовым управлением Президента РФ и содержал в себе нормы, отражающие переход к состязательной форме. Второй проект был представлен Минюстом России и предусматривал умеренные преобразования уголовного процесса.

В ходе работы над законопроектом № 97700236-2 [11] (проект УПК РФ) в третьем чтении вопрос истины поднимался доктором юридических наук, профессором, депутатом Государственной Думы РФ В. И. Илюхиным в части включения в главу 2 проекта УПК РФ принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела. Он отмечал, что данный принцип является гарантией установления истины по уголовному делу и гарантией вынесения справедливого приговора. Однако указанная поправка не получила достаточной поддержки и была отклонена. Итоговая редакция УПК РФ 2001 г. не содержала в себе норм, регламентирующих вопросы истины.

Однако научно-практическая деятельность, связанная с рассматриваемым институтом, продолжалась, и в 2012 г. Следственным комитетом Российской Федерации был подготовлен законопроект «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу». В 2014 г. данный законопроект был внесен в Государственную Думу РФ депутатом Государственной Думы РФ А. А. Ремезковым.

Законопроектом № 440058-6 (далее – Законопроект) предлагалось закрепить в ст. 5 УПК РФ следующее определение истины в уголовном процессе: «Объективная истина – это соответствие действительности установленных по уголовному делу обстоятельств, имеющих значение для его разрешения» [12]. Проектируемая ст. 16.1 «Установление объективной истины по уголовному делу» указывала на обязанность суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя принять все предусмотренные УПК РФ меры к всестороннему, полному и объективному выяснению обстоятельств, подлежащих доказыванию, для установления объективной истины по уголовному делу. Часть вторая данной статьи предоставляла право суду принимать все необходимые меры к установлению действительных фактических обстоятельств уголовного дела в целях обеспечения отправления справедливого правосудия, не будучи при этом связанным мнением сторон. Также Законопроектом планировалось включить «односторонность и неполноту судебного следствия» в перечень оснований отмены или изменения судебного решения в апелляционном порядке. Существенной новеллой проекта являлось наделение суда правом восполнения неполноты доказательств в той мере, в какой это возможно в ходе судебного разбирательства, а также правом вернуть уголовное дело прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению при отсутствии возможности устранить неполноту доказательств в судебном разбирательстве. Соответствующие изменения предлагалось внести в ст. 252 УПК РФ «Пределы судебного разбирательства».

Председатель Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкин в интервью «Российской газете» так обосновывал необходимость рассматриваемого Законопроекта: «Проект нового закона направлен на усиление гарантий, обеспечивающих справедливость правосудия... процесс доказывания по уголовному делу должен быть ориентирован на достижение объективной истины. Это является необходимым условием правильного разрешения уголовного дела. ... Не способствует установлению истины и реализованная в законе модель состязательности. Она тяготеет к чуждой традиционному российскому уголовному процессу англо-американской доктрине. ... В ней суду отводится роль пассивного наблюдателя за процессуальным противоборством сторон. ... Поэтому в таком процессе приоритетной является не объективная, а формально-юридическая истина, определяемая позицией стороны, победившей в споре, даже если она не соответствует действительности...» [13].

Комитетом Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству (далее – Комитет) Законопроект был поддержан в части концепции полного и объективного исследования и оценки всех обстоятельств уголовного дела судом, прокурором, руководителем следственного органа, следователем, дознавателем [12].

Комитет в своей позиции отмечал, что само понятие «объективная истина» является философским термином, поскольку познавательная деятельность человека всегда носит субъективный характер. Также Комитет обращал внимание на то, что проектируемые изменения ст. 252 УПК РФ не согласуются с положениями о состязательности сторон в уголовном процессе, а также о разумном сроке уголовного судопроизводства, поскольку данные изменения могут породить «бесконечное уголовное преследование». Свою позицию Комитет обосновывал ссылкой на позиции Конституционного Суда Российской Федерации (постановления от 8 декабря 2003 г. № 18-П; от 2 июля 2013 г. № 16-П; определение от 4 октября 2012 г. № 1852-О) указывая, что возвращение уголовного дела прокурору судом имеет своей целью не продолжение следственной деятельности по обоснованию или дополнению обвинения, а приведение процедуры предварительного расследования в соответствие с требованиями УПК РФ. Также Комитет отсылал к Постановлению Конституционного Суда РФ от 20 апреля 1999 г. № 7-П, в котором признана не соответствующей Конституции РФ норма УПК РСФСР, возлагавшая обязанности на суд по собственной инициативе возвращать уголовное дело прокурору в случае невозможности в судебном заседании неполноты расследования. В мотивировочной части решения Конституционный Суд РФ указывал, что возвращение уголовного дела прокурору по данным основаниям по инициативе суда противоречит принципам разделения властей, состязательности, равноправия сторон, презумпции невиновности, затрагивает право на доступ правосудия в разумный срок.

Верховный Суд РФ также поддержал концепцию закрепления в УПК РФ принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела, одновременно с этим отмечая, что используемый в Законопроекте термин «объективная истина» не является правовым, поскольку орган предварительного расследования и суд устанавливают обстоятельства совершенного преступления не путем их личного восприятия, а на основании совокупности собранных и исследованных в установленном законе порядке доказательств. В связи с этим был сделан вывод о том, что «субъективный характер оценки доказательств не должен умалять законность и обоснованность принятых решений» [12].

Правительство РФ в официальном отзыве Законопроект в представленной редакции не поддержало.

По вопросу введения института установления объективной истины по уголовному делу, в связи с обсуждением Законопроекта, также выразили свою точку зрения ряд ученых и практиков.

Среди сторонников истины в уголовном процессе можно выделить Ю. П. Богуленкова [14], Ю. В. Орлова [15], Л. В. Головкин [16], В. В. Дорошкова [17]. Они обращали внимание на то, что введение данного института позволит повысить эффективность правоохранительной системы и устранить действующие перекосы в ее функционировании, при этом отмечая, что он нуждается в дальнейшем теоретическом осмыслении и практической проработке. Также встречались мнения о том, что потребность в институте истины в уголовном процессе существует только в той части, в которой она обладает соответствующей правовой регламентацией.

Среди противников истины в уголовном процессе возможно отметить Л. А. Воскобитову [18], В. А. Лазареву [19], Н. Н. Колоколова [20], Г. М. Резника [21]. Противни-

ки данной концепции в свою очередь отмечали следующие проблемы. Во-первых, критиковалось возможное появление угрозы состязательности сторон и независимости суда. Во-вторых, отмечалось непонимание многими учеными и практиками такого феномена, как «объективная истина» и связанного с ним «мифотворчество». В-третьих, обращалось внимание на возможность нарушения иерархии целей и задач уголовного судопроизводства.

Умеренную позицию по вопросам совершенствования уголовно-процессуального законодательства выразил в своей статье доктор юридических наук, профессор С. А. Шейфер [22]. Он указывал, что правосудие должно отправляться среди прочего посредством всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела. Однако в ряде случаев закон должен жертвовать истиной в пользу более высокого приоритета – обеспечения прав и свобод человека.

Заключение

На основании изложенного, а также принимая во внимание нормотворческий и правоприменительный опыт стран СНГ, уголовно-процессуальная модель которых имеет значительное количество аналогичных положений, возможно прийти к выводу о том, что такое проявление института истины в уголовном процессе, как принцип всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела, в контексте возможного совершенствования законодательства, способно оказать положительное воздействие на систему уголовно-процессуальных правоотношений. Данный принцип не является новым для уголовно-процессуального права России. Однако введение принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела, а также корреспондирующих данному принципу изменений в современный УПК РФ может позволить снизить количество судебно-следственных ошибок за счет возложения соответствующих обязанностей на уполномоченных лиц по принятию исчерпывающих мер в рамках исполнения требований данного принципа, что также позволит повысить статус органов предварительного расследования и судов в глазах общественности.

Пристатейный библиографический список

1. Устав уголовного судопроизводства // СПС «Гарант».
2. Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны // Классика российского права : сайт. URL: <https://civil.consultant.ru/reprint/books/115/3.html#img4c> (дата обращения: 30.10.2024).
3. Кони А. Ф. Введение к систематическому комментарию У. У. С. М., 1913.
4. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1958.
5. Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955.
6. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968.
7. Закон СССР от 25 декабря 1958 г. «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР // СПС «КонсультантПлюс».

9. Чельцов М. А. Задачи советской науки уголовно-процессуального права в период развернутого строительства коммунизма. М. : Госюриздат, 1959.
10. Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР / под ред. С. А. Голунского. М. : Госюриздат, 1959.
11. Законопроект № 97700236-2 // Система обеспечения законодательной деятельности : сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/97700236-2> (дата обращения: 30.10.2024).
12. Интервью Председателя Следственного комитета А. Бастрыкина «Российской газете» о законопроекте по обеспечению объективной истины // Следственный комитет российской федерации : сайт. URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/507720/?print=1> (дата обращения: 30.10.2024).
13. Законопроект № 440058-6 // Система обеспечения законодательной деятельности : сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/440058-6> (дата обращения: 30.10.2024).
14. Боруленков Ю. П. Стремление к истине – высший закон правосудия // Библиотека криминалиста. 2012. № 4 (5).
15. Орлов Ю. В. Установление истины как цель доказывания в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. 2012. № 4 (5).
16. Головкин Л. В. Теоретические основы модернизации учения о материальной истине в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. 2012. № 4 (5).
17. Дорошков В. В. Объективная и формальная истина как разные формы одного явления // Библиотека криминалиста. 2012. № 4 (5).
18. Воскобитова Л. А. Некоторые особенности познания в уголовном судопроизводстве, противоречащие мифу об истине // Библиотека криминалиста. 2012. № 4 (5).
19. Лазарева В. А. Объективна ли «объективная истина»? // Библиотека криминалиста. 2012. № 4 (5).
20. Колоколов Н. Н. Момент истины // Библиотека криминалиста. 2012. № 4 (5).
21. Резник Г. М. Институт объективной истины как прикрытие репрессивности правосудия // Библиотека криминалиста. 2012. № 4 (5).
22. Шейфер С. А. О законопроекте «О внесении изменений в УПК РФ в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» // Библиотека криминалиста. 2012. № 4 (5).

References

1. The Charter of Criminal Procedure (SPS“Garant”). (In Russ.)
2. Judicial Statutes of November 20, 1864, with a Statement of the Reasoning on Which They Are Based. URL: <https://civil.consultant.ru/reprint/books/115/3.html#img4> (date of application: 30.10.2024). (In Russ.)
3. Koni A. F. Introduction to the Systematic Commentary of U.U.S. Moscow, 1913. (In Russ.)
4. Strogovich M. S. Course of the Soviet Criminal Procedure. Moscow, 1958. (In Russ.)
5. Strogovich M. S. Material Truth and Judicial Evidence in Soviet Criminal Proceedings. Moscow, 1955. (In Russ.)

6. *Strogovich M. S.* Course of Soviet Criminal Procedure. Vol. 1. Moscow, 1968. (In Russ.)
7. Law of the USSR of December 25, 1958 "On Approval of the Fundamentals of Criminal Procedure of the USSR and the Union Republics" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
8. Code of Criminal Procedure of the RSFSR (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
9. *Cheltsov M. A.* The Tasks of the Soviet Science of Criminal Procedure Law During the Period of Extensive Construction of Communism. Moscow, 1959. (In Russ.)
10. *Golunskii S. A. (ed.).* Issues of Legal Proceedings and Judicial System in the New Legislation of the USSR. Moscow, 1959. (In Russ.)
11. Bill No. 97700236-2. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/97700236-2> (date of application: 30.10.2024). (In Russ.)
12. Interview of the Chairman of the Investigative Committee A. Bastrykin to "Rossiyskaya Gazeta" on the bill to ensure objective truth. URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/507720/?print=1> (date of application: 30.10.2024). (In Russ.)
13. Bill No. 440058-6. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/440058-6> (date of application: 30.10.2024). (In Russ.)
14. *Borulenkova Iu. P.* The Pursuit of Truth Is the Highest Law of Justice. *Criminologist's Library*, 2012, no. 4 (5). (In Russ.)
15. *Orlov Iu. V.* Establishing the Truth as the Goal of Proof in Criminal Proceedings. *Criminologist's Library*, 2012, no. 4 (5). (In Russ.)
16. *Golovko L. V.* Theoretical Foundations of Modernization of the Doctrine of Material Truth in Criminal Procedure. *Criminologist's Library*, 2012, no. 4 (5). (In Russ.)
17. *Doroshkov V. V.* Objective and Formal Truth as Different Forms of One Phenomenon. *Criminologist's Library*, 2012, no. 4 (5). (In Russ.)
18. *Voskobitova L. A.* Some Features of Cognition in Criminal Proceedings That Contradict the Myth of Truth. *Criminologist's Library*, 2012, no. 4 (5). (In Russ.)
19. *Lazareva V. A.* Is "Objective Truth" Objective? *Criminologist's Library*, 2012, no. 4 (5). (In Russ.)
20. *Kolokolov N. N.* Moment of Truth. *Criminologist's Library*, 2012, no. 4 (5). (In Russ.)
21. *Reznik G. M.* Institute of Objective Truth as a Cover for Repressive Justice. *Criminologist's Library*, 2012, no. 4 (5). (In Russ.)
22. *Sheifer S. A.* On the Draft Law "On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in Connection with the Introduction of the Institution of Establishing Objective Truth in a Criminal Case". *Criminologist's Library*, 2012, no. 4 (5). (In Russ.)

Сведения об авторе:

Е. А. Веревошников – аспирант.

Information about the author:

E. A. Verevoshnikov – Postgraduate Student.

Статья поступила в редакцию 16.12.2024; одобрена после рецензирования 17.02.2025; принята к публикации 19.03.2025.

The article was submitted to the editorial office 16.12.2024; approved after reviewing 17.02.2025; accepted for publication 19.03.2025.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-216-225>

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

Артем Германович Сироткин

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

art-sirotkin@yandex.ru

Аннотация

Данная статья посвящена проблемам совершенствования методики расследования преступлений в сфере налогообложения. Актуальность данных проблем очевидна ввиду роста экономики Российской Федерации последних лет и увеличения количества преступлений данного вида. В статье рассматриваются основные группы проблем в рамках уголовного процесса: сбор доказательств об умышленном характере указанных деяний и проблемы взаимодействия федеральных органов в расследовании данной категории преступлений. Целью настоящего исследования является выяснение методов и форм оптимизации такого взаимодействия. Новизна исследования заключается в попытке системного анализа различных форм оперативной работы с преступлениями данного вида. В процессе исследования последней проблемы использовалась методика комплексного, системного анализа. В ходе исследования установлены основные группы проблем во взаимодействии следственных, оперативных и налоговых органов при расследовании преступлений в сфере налогообложения и обоснована необходимость совершенствования законодательного регулирования данного взаимодействия.

Ключевые слова: преступления в сфере налогообложения; доказательства; взаимодействие правоохранительных органов; налоговая проверка; преступный умысел; Следственный комитет; расследование.

Для цитирования: Сироткин А. Г. Некоторые аспекты взаимодействия федеральных органов при расследовании преступлений в сфере налогообложения // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 2. С. 216–225. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-216-225>

Research Article

SOME ASPECTS OF THE INTERACTION OF FEDERAL AGENCIES IN THE INVESTIGATION OF CRIMES IN THE FIELD OF TAXATION

Artem G. Sirotkin

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow,
117638, Russia
art-sirotkin@yandex.ru

Abstract

This article is devoted to the problems of improving the methodology of investigating tax crimes. The relevance of these problems is obvious due to the growth of the Russian Federation economy in recent years and the increasing number of crimes of this type. The main groups of problems in the criminal process are considered: collecting evidence about the intentional nature of these acts and the problems of interaction between federal law enforcement agencies in the investigation of this category of crimes. Purpose of this study is to clarify the problem areas in the course of such interaction. The novelty of the study lies in an attempt to systematically analyze various forms of operational work with crimes of this type. In the process of investigating the latter problem, the method of complex, systematic analysis was used. The study identifies the main groups of problems in the interaction of investigative, operational and tax authorities in the process of investigating crimes in the field of taxation and substantiates the need to improve the legislative regulation of this interaction.

Keywords: crimes in the field of taxation; evidence; interaction between law enforcement agencies; tax audit; criminal intent; Investigative committee; investigation.

For citation: Sirotkin A. G. Some Aspects of the Interaction of Federal Agencies in the Investigation of Crimes in the Field of Taxation. *Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 2, pp. 216–225. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-216-225>

Введение

Преступления в сфере налогообложения в современном российском законодательстве выделены в особую группу экономических преступлений. Уголовное производство по ним ведется с соблюдением особых процедур и правил. Как правило, в расследовании данной категории дел задействованы сразу несколько правоохранительных и фискальных органов.

В связи с указанными обстоятельствами расследование данных преступных деяний сопряжено с рядом трудностей и проблем. Во-первых, весьма трудоемким является сбор доказательств об умышленном характере указанных деяний, учитывая требования ч. 1 ст. 54.1 НК РФ, запрещающей уменьшение налогоплательщиком налоговой базы и (или) суммы подлежащего уплате налога в результате искажения сведений о фактах хозяйственной жизни (совокупности таких фактов), об объектах налогообложения, подлежащих отражению в налоговом и (или) бухгалтерском учете либо налоговой отчетности налогоплательщика [1]. Налоговым инспекторам и следователям зачастую бывает непросто установить четкую причинно-следственную связь между действиями подозреваемого и совершенным правонарушением, обосновать умышленный характер противоправных действий субъекта правонарушения.

Во-вторых, для объективного расследования и судебного производства необходимо установить соответствующее закону взаимодействие всех участвующих в расследовании правоохранительных органов: Федеральной налоговой службы РФ (далее – ФНС РФ), Следственного комитета РФ (далее – СК РФ), Министерства внутренних дел РФ (далее – МВД РФ), органов прокуратуры Российской Федерации (далее – органы прокуратуры РФ). Данные группы процессуальных проблем также носят комплексный и взаимозависимый характер. И их разрешение также взаимообусловлено.

1. Сбор доказательств об умышленном характере преступлений в сфере налогообложения

Рассмотрим более подробно указанные нами группы проблем. Правовая конструкция уголовного закона предполагает в качестве обязательного элемента субъективной стороны состава преступлений в сфере налогообложения наличие вины в форме прямого умысла, который трактуется как осознание лицом противоправного характера своих действий (бездействия), желание либо сознательное допущение наступления общественно опасных последствий таких действий (бездействия) [2, с. 25]. В другой формулировке, действия лица по неуплате налогов и сборов в бюджет Российской Федерации признаются виновными, если такие деяния совершены преднамеренно, в целях полной или частичной неуплаты налогов и сборов.

Для принятия законного решения о наличии умысла у конкретного налогоплательщика следствие обязано доказать, что именно противоправные действия налогоплательщика привели к совершению преступления, а также собрать доказательства, свидетельствующие о намерении причинить вред общественным отношениям в сфере налогообложения.

В ведомственных инструкциях СК РФ говорится о том, что «умысел может быть доказан совокупностью обстоятельств совершения налогового правонарушения в их единстве, взаимосвязи и взаимозависимости. Для того, чтобы обосновать умышленность совершенного деяния, в акте налоговой проверки требуется в обязательном порядке сформулировать цели и мотивы, которые преследовались конкретным лицом при совершении противоправных действий» [5].

Одной из процессуальных проблем, возникающих в ходе выявления следствием умышленного характера преступлений в сфере налогообложения, является то, что выявление и фиксация обстоятельств, свидетельствующих об умысле, не происходит в ходе налоговых проверок органов ФНС РФ. А уже в процессе расследования следственным органам приходится производить следственные действия по собиранию сведений, отражающих наличие умысла налогоплательщика на сокрытие имущества, неуплату налогов и пр.

Другой проблемой является самовыявление следственными органами таких обстоятельств, которые принимались бы в качестве доказательств умысла судами РФ. СК РФ в тех же инструкциях-рекомендациях указано на отличительные черты умышленного характера правонарушений, признаваемых судами. Такими предложено считать: а) наличие совокупности обстоятельств совершения налогового правонарушения в их единстве, взаимосвязи и взаимозависимости; б) отсутствие случайностей в ряде (цепочке) событий и действий, имеющих отношение к обстоятельствам совершенного правонарушения; в) наличие в установленных обстоятельствах ряда неслучайных действий, пусть и якобы независимых лиц, которые подчинены единой воле и приводят в конечном счете к противоправному результату.

Следуя логике расследования, необходимо выявлять цепочку последовательных действий, направленных на обман фискальных органов. Типовая схема преступления в сфере налогообложения представляет собой, как правило, целостную систему, в которой все образующие ее элементы связаны между собой. Например, при моделировании уклонения от уплаты налога на добавленную стоимость (далее – НДС) в деятельности организации в строительной сфере установлена высокая информативная значимость отдельных элементов механизма совершения преступления: искажение объемов фактической реализации в виде реализационных доходов с одновременным увеличением реализационных расходов путем отражения в учете фиктивных затрат по нереальным сделкам с субподрядчиками [6].

В данном виде преступлений следует также обращать внимание в первую очередь на косвенные доказательства, т. е. те, которые не содержат информацию о факте совершения преступления конкретным лицом, но могут служить основанием для предположения об определенной степени его вовлеченности в совершение указанного деяния. К ним относятся в числе прочих: показания свидетелей, которые не являлись очевидцами преступления, но при этом которым могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела по существу судом; документы, аудио- и видеозаписи, которые могут содержать информацию, имеющую отношение к делу; предметы, которые могут быть использованы с целью совершения преступления, и содержа-

щаяся на них информация, например, компьютерная техника. В обосновании формы вины в расследовании преступлений в сфере налогообложения косвенные доказательства зачастую приобретают решающее значение.

Как справедливо указывает В. В. Ефимова, наиболее распространенными и типичными умышленными действиями совершения преступлений в сфере налогообложения являются следующие: 1) предоставление документов в налоговый орган для получения необоснованной налоговой выгоды от имени контрагентов, которые оформлялись лицами, находящимися во взаимосвязи с налогоплательщиком; 2) предоставление в налоговый орган документов, подтверждающих заключение крупных сделок с юридическими лицами – контрагентами, включенными в единый государственный реестр юридических лиц позднее даты сделки; 3) предоставление в налоговый орган к вычету НДС затрат, входящих в профессиональный налоговый вычет, несмотря на отсутствие исполнения как самой сделки, так и непосредственного участия контрагента в ней; 4) создание имущественного комплекса и схемы возврата аренды промышленных помещений для получения необоснованной налоговой выгоды; 5) перечисление налогоплательщиком на расчетные счета юридических лиц, не осуществляющих финансово-хозяйственную деятельность, денежных средств в целях их обналичивания [7].

Например, одной из традиционных схем преступлений в сфере налогообложения является имитация реальной экономической деятельности подставных фирм, так называемых фирм-однодневок. Основные признаки подставной фирмы-однодневки следующие: отсутствие реальной деятельности или наличие только формальных операций, отсутствие офиса или места нахождения, использование почтовых ящиков в качестве адреса компании, частые смены руководителей и сотрудников, отсутствие активов или собственности, необоснованные финансовые операции и т.д. Все эти признаки указывают на то, что фирма может быть использована для совершения мошеннических действий, уклонения от уплаты налогов и сборов или других незаконных целей. Однако наличие всех признаков не обязательно для признания организации фирмой-однодневкой.

2. Проблемы взаимодействия федеральных органов в расследовании преступлений в сфере налогообложения

Если с первой трудностью – обоснованием умышленного характера противоправных действий субъекта правонарушения – можно справиться путем кропотливого и всестороннего сбора данных об обстоятельствах указанного криминального деяния, тщательного анализа всей собранной информации, включая косвенные доказательства, то вторая – взаимодействие участвующих в расследовании правоохранительных органов – является объективно обусловленной сложным характером фискальных функций государства и его правоохранительной системы.

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ производство предварительного следствия по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 198–199.4 УК РФ, относится к подследственности следователей СК РФ. Также действует Соглашение о взаимодействии между СК РФ и ФНС РФ от 13 февраля 2012 г. № 101-162-12/ММВ-27-2/3. Раздел четвертый данного Соглашения предусматривает следующие формы взаимодействия между следственными и налоговыми органами:

- 1) взаимный информационный обмен сведениями;
- 2) взаимные консультации по вопросам, входящим в компетенцию каждого из органов;
- 3) обмен опытом в целях повышения квалификации кадров;
- 4) проведение совместных исследований проблем, связанных с выявлением, предупреждением и пресечением налоговых правонарушений и преступлений [6].

В ходе выездных налоговых проверок налоговые органы тесно взаимодействуют с оперативными подразделениями органов внутренних дел. В соответствии с ч. 1 ст. 36 НК РФ по запросу налоговых органов органы внутренних дел участвуют вместе с налоговыми органами в проводимых налоговыми органами выездных налоговых проверках. Также взаимодействие происходит по другим направлениям: обмен информацией о налогоплательщиках и их деятельности; координация деятельности по выявлению и пресечению налоговых преступлений.

Оперативные сотрудники играют ключевую роль в сборе информации о налоговых преступлениях. Они должны обладать необходимыми навыками и познаниями, чтобы эффективно выполнять поставленные перед ними задачи. В частности, им необходимо уметь собирать сведения об активах и имуществе проверяемого субъекта, о лицах, совершающих налоговые преступления, а также о методах и способах их совершения [9]. Важно отметить, что для сбора такой информации необходимо соблюдать законодательство и права граждан. Оперативные сотрудники должны действовать в рамках закона и уважать права участников налоговых правоотношений.

Одной из классификаций форм взаимодействия следователя с оперативными сотрудниками в зависимости от нормативной регламентации является их деление на процессуальные и организационно-тактические (не процессуальные) [10]. В качестве основной процессуальной формы взаимодействия следователя с оперативными сотрудниками при расследовании преступлений в налоговой сфере является следственно-оперативная группа. Данная форма взаимодействия позволяет оптимально объединять и согласовывать возможности и усилия следователя и оперативных сотрудников. Процессуальное взаимодействие следователя и оперативных сотрудников осуществляется в соответствии с нормами УПК РФ, непроцессуальное взаимодействие регламентируется нормативными актами ведомственного уровня.

Оперативные подразделения органов внутренних дел (далее – ОВД) в процессе обмена информацией с Федеральной налоговой службой в целом обеспечивают реализацию полномочий налоговых органов по контролю и надзору за соблюдением законодательства о налогах и сборах. Однако необходимо отметить, что в процессе взаимодействия между оперативными подразделениями ОВД и налоговыми органами возникают определенные проблемы. Например, не всегда четко определены компетенции и полномочия каждой из сторон, что иногда приводит к затягиванию и снижению эффективности последующих проверочных мероприятий. Для улучшения ситуации необходимо разработать более детальное законодательство, которое бы четко регулировало взаимодействие между оперативными подразделениями ОВД и налоговыми органами.

Важную процессуальную роль в уголовном преследовании по преступлениям в сфере налогообложения играют органы прокуратуры РФ. В соответствии с ч. 1 ст. 77 НК РФ арест имущества налогоплательщика-организации возможен только с санкции прокурора. Это один из способов обеспечения исполнения решения о взыскании налоговой задолженности [8].

В соответствии с п. 17 приказа Генпрокуратуры России № 286, ФНС России ММВ-7-2/232@, МВД России, СК России от 8 июня 2015 г. «Следственными органами Следственного комитета обеспечивается приобщение к уголовному делу всех необходимых документов, подтверждающих наличие недоимки. После установления окончательной суммы налоговой задолженности и при невозмещении ущерба об этом информируются органы прокуратуры Российской Федерации для решения вопроса о предъявлении гражданского иска в уголовном судопроизводстве» [4].

Таким образом, одним из важных аспектов в решении проблемы эффективности процессуальных действий при расследовании уголовных дел в сфере налогообложения является установка СК РФ, ОВД, ФНС РФ на комплексное и всестороннее изучение обстоятельств налоговых правонарушений с целью вскрытия и обоснования возможного умышленного противоправного характера указанных деяний. Доказывание умысла, согласно нормам российского законодательства, состоит в выявлении и документальном закреплении обстоятельств, как прямо, так и косвенно указывающих на то, что лицо осознавало противоправный характер своих действий (бездействия), желало либо сознательно допускало наступление общественно опасных последствий таких действий (бездействия), что раскрывается через выявление цепочки последовательных действий, направленных на искажение сведений о фактах хозяйственной жизни.

Заключение

Для построения следственной версии и сбора доказательств в ходе расследования преступления в сфере налогообложения представляется важным охватывать своим содержанием все возможные элементы криминалистической характеристики данного деяния, но при этом первостепенное значение имеет определение формы вины как результата преступной деятельности субъекта в целом, с позиции экономической целесообразности (получение субъектом незаконной дополнительной выгоды), опираясь на известные способы совершения преступления такого вида.

Необходимо также соблюдение субординации и координации усилий всех участвующих в расследовании правоохранительных органов. Следует и далее совершенствовать процессуальное административное и уголовное законодательство с более четкой конкретизацией их функций и полномочий в процессе расследования преступлений в сфере налогообложения.

Недавние изменения в уголовном, уголовно-процессуальном и налоговом законодательстве (2022–2023 гг.) открыли новые возможности для улучшения организации взаимодействия подразделений ОВД с налоговыми органами и органами предварительного следствия при выявлении и расследовании налоговых преступлений [11]. Тем не менее существующая межведомственная нормативная база нуж-

дается в обновлении и актуализации в связи с изменением федерального законодательства. Для решения этой проблемы предлагается разработать и принять единый регламент в форме трехстороннего соглашения о взаимодействии между СК РФ, МВД РФ и ФНС РФ. Это обеспечит эффективное взаимодействие между ведомствами и более продуктивный характер раскрытия преступлений в сфере налогообложения. Было бы продуктивным включить в данный регламент: 1) положения о пределах компетенций конкретных правоохранительных органов в рамках досудебного расследования; 2) порядок уведомления правоохранительными органами участниками соглашения друг друга о наличии тех или иных признаков совершенного или готовящегося преступления в налоговой сфере; 3) конкретные меры ответственности каждой стороны за неисполнение обязательств. Полагаем, что наличие данного регламента сыграло бы важную роль в усилении эффективности предварительного следствия и сбора доказательной базы.

Пристатейный библиографический список

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
4. Приказ Генпрокуратуры России № 286, ФНС России ММВ-7-2/232@, МВД России, СК России от 8 июня 2015 г. «Об утверждении Инструкции по организации контроля за фактическим возмещением ущерба, причиненного налоговыми преступлениями» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Письмо ФНС России от 13 июля 2017 г. № ЕД-4-2/13650@ «О направлении методических рекомендаций по установлению в ходе налоговых и процессуальных проверок обстоятельств, свидетельствующих об умысле в действиях должностных лиц налогоплательщика, направленном на неуплату налогов (сборов)» (вместе с Методическими рекомендациями «Об исследовании и доказывании фактов умышленной неуплаты или неполной уплаты сумм налога (сбора)», утв. СК РФ, ФНС РФ) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Соглашение о взаимодействии между Следственным комитетом Российской Федерации и Федеральной налоговой службой (заключено 13 февраля 2012 г. № 101-162-12/ММВ-27-2/3) // СПС «КонсультантПлюс».
7. Ефимова В. В. Особенности криминалистической характеристики современных налоговых преступлений // Российский следователь. 2022. № 3.
8. Карнович С. А., Киселев Е. А., Казачек Е. Ю. Особенности установления формы вины при расследовании налоговых преступлений // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. № 4.
9. Ларичев В. Д., Милякина Е. В., Панкратьев А. Н. Взаимодействие налоговых органов с органами внутренних дел и следственными органами при возбуждении уголовных дел по налоговым преступлениям // Lex Russica. 2023. Т. 76 № 12.

10. Почуева А. Ю. Взаимодействие правоохранительных органов в ходе расследования налоговых преступлений // Вестник науки. 2019. № 9 (18). Т. 4.

11. Ряполова Я. П. «Старый» новый порядок возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях // Российский следователь. 2023. № 10.

References

1. Tax Code of the Russian Federation (Part One) of July 31, 1998 No. 146-FZ. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1998, no. 31, art. 3824. (In Russ.)

2. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1996, no. 25, art. 2954. (In Russ.)

3. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-FZ. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2001, no. 52 (part I), art. 4921. (In Russ.)

4. Order of the Prosecutor General's Office of Russia No. 286, Federal Tax Service of Russia MMV-7-2/232@, Ministry of Internal Affairs of Russia, IC of Russia of June 8, 2015 "On Approval of Instructions on the Organization of Control Over the Actual Compensation for Damage Caused by Tax Crimes" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

5. Letter from the Federal Tax Service of Russia of July 13, 2017 No. ED-4-2/13650@ "On the Direction of Methodological Recommendations on the Establishment of Circumstances Indicating Intent During Tax and Procedural Inspections in the Actions of Officials of the Taxpayer Aimed at Non-payment of Taxes (Fees)" (together with Methodological Recommendations "On the Investigation and Proof of Facts of Intentional Non-payment or Incomplete Payment of Tax (Fee) Amounts", approved by IC RF, Federal Tax Service of the Russian Federation) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

6. Agreement on Cooperation between the Investigative Committee of the Russian Federation and the Federal Tax Service (concluded on February 13, 2012 No. 101-162-12/MMV-27-2/3) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

7. Efimova V. V. Features of the Criminalistic Characteristics of Modern Tax Crimes. *Russian Investigator*, 2022, no. 3. (In Russ.)

8. Karnovich S. A., Kiselev E. A., Kazachek E. Iu. Features of Establishing the Form of Guilt in the Investigation of Tax Crimes. *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 4. (In Russ.)

9. Larichev V. D., Miliakina E. V., Pankratiev A. N. Interaction of Tax Authorities with Internal Affairs Bodies and Investigative Bodies When Initiating Criminal Cases on Tax Crimes. *Lex Russica*, 2023, vol. 76, no. 12. (In Russ.)

10. Pochueva A. Iu. Interaction of Law Enforcement Agencies During the Investigation of Tax Crimes. *Bulletin of Science*, 2019, no. 9 (18), vol. 4. (In Russ.)

11. Riapolova Ia. P. The "Old" New Procedure for Initiating Criminal Cases of Tax Crimes. *Russian Investigator*, 2023, no. 10. (In Russ.)

Сведения об авторе:

А. Г. Сироткин – аспирант.

Information about the author:

A. G. Sirotkin – Postgraduate Student.

Статья поступила в редакцию 16.12.2024; одобрена после рецензирования 04.02.2025; принята к публикации 19.03.2025.

The article was submitted to the editorial office 16.12.2024; approved after reviewing 04.02.2025; accepted for publication 19.03.2025.

Рецензия

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-226-230>

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «ХРИСТИАНСКИЕ ОСНОВЫ
РОССИЙСКОГО ПРАВА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ:
МОНОГРАФИЯ / ПОД РЕД. Ю. А. СВИРИНА, ИЕРЕЯ
ВАСИЛИЯ ЛОСЕВА. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2025. – 239 с.»**

протоиерей Вадим Суворов (Вадим Геннадьевич Суворов)

Коломенская духовная семинария, 140406, Россия, г. Коломна,

ул. Голутвинская, д.11, к. 8

fr.vadim.suvorov@yandex.ru

Аннотация

Статья представляет собой обзор монографического исследования на тему: «Христианские основы российского права: история и современность», проведенного коллективом авторов, под редакцией профессора Ю. А. Свирина и иерея Василия Лосева, изданного в издательстве «ЮНИТИ-ДАНА» в 2025 г. В монографии рассматривается влияние христианского права на различные отрасли светского позитивного права России. Особый интерес вызывает концепция научного труда, впервые выполненного в России после 1917 г. на данную тему. Рецензируемая монография является теоретически значимым исследованием, развивающим науку о праве и позволяющим понять самобытность русского права и его истоков.

Ключевые слова: христианское право; каноническое право; российское право; христианские источники права.

Для цитирования: Суворов В. *прот.* Рецензия на книгу «Христианские основы российского права: история и современность : монография / под ред. Ю. А. Свирина, иерея Василия Лосева. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2025. – 239 с.» // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 2. С. 226–230. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-226-230>

Review

REVIEW OF THE BOOK "CHRISTIAN FOUNDATIONS OF RUSSIAN LAW: HISTORY AND MODERNITY: MONOGRAPH / EDITED BY IU. A. SVIRIN, PRIEST VASILY LOSEV. – MOSCOW: UNITY-DANA, 2025. – 239 p."

Vadim G. Suvorov

Kolomna Theological Seminary, 11, Bldg. 8 Golutvinskaia St.,
Kolomna, 140406, Russia

fr.vadim.suvorov@yandex.ru

Abstract

The article is a review of the monographic research on the topic "Christian Foundations of Russian Law: History and Modernity" conducted by a team of authors under the editorship of Professor Iu. A. Svirin and Priest Vasily (Losev), published in the publishing house "UNITI-DANA" in 2025. In the monograph, the authors examine the influence of Christian law on various branches of secular positive law in Russia. Of particular interest is the concept of a scientific work, first performed after 1917 in Russia on this topic. The peer-reviewed study is a theoretically significant research developing the science of law, allowing us to understand the identity of Russian law and its origins.

Keywords: Christian law; canon law; Russian law; Christian sources of law.

For citation: Suvorov V. Prot. Review of the Book "Christian Foundations of Russian Law: History and Modernity: Monograph / Edited by Iu. A. Svirin, Priest Vasily Losev. – Moscow: Unity-Dana, 2025. – 239 p.". *Herald of the Russian Law Academy*, 2025, no. 2, pp. 226–230. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-2-226-230>

Святейший Патриарх Кирилл на пленарном заседании XXVI Всемирного Русского Народного Собора 28 ноября 2024 г. произнес проникновенные слова: «Западный мир, привыкший к многолетней культурной гегемонии, не готов признать за нами – да и за другими цивилизациями – право на самобытность, и особенно на самостоятельность» [1]. Как представляется, авторам монографии удалось показать и доказать самобытность русского права, его истоков, которые прежде всего восходят не к истокам западной цивилизации, а к истокам церковного христианского права.

Авторы монографии исследовали светское позитивное право России и каноническое право христиан, сопоставив две правовые системы, существующие авто-

номно в одном государстве много веков. Несмотря на то, что Россия является светским государством, а Церковь отделена от государства, авторам удалось доказать взаимосвязь светского и канонического права. В качестве подтверждения данного тезиса можно привести смешанные сборники церковного права, куда вошли нормы светского государственного и канонического права – номоканоны.

Безусловно, римское право стояло у истоков как светского, так и канонического права. Так в Дигестах Юстиниана записано: *juris praecepta sunt haec: honeste vivere, alterum non laedere, suum cuique tribuere* (предписания закона сводятся к следующему: честно жить, не обижать других, каждому воздавать по заслугам). Семантическое толкование приведенной формулы мы можем найти в нормах как церковного, так и светского права. Авторы делают совершенно правильный вывод о том, что уже в период древнего римского права происходит конвергенция двух правовых систем: канонического и светского права. Почти половина норм Дигест Юстиниана являлись церковными нормами.

Взаимное проникновение норм канонического и светского права происходит и по настоящее время, когда одновременно в одном государстве существуют параллельно две правовые системы, которые, безусловно, оказывают влияние друг на друга.

На связь канонического права и светского права указывается в трудах по каноническому праву, в которых авторы ссылаются на нормы светского права, например, на Конституцию РФ, на Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» и на другие законы. С другой стороны, многие канонические нормы служили источником для светского права. В этом отношении представляется верным суждение П. П. Серкова о том, что существует взаимосвязь между юриспруденцией и религией в области правоотношений, и обе сферы имеют общий источник [2, с. 498]. В подтверждение этому Ю. А. Свирин указывает на то, что в российской судебной практике, наряду со светскими нормами в качестве источника права, суды иногда ссылаются на каноническое право. В частности, Саратовский областной суд в апелляционном определении от 21 января 2016 г. по одному из дел указал, что отношения между религиозными организациями и священнослужителями не регулируются нормами Трудового кодекса РФ, а регулируются каноническими нормами. Таким образом, суд в конкретном деле сослался на нормы канонического права, используя их как источник права [3, с. 17]. На это же указывает и священник Василий Лосев, по мнению которого источниками церковного права, помимо Устава Русской Православной Церкви, решений Соборов, являются также Конституция РФ и федеральные законы, например Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» [4, с. 45].

Касаясь проблемы структурирования источников христианского права и кодификации канонического права Русской Православной Церкви, Ю. А. Свирин впервые изложил структуру источников христианского права в их взаимосвязи и соподчиненности, раскрыв, как соотносятся между собой источники канонического и светского права. Отдельным объектом исследования стал правовой статус священнослужителя в Православной Церкви, рассмотренный в главе 2 иереем Василием Лосевым.

В монографии также раскрывается, как христианские нормы влияют на действующее позитивное право России в таких отраслях, как медицинское, семейное, гражданское, трудовое, наследственное, исполнительное, уголовное право. Исследован Церковный суд и его место в системе юрисдикционных органов России.

Ранее церковное право, равно как и церковная правовая доктрина (после 1917 г. и до настоящего времени), развивались отдельно от светского права и светской правовой доктрины.

В отличие от церковных вузов, где студенты изучали как церковное право, так и основы государственного права, в светских вузах студенты были изолированы от науки церковного права, которое является истоком права России. Вместе с тем Святейший Патриарх Кирилл на пленарном заседании XXVI Всемирного Русского Народного Собора сказал: «Образование необходимо для формирования цельной и гармонично развитой личности, для раскрытия в человеке образа Божия, заложенного с рождения. Не устаю напоминать об этом важном смысле слова “образование”. Если образование и культура не воспитывают в человеке доброту, совесть, любовь к Отечеству, то возникают тревожные вопросы: в правильном ли направлении вообще они развиваются? точно ли служат благу народа?» [1].

Авторы рецензируемой монографии положили начало совместному исследованию церковного и светского права, что в свою очередь дает повод для изучения вопросов гармонизации канонического и светского права России студентами светских и церковных вузов.

Рецензируемая монография рекомендована в качестве дополнительной литературы студентам духовных учебных заведений.

В заключение хочется поблагодарить весь коллектив авторов (среди которых три профессора Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) – Ю. А. Свиринов, А. А. Мохов и Н. В. Бандурина) за проделанный труд.

Особые слова благодарности – Ю. А. Свиринову и иерею Василию Лосеву за концепцию монографии, организацию самого исследования, положившего начало новому направлению научного исследования правовой материи.

Пристатейный библиографический список

1. Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на пленарном заседании XXVI Всемирного Русского Народного Собора // Московский Патриархат : сайт. URL: <https://www.patriarchia.ru/db/text/6178195.html> (дата обращения: 03.03.2025).
2. Серков П. П. Правоотношения: теория и практика современной правовой политики : в 2 ч. Ч. 1 : Правовая доктрина и меры правовой политики. М., 2023.
3. Свиринов Ю. А. Христианские основы российского права: история и современность : монография. М., 2025.
4. Лосев В. О некоторых правовых особенностях служения в церкви в контексте современного законодательства и церковных установлений // Правис. 2021. № 2.

References

1. Report of His Holiness Patriarch Kirill at the Plenary Session of the XXVI World Russian People's Council. URL: <https://www.patriarchia.ru/db/text/6178195.html> (date of application: 03.03.2025). (In Russ.)
2. *Serkov P. P.* Legal Relations: Theory and Practice of Modern Legal Policy. In 2 parts. Part 1: Legal Doctrine and Measures of Legal Policy. Moscow, 2023. (In Russ.)
3. *Svirin Iu. A.* Christian Foundations of Russian Law: History and Modernity: Monograph. Moscow, 2025. (In Russ.)
4. *Losev V.* On Some Legal Features of Service in the Church in the Context of Modern Legislation and Church Regulations. *Praxis*, 2021, no. 2. (In Russ.)

Сведения об авторе:

протоиерей Вадим Суворов (В. Г. Суворов) – доктор богословия, доцент.

Information about the author:

Archpriest Vadim Suvorov (V. G. Suvorov) – Doctor of Theology, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 11.03.2025; одобрена после рецензирования 19.03.2025; принята к публикации 19.03.2025.

The article was submitted to the editorial office 11.03.2025; approved after reviewing 19.03.2025; accepted for publication 19.03.2025.

ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К РУКОПИСЯМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ»

Рукопись статьи должна содержать обоснование актуальности и научной новизны, апелляцию к оппонентам и наличие дискуссии, самостоятельные выводы автора, отражающие основные результаты проведенного исследования.

Стиль статьи должен соответствовать требованиям, предъявляемым к научным работам, не являться публицистическим. Автору следует избегать использования цитат из популярных журналов и газет, ссылок на высказывания по телевидению. Ссылки на интернет-источники должны соответствовать ГОСТ.

Рукопись статьи не должна содержать выдержки из диссертаций, монографий, учебной литературы, иных научных и учебно-методических работ. Не принимаются материалы, опубликованные ранее в других изданиях, в том числе самим автором рукописи. В случае направления рукописи статьи одновременно в редакции нескольких изданий автор обязан известить об этом ответственного секретаря журнала «Вестник РПА».

Статьи аспирантов в рубрику «Труды молодых ученых» принимаются только при наличии положительной рецензии научного руководителя, оформленной должным образом и заверенной в вузе.

Тексты статей принимаются исключительно в случае, если они соответствуют следующим техническим требованиям:

- Объем – не менее 10 страниц формата А4;
- шрифт – Times New Roman, кегль 14;
- междустрочный интервал – 1,5;
- поля – по 2 см со всех сторон;
- абзацный отступ – 1,25 см;
- все аббревиатуры и сокращения расшифрованы при первом их употреблении в тексте;
- ссылки затекстовые в виде пристатейного библиографического списка нумерованного (по порядку использования в тексте ссылок на источник (не по алфавиту)), оформленные в квадратных скобках с указанием номера издания и страницы (если это необходимо по смыслу текста) (например, [1, с. 5] или [2]);
- в рукописи допускается размещение рисунков и таблиц. Рисунки и таблицы выполняются на отдельных листах. Электронные версии рисунков и фотографий подготавливаются в редакторах Photoshop (*.tif, *.jpg, *.psd, разрешение 600 dpi) или InDesign – отдельными файлами на одну иллюстрацию с приложением их распечаток. Электронная версия текста, таблиц и формул дается в формате RTF.

Автор в обязательном порядке должен представить на русском и английском языках следующие сведения:

- фамилию, имя (полностью), отчество (полностью), ученую степень, ученое звание, почетное звание, должность (полностью, без сокращений и аббревиатур), основное место работы (учебы), e-mail адрес (для связи с научной общественностью, который может быть размещен в открытом доступе), город, контактный телефон;
- название статьи;
- аннотацию статьи;
- ключевые слова статьи;
- пристатейный библиографический список, составленный согласно действующим национальным и международным стандартам.

Объем аннотации – от 250 до 500 печатных знаков. Аннотация должна содержать:

- актуальность,
- цель работы,
- методологию проведенного исследования,
- основное содержание и новизну статьи,
- самостоятельные выводы автора.

Аннотация и ключевые слова должны соответствовать теме статьи и ее содержанию.

Редакционная коллегия журнала осуществляет проверку текста статьи с помощью системы «Антиплагиат». Оригинальность текста должна составлять не менее 60%. Остальные 40% текста могут составлять надлежащим образом оформленные цитаты из литературных и иных источников, выдержки из законодательства, а также научные клише, стандартно используемые в публикациях подобного рода.

Материалы, не соответствующие указанным требованиям, не рассматриваются.

В случае получения от рецензента отрицательной по содержанию рецензии статьи снимаются с публикации.

Окончательное решение о возможности публикации статьи в журнале принимает Редакционный совет.

Рукописи и направленные с ними иные материалы авторам не возвращаются.

ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ

Научно-практический журнал
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)

№ 2 / 2025

Выпускающий редактор: *Е.В. Кирсанова*
Дизайн обложки: *Ю.С. Соколова, А.А. Нехай*

Подписано к печати 12.05.2025. Формат 70x100 ¹/₁₆. Печ. л. 14,6.
Бумага офсетная, шрифт Myriad Pro.

Адрес редакции:
117638, ул. Азовская, д. 2, корп. 1
Тел.: +7 (499) 963-01-01 доб. 21080.
E-mail: vestnik-rpa@mail.ru
www.journal.rpa-mu.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42,
корп. 5, эт. 1, пом. I, ком. 6.3-23Н

ISSN 2072-9936

9 772072 993603

